

9 (И6) Египет

УДК 961

ББК 63.3(4/8)(6Ег)

3.48

Рецензенты: Н. Н. Дьяков, докт. ист. наук, проф. (С.-Петерб. гос. ун-т), В. А. Ушаков, докт. ист. наук (С.-Петерб. филиал Ин-та российской истории РАН)

Зеленев Е.И.

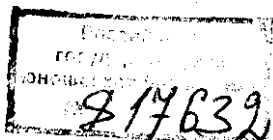
3.48 Египет: Средние века. Новое время. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. — 340 с.
ISBN 5-288-02170-8

В монографии на основании новейших и классических материалов, источников и исследований излагается история Египта в так называемый исламский период, охватывающий большую часть средневековья и нового времени (641–1922 гг.).

На фоне политической истории рассмотрена сложнейшая динамика религиозных преобразований, показаны изменения в социальной, экономической, культурной сферах жизни Египта, приведших страну к современному, далеко не однозначному состоянию, когда огромный потенциал египетского государства может сыграть роль как стабилизирующего, так и деструктивного фактора во всем регионе Ближнего Востока и Северной Африки.

УДК 961

ББК 63.3(4/8)(6Ег)

© Е.И.Зеленев, 1999
© Издательство
С.-Петербургского
университета, 1999

ISBN 5-288-02170-8

О мусульманском Египте — серьезно и интересно

Е. И. Зеленев написал интересную и серьезную книгу о мусульманском Египте. Она может быть и удобным учебным пособием для студента, и доступным и информативным введением в египетскую историю для всякого, кто интересуется этой удивительной страной или просто предполагает ее посетить.

Автор увлекательно рассказывает о важных эпизодах мировой истории, многие из которых не очень хорошо известны широкой интеллигентной публике в нашей стране. Мусульманская история у нас известна на самом деле очень мало, хотя она является важной составляющей нашей собственной истории и в прошлом, и теперь. Поэтому уместны рассказы о возникновении халифата и первых мусульманских завоеваниях, предлагающих читателю взгляд на особый мир религиозного подвижничества и самоотверженности, сочетающих стремление к правому делу с традицией похода за добычей.

Романтическое завоевание Египта поставило важную проблему ассимиляции идеологически сильных пришельцев с древними традициями великой страны. Возникло новое общество, являвшееся, тем не менее, продолжением многовековой истории. Практически вся средневековая история Египта — история освоения страны пришлыми воинами и история поглощения этих воинов вечной силой традиции.

Часть омаядского и аббасидского халифата — Египет — сохранил свой особый нрав и создавал свою особую новую культуру. Она причудливо выразилась в истории Фатимидов — династии, исповедовавшей и насаждавшей эзотерическое учение исмаилизма, полное удивительных тайн и замечательное своим скрытым универсализмом, стремлением создать всеобщую религию. Автор умело и интересно рассказывает о политической и религиозной жизни фатимидского Египта, о таинственных и неординарных «сумасшедших» его правителях, о той невыразимой прелести, которую Фатимиды придали Египту и его мусульманской культуре.

Другая увлекательная история — о том, как Египет противостоял крестоносцам и в конце концов изгнал их из Иерусалима и с Ближнего Востока вообще. Колоритная фигура освободителя Иерусалима Салах ад-Дина нарисована на фоне

ТРУДНОЕ РЕШЕНИЕ

Расстояние между городами Эль-Ариш и Рафах около 45 км, но Рафах это еще Южная Палестина, а Эль-Ариш уже административно относится к Египту. Таково положение сейчас, так было и в декабре 639 г., когда мусульманский отряд арабов-бедуинов численностью от трех с половиной до четырех тысяч человек ускоренным маршем прошел этот путь и к 12 декабря 639 г. оказался в Эль-Арише (Абд аль-Хакам 1985: 76; Большаков 1993: 104). Эту дату можно считать началом военной кампании, которая привела к присоединению Египта к арабо-исламской империи — арабскому халифату. Командовал отрядом Амр ибн аль-Ас.

Накануне похода в Рафахе он якобы получил письмо от халифа Омара, которое вскрыл, однако, только в Эль-Арише, куда спешно направился, догадываясь о содержании послания. В письме был приказ вернуться, если он еще не пересек границу Египта. Если же пересек, то поход следовало продолжать, а халиф обещал послать подкрепления (Абд аль-Хакам 1985: 104). Ситуация складывалась двусмысленная: письмо было получено вне Египта, а прочитано уже в Египте. В случае успеха Амр мог рассчитывать на снисхождение, но только в случае успеха!

Шел семнадцатый год хиджры — мусульманского летоисчисления, и пятый год войны, начало которой положило решение о походе против Византии, принятое в 634 г. ближайшим сподвижником пророка Мухаммада, а после его смерти в 632 г. — официальным преемником (араб. халифатун) во главе молодого исламского государства Абу Бекром (632–634 гг.). Решение о начале военных действий не встретило единодушной поддержки высших лиц страны. Еще не

утихла ридда (араб. ридда — отпадение), сепаратистские движения отдельных племен, не желавших после смерти Мухаммада признать над собой власть Медины — столицы мусульманского государства в Аравии. Подчинение аравийских племен власти медино-мекканской общины требовало от лидеров исламского государства не только огромной энергии и личной убежденности в правоте своего дела, которых им не приходилось занимать, но также и денежных средств, так как на первых порах материальный интерес шел параллельно, а зачастую и впереди религиозной убежденности. По преданию, уже Мухаммад стал оказывать новообращенным в ислам мекканцам явное предпочтение при разделе военной добычи по сравнению с ветеранами движения, высказывавшими свое недовольство этим. Мухаммад якобы объяснил неравенство при разделе материальных благ стремлением «привлечь сердца» к новой вере (Беляев 1965: 125).

Абу Бекру «привлечение сердец» к новой вере и ее практическое распространение стоило, видимо, еще дороже, так как он стал расплачиваться с участниками военных походов уже привилегиями, в частности, ему пришлось пообещать желающим принять участие в походе против Византии, что это будет зачтено им взамен налогов на скот (Медников 1897: 145). Так был сформирован один из четырех отрядов, принявших участие в византийской кампании. Его возглавил Амр ибн аль-Ас, которому было поручено идти в Южную Палестину и поддерживать основные силы арабов с юга. Спустя несколько недель Амр со своим отрядом подошел к границам Египта. Ради овладения им он поставит на карту карьеру, репутацию, жизнь, произойдет это через пять лет. В течение этих лет механизм, созданный Абу Бекром и усовершенствованный его преемниками, халифами Омаром (634–644 гг.) и Османом (644–656 гг.), тысячами перекачивал избыточное население Аравии на театры военных действий, где эти люди либо погибали «в войне за веру», либо побеждали и укоренялись на завоеванных территориях также «во имя веры», не возвращаясь назад.

Именно там на войне и в завоеванных странах ислам стал спланивающим идеологическим фактором, защищавшим завоевателей от растворения в покоренном населении. Первоначально же создание отрядов проходило в атмосфере весьма умеренной религиозности и на удивление просто: выбирался командир из числа убежденных мусульман, и формировалось

ядро отряда, которое затем пополнялось добровольцами. Халиф посылал эти отряды под командование одного из эмиров-командиров армейских корпусов, которые вели боевые действия. Численность обычного армейского корпуса составляла 4-6 тыс. человек (такими, например, были корпуса, принимавшие участие в войне с Ираном (Колесников 1982: 54)). Эти на первый взгляд малочисленные армии выглядели достаточно внушительно для своего времени, на что указывают сведения византийского императора Льва IV (886-911 гг.), который называет «нормальными» для Византии армии в 5-12 тыс. воинов, допуская случаи, когда армия может быть еще малочисленнее (Дельбрюк 1996, т.3: 128).

Для объяснения феномена арабских завоеваний требуется ответ на вопрос — откуда брались людские ресурсы, которые около ста лет питали арабские завоевательные кампании? Кто были те добровольцы, которые покидали родные места, откликались на призывы Абу Бекра и его преемников-халифов, пополняя ряды армии, а впоследствии обеспечивали колонизацию завоеванных территорий? Что толкало их на столь опасное предприятие? Сторонники концепций циклического и катастрофического ухудшения климатических условий в Аравии связывают критическое демографическое положение накануне арабских завоеваний, побуждавшее кочевные племена к миграции, с высыханием почв. Сторонники ресурсовой теории видят причины кризиса в скудности природных богатств Аравии, достигшей к VI в. критической точки, при которой населению полуострова хронически не хватало средств к существованию. Коммерческая теория объясняет высокий миграционный потенциал кризисом караванной торговли, вызванным стремлением сасанидского Ирана направить товарообмен между Востоком и Западом по своим территориям и отрезать Византию от прямой торговли с Востоком через Аравийский полуостров, блокировав его с юга. Сторонники социально-экономической теории связывают кризисные явления с имущественным и социальным расслоением в родоплеменной структуре аравийского общества. Современные исследователи в своих работах отдают предпочтение комбинированным теориям.

Важнейшим субъективным фактором, обеспечившим успех завоеваний, был фактор политический, связанный с появлением группы политических лидеров и организаторов, объединенных подчас вопреки личным антипатиям и трудно совместимым экономическим, социальным, культурным мо-

тивациям, общими религиозными убеждениями. Даже ближайшие сподвижники Мухаммада не были едины и делились на мухаджиров, ансаров¹ и мекканцев-неофитов, взаимоотношения между которыми были порой весьма напряженными (Беляев 1963: 132). Большинство первых мусульман не столько восприняло религию, которой еще практически не было, сколько поверили в личность Мухаммада, увидели в нем лидера, признали его политическое главенство над собой, усвоив лишь суть учения о единобожии.

Смерть пророка Мухаммада в 632 г. спровоцировала вспышку сепаратизма отдельных племен, не желавших признать верховенство Медины. Преемник Мухаммада — Абу Бекр применил против них силу и пролил кровь. Близкий по взглядам к Мухаммаду проповедник и политический организатор из Аль-Йемамы Муслим, которого мусульмане оскорбительно называли Мусейлима (Муслимишка), отказался признать над собой власть Абу Бекра. И вновь пролилась кровь, причем вооруженные схватки происходили между влачившими полуголодное существование кочевыми отрядами, которые, поддавшись обаянию чьих-то идей или обещаний, готовы были отдать за них жизнь, так как больше ничего не имели. Такова суть ридды: не отступничество от веры, а поиск жизненных средств побуждал племена к сепаратизму. Возможно, это подтолкнуло Абу Бекра к мысли, что наилучший метод предотвращения сепаратизма — это перманентное ведение войны, которое позволило бы удалить из Аравии вооруженные отряды кочевников — ударную силу любой оппозиции.

Начать войну против Византии немедленно, любыми силами, без всякой подготовки — так можно сформулировать предложение Абу Бекра, которое он вынес в 633 г. на обсуждение узкого круга доверенных лиц. Один из старейших мусульман, сподвижник Мухаммада, Абдаррахман ибн Ауф на фоне молчания остальных присутствовавших возразил — нужно хорошо подготовиться, собрать большое войско и только тогда можно начинать войну против грозной Визан-

¹ Мухаджиры («совершившие хиджру») — мусульмане, численностью около ста взрослых мужчин, переселившиеся в 622 г. вслед за Мухаммадом в Медину до завоевания им Мекки.

Ансары («помощники») — жители Йатриба (Медины), которые в 622 г. заключили договор с Мухаммадом, признав его своим верховным вождем и согласившись принять его и мухаджиров в своем городе.

тии. Абу Бекр настойчиво требовал мнения остальных, но все молчали. Его поддержал, причем безоговорочно, только один человек — его будущий преемник, продолжатель его дела, которому Абу Бекр по завещанию передал власть после смерти — Омар. Складывается впечатление, что все понимали, что предлагаемое Абу Бекром неизбежно, но никто не хотел разделять с ним ответственность за это щепетильное решение.

Второе обсуждение с привлечением более широкого круга мусульман также не выявило энтузиазма по поводу неподготовленной войны с грозным противником. Однако на этот раз не обошлось без скандальной распри, которая вспыхнула между Амром ибн аль-Асом, будущим покорителем Египта, и Омром, будущим халифом, при котором это покорение соотстоится. Возмущенный пассивностью присутствовавших Омар воскликнул: «Мусульмане! Что же вы не отвечаете заместителю посланника Аллаха, когда он призывает вас к тому, что даст вам (вечную) жизнь!» (под оборотом «вечная жизнь» подразумевалась смерть в войне за веру). Возмущенный этими словами и тоном, каким они были произнесены, участвовавший в обсуждении Амр с раздражением сказал, что недопустимо подобным образом говорить со старейшими мусульманами (сам Амр принял ислам раньше Омара, а его родной брат был шестым мусульманином, приняв ислам сразу за Абу Бекром), а если Омар так стремится к «вечной жизни», почему бы ему самому не отправиться в поход против византийцев. Омар возразил, что он пойдет туда, куда будет приказано халифом. «А вот мы, заявил Амр, имея в виду, видимо, старых мусульман, — не ради вас ходим в походы и, если пойдем, то пойдем ради Аллаха!» (Большаков 1993: 16 и далее).

Тон обсуждения, многозначительность реплик подводят к мысли, что ни Абу Бекр с Омром — главные инициаторы неподготовленной войны, ни тем более молчаливое большинство старых мусульман не помышляли о победе над Византией, рассматривая отправляемых на войну как обреченных на гибель. Это проявилось в полемике Омара с Амром. Еще очевиднее это стало при комплектовании армии и ее командиров. Для начала похода Абу Бекр счел достаточным войско численностью всего в 9000 воинов, разбитое на три примерно равных корпуса, во главе которых были поставлены трое командующих — эмиров. Ни один из них не имел опыта командования такими крупными и пестрыми по составу

группами и не проявил ни полководческих талантов, ни личной доблести. Это они должны были сразиться с прославленной византийской армией во главе с опытнейшими полководцами.

Абу Бекр не стал дожидаться окончания формирования армии. Напротив, он отправлял один отряд за другим, давая каждому самостоятельное задание. Не было единого руководства, не было координации действий, подкрепления досылались уже в процессе ведения боевых действий. Наконец, среди участников похода не было практически никого из племен, обитавших вокруг Медины, старых союзников Мухаммада и опоры Абу Бекра в период борьбы с сепаратистами (Большаков 1993: 16–20).

Весной 634 г. численность мусульманских войск в сирийской провинции Византии перевалила за 20 тыс. человек, составлявших четыре действовавших самостоятельно корпуса, однако дальше грабительских набегов на беззащитные поселения дело не шло. С появлением сообщений об организации византийской армии стала реальной угроза возвращения большей части арабских войск в Медину. Только тогда Абу Бекр экстренно перебросил в Сирию из Ирака талантливого полководца Халида ибн аль-Валида, который взял все войска под свое непосредственное командование и нанес ряд поражений византийцам. Объединенные силы арабов разгромили византийский отряд во главе с Феодором, братом императора Ираклия, в сражении, которое произошло летом 634 г. в южной части Заиорданья, по арабским источникам при Аджнадейне или Джаннабе (Медников 1897: 442). Эта победа была важна не только сама по себе как первая в этой войне, но и своими последствиями, на которые указывает армянский историк VII в. Себеос, а именно начавшимся вслед за ней массовым переходом на сторону арабов могущественной еврейской общины Палестины (Себеос 1862: 117). К этому весьма смелому шагу иудеев подтолкнул изданный в 634 г. указ императора Ираклия о насильственном крещении иудеев по всей империи. В 635 г. был взят Дамаск, в 636 г. было выиграно сражение при реке Йармук, в 637 г. — завоеван Иерусалим, после чего арабы установили контроль над всей Сирией и Палестиной.

СОСТОЯНИЕ ВОЙНЫ

Завоевание византийских Сирии и Палестины произошло одновременно с продвижением мусульманских армий в глубь Месопотамии и собственно Ирана, где арабам пыталась противостоять династия Сасанидов. Сохранившиеся сведения позволяют дать следующее обобщающее описание военной организации, боевого оснащения и снаряжения арабов. Ударную силу арабских войск составляли кочевники-бедуины Аравии. Неприхотливые в пище и приученные стойко переносить лишения, они с детства учились владеть копьём, луком, ножом, по мере взросления — метательным диском, мечом, палицей, обоюдоострым боевым топором. Боевое оснащение арабов включало в себя прочный шлем и панцирь, защитные накладные для рук и для ног, набедренники. Арабские отряды были значительно подвижнее персидских и византийских. Они обычно не имели обременительных обозов. Располагая значительным числом верблюдов, на которых перевозилась пехота, они легко и быстро преодолевали значительные расстояния. Первоначально арабы не делились на пехотинцев и всадников и передвигались преимущественно на верблюдах. После начала завоеваний они стали создавать крупные конные отряды, но и тогда сохранили их конно-пехотную специфику, когда воин одинаково легко сражался и в пешем, и в конном строю. Нередко арабы применяли такой тактический прием: встречали наступающего противника в пешем строю, обстреливая его стрелами, а в последний момент вскакивали на коней и устремлялись в конную атаку, либо отступали, изматывая вражескую пехоту. Будучи более подвижными, арабские отряды нередко предпринимали обходные маневры, используя для этого комбинированную конно-верблюжью кавалерию. Отметим, что весьма эффективным оружием ближнего боя у арабов считались камни, входившие в оснащение воина (до 30 камней у каждого). Результативными бывали и тактические хитрости, например, на кавалерию противника арабы пускали верблюдов, покрытых большими развевающимися на ветру полотнищами, которые пугали коней противника (Дольбрюк 1996: 135; Чистякова 1961: 25–30). В тактическом отношении война везде велась одинаково: отдельные набеги небольших автономных отрядов то в одном, то в дру-

гом месте вдоль постоянно меняющейся границы приводили к захвату у противника то одного, то другого района. При успехе туда незамедлительно направлялось подкрепление для последующей колонизации захваченной территории. Отряды, потерпевшие неудачу, всегда могли вернуться назад, получить пополнение и быть переброшены в места успешных боевых действий. Лишь в редких случаях при необходимости дать генеральные сражения отдельные отряды под командованием назначаемого халифом командующего сводились в крупные соединения, которые вновь распадались на автономные отряды после завершения коллективной операции.

В эту тактическую схему полностью вписывается поход Амр ибн аль-Аса в Египет. После победы при Йармуке в 636 г. мусульманская армия снова рассыпалась на составные части, и Амр ибн аль-Ас увел свой корпус в Палестину. К 639 г. он завоевал Газу, Бейт Джибрин, Амвас, Лудд, Наблус и Сабастийу, вел осаду Кайсариин. К этому времени он остался самым опытным командующим в арабской армии Сирии. Как он и предрекал, все остальные либо погибли, либо умерли от чумы в страшный 639 год. Главнокомандующий Халид ибн Валид в 638 г. был смещен с должности по подозрению в хищении общеисламской собственности и отправлен в Медину по приказу халифа Омара. Его место в качестве наместника Сирии получил Муавийя ибн Абу Суфйан. Таким образом, у Амра не было конкурента, а у халифа Омара — выбора. Отряд в 3,5–4 тыс. воинов соответствовал средней численности автономно действующего армейского корпуса и был достаточно крупным, если учесть, что чума 639 г. опустошила ряды мусульманской армии в Сирии и Палестине. Наконец, Амр уже более 5 лет находился в Палестине, граничившей с Египтом, вел постоянные боевые действия против Византии, имел сношения с кочевыми племенами Синайского полуострова, что подтверждается их переходом на его сторону уже в начале похода (Кулаковский 1996: 152). Кроме того, он бывал в Египте ранее, знал текущее положение дел в нем, ближе других находился к предполагаемому театру военных действий. Добавим, что в это время в Мекке и Медине сложилась катастрофическая обстановка. Небывалая засуха вызвала голод. Десятки тысяч отчаявшихся людей устремились в мединский оазис в поисках пропитания и надежде получить помощь от халифа. Запасов не хватало (Большаков 1993: 79). Перед Омаром встал тот же вопрос, что стоял в 633–634 гг. перед Абу Бекром. В его распоряжении, по мет-

тому определению фон Грюнебаума, «был вооруженный народ, неукротимый в своем желании выжить», и он пошел по уже испытанному пути новых завоеваний (Грюнебаум 1986: 61).

Только Египет мог решить стоявшие перед Омаром задачи, а они были самыми простыми: приобрести богатый источник продовольствия для умирающего от голода населения аджаза в Аравии, а также получить базу для отправки новых групп переселенцев из числа тех, кто сконцентрировался вокруг Мекки и Медины, и тем самым подготовить плацдарм для дальнейших завоеваний (Vatikiotis 1969: 13). Египет открывал для этого неограниченные возможности. В отличие от Сирии и Месопотамии, где земли было всегда меньше, чем желающих ею владеть, Египет имел избыток земли и недостаток рабочих рук, климатические же условия для неизбалованных мягким климатом аравитян были близки к идеальным. Неслучайно поэтому, что вскоре после начала похода переселенцы из Аравии потоком направились в Египет. Возможности Египта принять аравитян были столь велики, что это на полвека задержало дальнейшее продвижение арабов на запад. Только к началу VIII в., когда ресурсы Египта были истощены, а демографическая ситуация стала меняться в пользу арабов, возникла потребность и возможность осуществить новый выброс избыточного населения, который и привел к завоеванию Северной Африки и Испании.

В военном отношении поход корпуса арабов-бедуинов в Египет представлял собой эффектный, примерно трехсоткилометровый марш-бросок через Синайскую пустыню и дальше в направлении пирамид Аль-Гизы. Личность командующего безусловно наложила отпечаток на характер кампании. Существует предание, что Амр Ибн аль-Ас, занимаясь в молодости торговлей, побывал в Египте, сопровождая греческого священника из Александрии во время его возвращения из паломничества в Иерусалим. Нет необходимости говорить, как поражен был провинциальный аравитянин одним из красивейших городов тогдашнего мира. Но более всего он был изумлен богатством александрийцев (Абд аль-Хакам 1986: 74–76).

Начиная египетский поход, Амр был уверен, что ему не будет оказано сильное сопротивление, поскольку ситуация в Египте к этому времени была весьма благоприятна для арабов. Его население в то время составляли преимущественно копты-христиане-монофизиты, являвшиеся прямыми потом-

ками древних египтян. Официальное византийское православие рассматривало коптов как еретиков и соответственно с этим к ним относилось. Копты признавали лишь божественную природу Иисуса Христа, тогда как византийцы отстаивали, наряду с божественной, и его человеческую природу. Религиозные притеснения коптов-христиан, которые шли рука об руку с налоговым произволом, вызванным постоянными войнами Византии, сначала против Сасанидского Ирана, а затем против арабов, усугубляли естественную неприязнь египтян к завоевателям, чуждым им в языковом, религиозном и этническом отношениях. Подобное отчуждение населения и завоевателей могло некоторое время не проявлять себя открыто при условии эффективного и либерального административно-политического управления. Однако именно этого и недоставало в Египте византийцам в начале VII в. при императоре Ираклии, и это вносило разлад в их отношения не только с коптами (Marsot 1994: 1).

Наряду с коптами-христианами, потенциальным союзником арабов в Египте, подобно тому, как это имело место в Сирии и Палестине, была влиятельная еврейско-иудейская община. Проарабские настроения в иудейской общине накануне арабского вторжения в Египет были связаны с антииудейской политикой византийского императора Ираклия: в 634 г. он издал упоминавшийся выше указ о насильственном крещении иудеев по всей империи. Поводом к изданию этого указа, возможно, послужило астрологическое предсказание об опасности для империи, грозившей со стороны обрезанного народа, в котором Ираклий «узнал» евреев и в связи с чем им и была поставлена задача искоренения иудейства в своей державе. Насилия над иудеями усилили солидарность между ними и арабами, которая существовала еще раньше, и после издания указа о насильственном крещении множество иудеев перешло на сторону арабов (Кулаковский 1996, т.3: 139).

Византийский Египет накануне арабского завоевания был разделен на десять провинций, администрации которых в качестве главной задачи осуществляли сбор налогов с населения. Византийские военные формирования в Египте насчитывали в общей сложности около 23 тыс. человек и имели характер скорее военной полиции, чем регулярной армии. Такое положение объяснялось тем, что после отвоевания Египта у персов в 629 г. Византия еще не сумела восстановить в полной мере его обороноспособность. Кроме того известно, что непосредственно перед вторжением арабов Египет

представлял собой два наместничества — Верхний и Нижний Египет, которыми управляли два августала-наместника, а руководство военными действиями против арабов было поручено на Феодора, которого Иоанн Никиуский, коптский автор VIII в., называет главнокомандующим (Кулаков-ский 1996: 151–153). Он и стал главным военным противником Амра ибн аль-Аса.

Особняком стоит фигура мелькитского патриарха Кира (аб. аль-Мукаукис), назначенного в Египет осенью 631 г. Его пребывание в Египте пришлось на десятилетие, предшествующее арабскому завоеванию. Сразу по прибытии в Египет Кир начал насаждать компромиссную для монофизитов и мелькитов догму монофелитства², которую одинаково враждебно встретили и первые, и вторые. Коптский патриарх Вениамин призвал единоверцев не поддаваться ложным догмам и, покинув свою резиденцию в Александрии незадолго до прибытия туда Кира, укрылся в дальних монастырях Верхнего Египта (Кашиф 1988: 15, *араб.*). Сопротивление коптов вызвало озлобление у Кира: по его приказу разоряли коптские монастыри, конфисковывали их имущество, особенно упорных монофизитов пытали. Брат коптского патриарха Вениамина по имени Мина был схвачен, подвергнут пыткам, однако остался непреклонным в своих религиозных убеждениях и был казнен: утоплен в море. Не являясь официальным главой египетской администрации, Кир, по-видимому, обладал широкими властными полномочиями и в ознаменовании двойственного характера своей власти носил один красный, а другой черный сапог (Кулаковский 1996: 126–127). Иоанн Никиуский пишет о том, что религиозная политика Кира была главной причиной победы мусульман над греками в Египте (Кашиф 1993: 30, *араб.*). Политика Кира привела к тому, что отчуждение населения от византийских властей в Египте было глубже, чем в Сирии и Палестине. Кроме того, византийская верхушка в Египте была расколота на две партии — «синих» и «зеленых», что отражало борьбу политических сил в столице

² Монофелитство — компромиссное между монофизитством и православием вероучение, возникновение которого связано с именем патриарха Сергия. Оно получило распространение в 30-е гг. VII в. Суть учения состояла в утверждении о существовании «единой энергии во Христе».

при константинопольском дворе³. Ситуация осложнялась личностными антипатиями, материальными и политическими интересами отдельных лиц. Это в сочетании с губительной для византийцев тактикой пассивного выжидания за стенами укрепленных городов, которая уже привела их к поражению в Сирии и Палестине, позволило арабам навязать византийцам свои методы и необходимый для наращивания их численности темп боевых действий.

Не вызывает сомнения, что большая часть сведений, характеризующих положение Византии в Египте, была известна Амру. Остается неясным, изложил ли он их халифу Омару при личной встрече, или они были сообщены тому письменно, но несомненно, что в той или иной форме Амр получил согласие халифа на поход в Египет. Что же касается истории с письмом, породившей столько споров, то едва ли ее можно считать чем-то большим, чем изящный политический анекдот, все участники которого выглядят достойными похвалы потомков. Амр ибн аль-Ас всею жизнью доказал верность внутриисламской дисциплине. Он выступил с критикой неподготовленного похода против Византии на открытом обсуждении, но безоговорочно сам отправился во главе корпуса, когда это ему было приказано. Несколько лет он успешно сражался самостоятельно и в составе объединенной армии под началом Халида ибн Валида. Можно с уверенностью сказать, что предпринимая поход в Египет, Амр был убежден, что для него это не многим опаснее, чем продолжать войну в Палестине, где ему предстояло осаждать и захватывать охваченные эпидемией чумы византийские гарнизоны в Кейсарие и ряде приморских городов, т. е. вести войну на опустошенной эпидемией и боевыми действиями территории.

Была и военная причина для начала похода: осажденные в Палестине гарнизоны в любой момент могли получить подкрепление из Византии, но скорее всего из Египта, где у ви-

³ Партии «синих» и «зеленых», соответственно венеты и прасины, первоначально возникли как цирковые партии, получив свое название по цвету одежды цирковых возничих. В V-VII вв. они постепенно приобрели характер политических партий, причем венеты преимущественно поддерживали политику централизации государства и церкви, а прасины выступали за усиление влияния сената, органов местного самоуправления и проявляли симпатии к монархизму (Левченко 1947).

антийцев были и войска, и необходимые для доставки их в Палестину суда. Из-за страшной эпидемии чумы 639 г., видимо, арабских сил не хватало не только для полноценной осады византийских крепостей, но и для контроля над территорией, благодаря чему осажденные гарнизоны могли перемещаться и группироваться в отряды, что при наличии поддержки извне, в частности из Египта, могло представлять нешуточную угрозу для арабов. Под таким углом зрения поход Амра, если даже он оказывался неуспешным, сковывал вооруженные силы Византии в Египте, мешая им прийти на помощь осажденным городам в Сирии и Палестине. Об этом говорит и тот факт, что часть византийских войск, разгромленных в Сирии и Палестине, бежала в Египет. Они были готовы выступить проводниками и организаторами похода в Сирию.

Таким образом, нет основания сомневаться, что приказ двинуться в Египет был продуман и имел под собой веские причины (Кашиф 1988: 16, *араб.*). Поэтому, как справедливо отмечает Е.Беляев, ссылаясь на аргументы, приведенные Н. Медниковым, старая версия, согласно которой Амр ибн аль-Ас, будучи недоволен своим подчиненным положением в сирийском войске, самостоятельно предпринял поход в долину Нила, должна быть отброшена как совершенно несостоятельная (Беляев 1965: 139).

Письмо, направленное халифом Омаром, не имело в виду отмену похода. Абдаррахман ибн Абд аль-Хакам проливает свет на смысл этого приказа, приводя разговор, происшедший между халифом Омаром и Османом, занявшим халифский престол после смерти Омара. «О эмир верующих! — сказал Осман, — Амр смел. У него есть отвага и любовь к власти. Бойся того, что он отправится без надежного человека и без (твоего) согласия». То есть Осман предостерегает Омара, что в случае успеха Амр по праву будет владеть долей огромной добычи и иметь все основания претендовать на роль наместника богатейшей провинции страны. Еще свеж был пример Халида ибн Валида, который приобрел огромные богатства и необычайно большую популярность в войсках, что потребовало его отзыва и конфискации значительной части принадлежавших ему средств. Приказ Омара можно интерпретировать следующим образом: если поход уже начался и Амр считает возможным его продолжать, то следует идти вперед (как это было в начале войны с Византией, когда корпуса пополнялись в процессе движения и даже боев),

но если война еще не началась, то было бы лучше подождать подхода подкрепления и начать движение уже всей армией (как это было в войне с Сасанидами). Парадоксально, что по сравнению с военным советом 634 г. роли поменялись: Осман настаивал повременить с выступлением, а Амр стремился и имел моральное право начать компанию в одиночку. Халиф Омар послал двусмысленное письмо, которое Амр понял по-своему, приняв на свои плечи весь груз ответственности, и это никогда не вменялось ему в вину.

ПОХОД

Путь вдоль берега Средиземного моря оказался не защищен византийцами. Амр прошел без помех Синай и, продвигаясь в глубь Египта, одержал победу в трех сражениях, овладев городами Аль-Фарама, Билбеис и Умм Дунайн. В последнем сражении арабы победили только после того, как халиф Омар прислал им в подкрепление 4 тыс. воинов, увеличив арабскую армию до 8 тыс. человек. Второе подкрепление по просьбе Амра было направлено ему после начала осады Вавилона (Бабилийун) — важнейшей византийской крепости на границе Верхнего и Нижнего Египта⁴. На этот раз, наряду с четырьмя тысячами бойцов, Амр получил блестящих корпусных командиров — аз-Зубайра ибн аль-Аввама, аль-Микдада ибн Амра, Убаду ибн ас-Самита, которые, видимо, и должны были сдерживать его от проявления чрезмерной независимости и своеволия.

С прибытием подкреплений и благодаря отсутствию единства в византийском руководстве соотношение сил существенно изменилось в пользу арабов. В решающем сражении

⁴ Существуют две версии происхождения этого названия. Согласно первой из них, Вавилон — искаженное древнеегипетское «Перхаци-н-Он», что означает «Дом на Ниле по дороге в Он» (одно из названий Гелиополиса, современное название — Новый Каир). По другой версии, это название восходит к временам фараона Рамсеса II, который вывез из месопотамского Вавилона пленных и отправил их на работу в каменоломни в Тур (между нынешним Каиром и Хелуаном). Измученные рабским трудом вавилоняне подняли восстание. Тогда фараон отдал им участок земли у реки, где бывшие рабы основали свою колонию, назвав ее в честь родного города Вавилоном (Египет 1989: 80).

на Вавилон, расположенный в черте современного Каира на правом берегу Нила, принимало участие по некоторым данным до 12 тыс. арабов, во главе которых стояли лучшие в то время мусульманские военачальники. Важной тактической победой арабов был разгром отряда под предводительством Иоанна, прикрывавшего левый берег Нила и Файюмский оазис, что позволило захватить эту богатейшую область. Овладев обоими берегами Нила, Амр соорудил понтонный мост и отрезал дельту от южных областей Египта, установив в сентябре 640 г. эффективную блокаду Вавилона. Жители разгромленных завоевателями городов и селений бежали на северо-запад, разнося весть о непобедимости арабов. Население дельты охватила паника, «началось бегство в Александрию, а одновременно с тем и добровольное подчинение арабам туземцев по избежанию меча и насилия» (Кулаковский 1996: 153). В этой обстановке находившийся в осажденном городе византийский патриарх Кир начал переговоры с арабами, убеждая их принять выкуп и снять осаду. Договор был заключен, но император Ираклий не утвердил его, более того — заподозрил Кира в измене, отозвал его в Константинополь, публично судил, приказал пытать, а затем отправил в ссылку. Естественно, что после этого византийцы отказались выплачивать предусмотренные договором деньги, а арабы продолжили блокаду города.

Шел пятый месяц осады Вавилона, когда в Константинополе умер император Ираклий. Престол перешел к его сыну Константину III, который вызвал в столицу главнокомандующего Феодора для обсуждения положения дел и начал готовить флот для отправки десанта в Египет. Воспользовавшись отсутствием высшего руководства, комендант измученного осадой, голодом и болезнями гарнизона Вавилона начал переговоры о сдаче города, которые завершились подписанием 6 апреля 641 г. соответствующего соглашения. Через два дня после семимесячной осады гарнизон покинул город, и в него вступили арабы.

Сразу после этого Амр двинулся на Александрию, в пути произошли несколько сражений с византийцами. Самое кровопролитное и упорное из них продолжительностью десять дней состоялось у крепости Аль-Карийун на подступах к Александрии. В нем участвовал арабский передовой отряд во главе с сыном главнокомандующего Абдаллах ибн Амром, который проявил личную храбрость, был ранен в бою, но не смог добиться победы. К нему прибыл гонец от отца узнать, как обстоят дела. «Если душа в смятении, терпи. Скоро тебя или похвалят, или осудят», — ответил Абдаллах и продол-

жил сражение. «Он действительно мой сын!» — воскликнул Амр, узнав об ответе сына (Абд аль-Хакам 1985: 93–94).

Однако одного упорства для взятия столицы византийского Египта, имевшей население около 150 тыс. человек и способной, по некоторым данным, выставить до 50 тыс. защитников, было недостаточно (Большаков 1993: 115, Абд аль-Хакам 1985: 98). Даже если эти цифры преувеличены, гигантская по тому времени Александрия могла считаться неприступной: это обеспечивалось значительными людскими ресурсами и снабжением по морю. Арабы сразу поняли несоизмеримость сил и отказались от серьезных боев за город.

Таким образом, через полтора года после начала войны Амр установил контроль лишь над верхней частью дельты. Халиф Омар направил ему гневное письмо, упрекая своего главнокомандующего за промедление со взятием Александрии и затягивание войны в целом, подчеркивая, что если сам Амр не может добиться победы, то в его распоряжении есть посланные халифом выдающиеся полководцы, каждый из которых может взять на себя руководство ведением войны. Под угрозой отстранения от командования Амр пошел на унизительный для себя шаг, назначив руководить осадой Александрии Убада ибн ас-Самита, который добился некоторых успехов. Однако на заключительном этапе военных действий в Египте арабам помогло прежде всего трудное внутриполитическое положение в Византии. В начале лета 641 г., когда арабы были на подступах к Александрии, скончался (вероятно был отравлен) император Константин III, готовивший отpravку подкреплений в Египет. Престол занял его малолетний брат Ираклион, который уже в августе того же года был смещен и заменен на троне императором Константином, сыном Константина III. С этой новостью в Египет вернулся патриарх Кир, которого новый император реабилитировал и направил в страну с широкими полномочиями. Застав византийскую верхушку в Египте расколотой на враждующие группировки и партии, Кир при поддержке командующего Феодора добился ослабления позиций партии «синих», сторонников компромисса с арабами, в пользу непримиримых «зеленых», а затем по не вполне понятным причинам отправился в Вавилон для переговоров с Амром и 8 ноября 641 г. подписал с ним договор о сдаче Александрии, состоявший из 8 нижеследующих пунктов: 1) Жители Александрии обязуются выплатить дань по два динара с каждого взрослого мужчины; 2) Устанавливается перемирие до

28 сентября 642 г.; 3) Во время перемирия арабы занимают те позиции, которые они успели занять, и обе стороны не предпринимают никаких военных действий; 4) Византийские войска обязуются покинуть Александрию в течение 11 месяцев после подписания договора и могут увести с собой все свое имущество и сокровища; 5) Никакая новая византийская армия не может вступить в Александрию; 6) Все военные лица, которые захотят покинуть Александрию сушей, обязаны уплатить налог за один месяц; 7) В качестве гарантии соблюдения договора византийцы выдают арабам в заложники 150 военных и 50 гражданских лиц; 8) Арабы обязуются не захватывать церквей и не вмешиваться в дела христиан; 9) Иудеи Александрии сохраняют права жительства в Александрии после вступления в неё арабов. Последний пункт был важен, так как еврейское население Александрии составляло около 40 тыс. человек, т. е. едва ли ни треть всех жителей города (Кашиф 1993: 52; араб; Кулаковский 1996: 52).

Если Кир рассчитывал, что ему удастся воспользоваться этой отсрочкой для получения помощи из Константинополя, то он ошибся. За время перемирия арабы подчинили себе практически весь Египет. Сам Кир не дожид до срока выполнения заключенного им договора: терзаемый досадой за допущенный просчет он скончался 10 апреля 642 г. от желудочной инфекции, вероятно, острой дизентерии.

Тем временем арабы стали хозяевами всего Египта. Начиная с 641 г., из Египта в Аравию пошли караваны с продовольствием, облегчив положение десятков тысяч беженцев, окружавших Мекку и Медину со времени страшной засухи 640 г. Используя перемирие, арабы заметно изменили характер взаимоотношений с коптским населением. Копты не принимали участия в боевых действиях на стороне арабов, но осуществляли тыловое обеспечение: строили дороги, мосты, снабжали армию продовольствием и т.п. (Абд аль-Хакам 1986: 93). Многие представители местной администрации из числа греков и коптов сохранили свои должности и при арабах, перейдя к ним на службу. Как и в других завоеванных землях, арабы предоставили им выбор: либо принять ислам и служить в арабской армии, либо сохранить свою веру, но при этом платить подушный налог.

Новые властители Египта, исповедовавшие ислам и говорившие на арабском языке, были столь же чужды египтянам, как и их предшественники византийцы. Чужеземное владычество, начало которому положило завоевание Египта Александром Ма-

кедонским в IV в. до н. э., продолжалось и при арабах. Чем они бесспорно отличались от византийцев в лучшую сторону — это либеральной религиозной политикой (Vatikiotis 1969: 14).

Так же как и в Сирии, арабы, не имевшие административного опыта, применили уже опробованный прием: используя уже имевшуюся административную структуру, унаследованную от византийцев, разделили страну на три области в целях взимания налогов. Византийская административная система, состоявшая в разделении Египта на провинции, руководимые губернаторами, которые подчинялись наместнику, находившемуся в Александрии, с незначительными изменениями продолжала существовать и при арабах. В основных чертах она функционировала еще в эпоху фараонов. Только к концу VII в. в Египте стали вводиться новые формы административного правления (Marsot 1994: 3).

По приказу Амра ибн аль-Аса в 642 г. столица была перенесена из Александрии в центральную часть страны, во вновь построенный город аль-Фустат, располагавшийся в черте современного Каира, на его южной окраине. Название города происходило от арабского слова «шатер, палатка» («фустат»), возможно, восходящего к латинскому «fossa» — ров, окоп. Предание гласит, что город возник на том месте, где во время осады Вавилона Амр разбил свой шатер. После взятия Вавилона арабы направились к Александрии, и Амр приказал снять шатер, но выяснилось, что голубка свила на нем гнездо и снесла яйца. Узнав об этом, Амр якобы сказал: «Не пристало нам обижать вставшего под покровительство!» — приказал оставить шатер, как он был, и охранять его. Когда мусульмане, прибывавшие в Египет, спрашивали, где им ставить палатки, то им указывали: «Ставьте у фуста-та», — т. е. у шатра Амра, ставшего некоторым ориентиром (Абд аль-Хакам 1985: 112; Шалаби 1990: 78, *араб.*).

В центре новой столицы Амр ибн аль-Ас основал мечеть, впоследствии названную в его честь мечетью Амра. В сильно измененном виде она сохранилась до настоящего времени, став первым символом того, что Египет вошел в состав арабо-исламской империи — арабского халифата. Уже к 710 г. арабский язык заменил в официальной переписке греческий, и начался процесс интенсивной арабизации и исламизации страны (Butler 1908: 433).

На фоне происходивших перемен, можно сказать, буднично прошла предусмотренная договором эвакуация византийской

армии из Александрии, начавшаяся 22 сентября 642 г. В Александрию парадным строем вступили арабы во главе с Амр ибн аль-Асом, которого без восторга, но с должным почтением встретили александрийцы. Вскоре вслед за арабами уже под маской общего ликования в Александрию торжественно вернулся из изгнания непреклонный патриарх Вениамин, который своим приездом подвел черту под периодом активной борьбы арабов за Египет. Отныне новые власти официально признали коптов-монофизитов как правоверных, исповедающих религию, находящуюся под покровительством арабов-мусульман⁵. Мусульмане, таким образом, сделали то, чего безуспешно добивались египетские христиане от Византии. В ответ глава коптской монофизитской церкви призвал единоверцев к сотрудничеству с завоевателями-арабами, т. е. открыто встал на сторону арабов в борьбе с христианской Византией. Патриарха Вениамина даже называют, наряду с арабским главнокомандующим, вторым завоевателем Египта (Кашиф 1993: 29–34, *араб.*).

Этим важным событием завершилось завоевание Египта арабами. Ключевая роль в этом принадлежит Амру ибн аль-Асу. Если он и не проявил себя как выдающийся полководец, то в полной мере доказал, что он выдающийся политик и дипломат, сумевший решить важнейшие в военном отношении задачи — взятие Вавилона и Александрии дипломатическим путем, заключив договоры об их капитуляции. Проявив гибкость и осмотрительность, он не дал халифу Омру шанса сместить себя с должности главнокомандующего и по праву завоевателя занял пост наместника Египта.

⁵ Представление о правоверии в исламе основывается на двух понятиях: во-первых, ахл ал-китаб («Люди Писания»), категория лиц, занимающих промежуточное положение между верующими мусульманами и неверующими и язычниками. К этой категории относятся прежде всего иудеи и христиане, религии которых, с точки зрения ислама, богоугодны, так как наряду с мусульманами они поклоняются одному и тому же богу; во-вторых, аль-зимма («покровительствуемые люди») — иноверцы, главным образом иудеи и христиане, признающие власть мусульман, платящие джизью (подушный налог) и находящиеся под покровительством (зимма) мусульман, которые защищают их от внешних врагов, гарантируют неприкосновенность личности, имущества и свободу вероисповедания.

ХОЗЯЕВА ЧУЖОЙ СТРАНЫ

В Египте перед арабами стояла далеко не простая задача доказать свое моральное право владеть этой страной и не раствориться в преобладающем местном населении. Первое время египтяне смотрели на арабов свысока и были неприятно поражены простотой и грубостью аравитян, смущены их привычками и даже внешним видом, что нашло отражение в ряде полуполюгендарных преданий. Во время одного из приемов, устроенных арабами для египтян и греков, гости были поражены тем, что им поставили кресла, обитые парчой, а хозяева-арабы по традиции сели на пол, поджав под себя ноги и завернувшись в плащи. Один из арабов начал жадно глотать похлебку и рвать зубами мясо так, что брызги полетели на гостей, которые сидели рядом.

Даже внешний вид членов высшего военного руководства арабской армии нередко рождал скандальные ситуации. Так, чернокожий араб африканского происхождения Убада ибн ас-Самит, о котором говорилось выше, был назначен Амром главой арабской делегации на переговорах с патриархом Киром. Когда Убада вышел вперед для того, чтобы начать говорить, Кир, смущенный его внешностью, потребовал подтверждения, что он и есть официальный руководитель делегации. Только получив заверения присутствующих, что это так и что Убада — самый высокопоставленный, знатный и компетентный среди них, Кир разрешил ему подойти и позволил говорить. Умный Убада, который не мог не заметить оскорбительного оттенка происшедшего, не подал вида и начал речь с ироничного успокоения, сказав, что он далеко не самый черный и страшный из тысячи негров в арабской армии в Египте. Кроме того, он уже стар и, хотя его не испугает единоборство даже с сотней врагов, что он доказал под стенами Вавилона, он, конечно, не так силен, свиреп и грозен, как его более молодые темнокожие товарищи, которым не нужно ни золота, ни богатства, а нужна только победа во имя ислама.

С высокомерным отношением к арабам египтян и греков сталкивался и сам главнокомандующий арабов Амр ибн аль-Ас, который не отличался ни изысканной красотой, ни аристократизмом. Вот как его описывает арабский автор, которого трудно заподозрить в предвзятости: он был низкорослый, с большой головой, нависающим лбом, широким ртом

Полной бородой, широкими плечами, огромными руками и ногами, во время молитвы он заполнял собою всю мечеть. Обладая, наряду с заурадной внешностью, природным умом и проникательностью, он строил свою внутреннюю политику на простых, но эффектных приемах. В честь завершения военных действий он приказал организовать двухдневное пиршество, на которое в полном соответствии с арабским гостеприимством были приглашены все желающие. В первый день в качестве главного блюда подавалась верблюжатина, которую утонченные египтяне не терпели, а арабы с аппетитом ели. На второй день подавались египетские кушанья, которые арабы съели с неменьшим удовольствием, чем египтяне. На третий день состоялся парад арабских войск, после которого Амр обратился к египтянам с речью, доведя до их сознания три главных идеологических принципа завоевательной политики арабов, принесшей им повсеместный успех: во-первых, принимайте нас такими, какие мы есть; во-вторых, учите нас, мы готовы быть вашими учениками и, третье, бойтесь стать нашими врагами, ибо тогда мы обрушимся на вас всею нашей военной мощью. Каждому из этих принципов был посвящен один из дней праздника. Описанное не отличалось изысканностью, но и не оставляло места двусмысленности. Халиф Омар, узнав о случившемся, высказал одобрение: он любил грубую простоту слов и поступков, отражавших простоту помыслов (Абд аль-Хакам 1985: 78, 81, 86–87; Marsot 1994: 3).

Сближению арабов и коптов-египтян, проявившемуся в сотрудничестве коптов с арабами во время завоевания, в коллективных действиях по защите восточных границ Египта, важное в совместном проживании в городах, где арабы оставили свои военные гарнизоны, способствовала арабская либеральная религиозная и экономическая политика. Поскольку Амр запретил армии заниматься мародерством, завоевательная кампания арабов не вызвала серьезных разрушений в Египте. Широко известное предание о том, что Александрийская библиотека была сожжена арабами, выдуманно много лет спустя и впервые приведено в сочинении автора П. И. Абдаллатифа аль-Багдади (Хусейн б.д., т.2: 394, с.; Шалаби 1990: 42–46, араб.).

На завоеванных египетских территориях земельную собственность не конфисковывали, что объяснялось строгим приказом халифа Омара, запрещавшим арабам владеть и оброчивать землю в завоеванных странах, так как это могло

привести к внутреннему разложению арабской армии. Омар был столь тверд в этом вопросе, что запретил Амру построить собственный дом в Египте, взяв для этого свободный участок земли. Сближению арабов и коптов помогло гуманное решение халифа Омара в отношении египтян, принимавших участие в боевых действиях на стороне византийцев против арабов и доставленных в Мекку в качестве военнопленных. Омар простил их, даровал им статус свободных граждан и на деньги казны вернул их обратно в Египет. Столь удивительное милосердие, проявленное далеко не сентиментальным халифом Омаром, скорее походит на хорошо продуманный политический шаг, к которому его подтолкнули рекомендации Амр ибн аль-Аса. Это событие стало широко известно в Египте, вызвав симпатию и благодарность со стороны коптов (Шалаби 1990: 47, *араб.*).

При Амре существенно расширились посевные площади. Этими работами, вероятно, руководил специальный административный орган. Каждая провинция была ответственна за поддержание в надлежащем состоянии ирригационных каналов и дамб на своей территории. Для прокладки и чистки каналов, а также для поддержания в рабочем состоянии всей оросительной системы широко применялись принудительные работы. Амр по приказу халифа силами местного населения восстановил в 643 г. старый канал Траяна, соединявший Нил с Красным морем, и использовал его для вывоза зерна по кратчайшему пути из Египта в Аравию. Канал действовал около 80 лет, сыграв важнейшую роль в спасении арабских арабов от голода (Кулаковский 1996: 172; Абдал-Хакам 1985: 181–182). Умиротворению населения содействовало значительное понижение налоговых ставок, за что халиф строго выговаривал Амру ибн аль-Асу, а тот доказывал, что мир с многомиллионным населением важнее, чем несколько лишних миллионов динаров в год. Халиф в конце концов согласился с заниженными налоговыми ставками в Египте. Другой конфликтной проблемой во взаимоотношениях Омра с халифом были «задержки» в пересылке собранных налоговых средств в столицу халифата. Халиф Омар написал ряд писем Амру, требуя прекратить «задержки» (подразумевается «хищение») собранных налогов и немедленно выслать их в Мекку. «Я послал тебя в Египет не того, чтобы он стал кормушкой для тебя и твоего рода», говорилось в одном из посланий. Известно, что последний византийский префект Египта Кир собирал в год около 20

миллионов динаров, тогда как Амр собрал только 12 миллионов. При его преемниках налоги начинали расти, хотя и далеко отставали от византийского уровня (Абд аль-Хакам 1985: 179). Главными причинами повышения налогов были, во-первых, совершенствование арабской налоговой системы, во-вторых, борьба за власть над провинцией.

3 ноября 644 г. во время молитвы в мечети халиф Омар был смертельно ранен персом Файрузом, который обратился к Омару за защитой от непомерных поборов со стороны своего господина, а услышав в ответ, что подать с него не велико, отомстил халифу за это. К этому времени в Египте оставался два эмира-наместника: Амр ибн аль-Ас правил Нижним Египтом, а Абдаллах ибн Саад ибн Абу Сарх — Верхним. В 645 г. византийцы предприняли попытку отвоевать Александрию у арабов, направив туда войска. Часть александрийцев удержала византийцев. Решительные действия по подавлению мятежа и изгнанию византийских войск предпринял Амр ибн аль-Ас и добился успеха. Восстановив власть арабов в Александрии, он к лету 646 г. срыл стены и разрушил укрепления города, лишив его в дальнейшем возможности обороняться (Кашир 1993: 33, *араб.*). В качестве награды при личной встрече с вновь избранным халифом Османом он потребовал передать ему управление над Верхним Египтом. Осман, видимо не питавший симпатий к Амру, отказал, заявив: «Ты знаешь, что Абдаллаха назначил не я (а халиф Умар), так как же я могу его отстранить, тем более, что он мой молочный брат, и я обязан его матери многим хорошим». Тогда в порыве гнева Амр, который прочил на эту должность своего сына Абдаллах ибн Амра, воскликнул: «Тогда я не вернусь в Египет!». Ответом халифа Османа стал приказ о передаче всей полноты власти в руки его молочного брата Абдаллаха ибн Саад ибн Абу Сарха, который был до этого наместником Верхнего Египта. Чтобы укрепить свои позиции, ему необходимо было доказать, что он может управлять страной по крайней мере не хуже, чем его предшественник. Этим, вероятно, объясняется, что он собрал больше налогов, чем Амр — 14 миллионов динаров, снискав признание халифа Османа, но одновременно настроив против себя местное население (Абд аль-Хакам 1985: 191–192).

Новый губернатор всего Египта был безусловно предан халифу Осману и, выполняя волю своего повелителя, приписал к халифату Нубию (Северный Судан), вел активные

боевые действия в Северной Африке, воевал с Византией, но во внутривосточных делах Египта оказался неудачлив. Воспользовавшись его частыми и продолжительными отсутствиями, группа противников халифа Османа, которую возглавил Мухаммад ибн Абу Хазифа, отстранила Абдаллаха от власти и вынудила отправиться за защитой к халифу в Медину. Этот ход был использован оппозицией для окончательного устранения его от власти и введения запрета на его возвращение в Египет. Абдаллаха обвиняли в налоговом ограблении и притеснении населения, злоупотреблении служебным положением, но подоплекой этого была борьба за власть, в которую энергично включилась антиомейядовски настроенная часть арабов, находившихся в Египте. С этого момента ответственность за решение этого политического кризиса полностью легла на плечи халифа Османа, который не смог справиться с этой задачей: он был убит 20 июня 656 г. войсками арабского отряда, прибывшего из Египта в Аравию под предлогом выполнения малого паломничества с жалобой на несправедливое правление Абдаллах ибн Саад ибн Абу Сарха. Группу нападавших возглавил один из мекканских аристократов, сын халифа Абу Бекра — Мухаммад ибн Абу Бекр, стремившийся добиться для себя более высокого положения в халифате. Он «то ли держал халифа за бороду, когда другие перерезали ему горло, то ли убивал сам» (Большаков 1993: 214).

После трагических событий в Медине внутреннее положение в халифате стало необычайно напряженным, так как в борьбу за право быть наследником Османа вступили сразу два претендента: в Медине был провозглашен халифом Али ибн Абу Талиб, одновременно двоюродный брат и зять пророка Мухаммада, а в Сирии на халифский престол претендовал Муавия, племянник убитого халифа Османа, сумевший создать себе репутацию сильного и мудрого правителя. Оба конкурента вступили в борьбу за контроль над Египтом, поддержка которого могла перевесить чашу весов в пользу одного из них.

ГЛАВА 2

**ЕГИПЕТ
В СОСТАВЕ
ОМЕЙЯДСКОГО
И АББАСИДСКОГО
ХАЛИФАТОВ
(661—969)**

*Правление всем Египтом равно
своим значением правлению халифатом.*

Амр ибн аль-Ас

ЕГИПЕТ И РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ ИСЛАМА

Правление халифа Османа (644–656 гг.) было торжеством рода Омейядов и их сторонников — мекканских аристократов, до последней возможности боровшихся против «ереси Мухаммада» и «принимавших ислам лишь как политическую необходимость» (Петрушевский 1966: 38). Будучи благочестивым мусульманином, человеком богобоязненным и пiousным, Осман не стремился к личному обогащению, однако беззастенчиво протезировал своим родственникам, поставив на все важнейшие военные и административные должности членов омейядского семейства. Это не могло нравиться старым мусульманам, видевшим в Омейядах «замаскированных врагов», в лучшем случае лицемеров.

После гибели халифа Османа в 656 г. разгорелась кровавая борьба за власть между его преемником, четвертым халифом Али ибн Аби Талибом, и наместником Сирии Муавией ибн Аби Суфианом, который, как и покойный халиф Осман, приходившийся ему дядей, происходил из рода Омейядов и на правах родственника убитого халифа требовал отмщения, намекая на причастность к этому убийству нового халифа. Религиозный и щепетильный в вопросах морали, Али неизбежно боялся этих обвинений. Некогда изящный и непобедимый «рыцарь ислама», известный своей прямоотой и честностью, любимый за это единоверцами, один из десяти первых мусульман, двоюродный брат и доверенное лицо пророка Мухаммада, муж его любимой дочери Фатимы и отец двух его внуков, прошедший путь от пастуха до правителя империи, Али являл собой полную противоположность Муавии, который родился в знатной и богатой семье, что уже само по себе предопределило его высокий социальный статус при любом режиме и небрежное отношение к условностям морали.

Чисто политическая поначалу борьба между ними постепенно развилась в религиозно-политические и социальные движения, которые положили начало двум религиозным направлениям в исламе: суннизм (от *араб.* «сунна» — предания о пророке Мухаммаде) поддерживали сторонники Муавийи; шиизм (от *араб.* «шиат Али» — партия Али) — сторонники халифа Али. Важным элементом этого противоборства стала борьба за контроль над Египтом.

После 656 г. в Египте образовалось две политические группировки, поддерживавшие своих сторонников: Мухаммад ибн Аби Хазифа и его люди поддерживали Али, тогда как Муавийя ибн Аби Худейдж с единомышленниками стоял за Муавийя ибн Аби Суфиана. Кровавые столкновения между двумя группировками не принесли победы ни одной из них. Тогда наместник Сирии Муавийя ибн Аби Суфиан лично направился в Египет, чтобы провести там переговоры с лидером партии своих противников Мухаммадом ибн Аби Хазифом и направленным халифом Али в Египет в качестве официального наместника Кайсом ибн Саад ибн Ибадой (Хусайн б.г. 404, *араб.*).

Муавийя опасался, что Египет в решающий момент поддержит Али, и ему, Муавийи, может быть нанесен удар с юга в тыл, тогда как главные боевые действия разворачивались на Востоке на территории Ирака, где у Али была сильная поддержка и где находилась его резиденция, которую он перенес из Медины в Куфу (современный Ирак). Задачи Муавийи на переговорах были более чем умеренными: он хотел только нейтралитета Египта. Однако умный, уравновешенный и опытный губернатор Кайс ибн Саад ибн Ибада не давал таких гарантий. Тогда, не имея военных и политических средств давления на Египет до тех пор, пока не решен спор о халифском престоле с Али, Муавийя прибег к испытанному средству — интриге. Он распустил слух, что Кайс ибн Саад находится с ним в сговоре и даже обещал ему поддержку. Слух этот через агентов Муавийи был доведен до Али, который поверил клевете и отстранил Кайса, заменив его более слабым и менее опытным Мухаммадом ибн Абн Бекром, непосредственным участником убийства халифа Оммана (Шалаби 1990: 64–65, *араб.*).

Это дало Муавийи в глазах мусульман неоспоримое моральное право напасть на Египет, объявив войну не провинции халифата, а ее губернатору — убийце своего дяди и од

современного халифа правоверных. Столь же удачно было выбрано время: после знаменитой битвы между войсками Али и Муавии при Сиффине на р.Евфрат (657 г.), за которой последовал раскол в стане Али, и он был отвлечен борьбой с мятежными хариджитами, не имея возможности помешать действиям Муавии. В этом сражении отличился примкнувший к Муавии Амр ибн аль-Ас, который в критический для Омейядов момент призвал Али прекратить битву и сесть за стол переговоров, заменив суд «меча божьего» судом «книги покаяния». Предание гласит, что наученные Амром рядовые воины выставляли перед собой свитки Корана, деморализуя побоищных сторонников Али напоминанием о тяжком грехе, который совершают мусульмане, убивая единоверцев. Али поддался на уловку Амра, остановил сражение, согласился на переговоры с Омейядами и даже на предоставление третейскому суду решения вопроса о своем праве на сан и должность халифа (Дельбрюк 1996: 136–138). Этим он спровоцировал раскол в собственном войске, которое покинули непримиримые противники компромисса с омейядской аристократией. Они и получили название хариджитов (от *араб.* «хараджа аля» — выступать против кого-либо). Борьбой с ними Али был поглощен все оставшиеся годы своей жизни.

Тем временем Муавийя подготовил поход на Египет. Блестящим был выбор командующего: им стал коварный и хитрый, но столь же известный и компетентный в египетских делах Амр ибн аль-Ас, завоеватель и экс-наместник Египта, освобожденный от этой должности халифом Османом, но поддержавший его племянника. В этом тонком политическом маневре Амра рядовые мусульмане увидели жест великодушия, возмущая, что он поднялся выше личных амбиций и принял сторону достойнейшего, пусть даже и родственника лица, нанесшего ему обиду. Амр блистательно выполнил возложенную на него миссию: в 658 г. нанес поражение Мухаммаду ибн Абу Бекра, приказал предать его смертной казни, а затем зашить в брюхо осла и сжечь (Кулаковский 1996: 210). После этого Амр признал Муавийю халифом всех мусульман, оставил Египет провинцией халифата Муавийи, а сам опять стал главой правления этой области. Амр управлял Египтом до своей смерти, последовавшей в 663 г.

Подчинив себе Египет, который прежде до того признавал халифом Али, Омейяды изменили соотношение сил в свою пользу. Две самые богатые провинции халифата оказа-

лись в руках Муавийи, а посланные им из Сирии войска достигли Ирака и Южной Аравии. Положение Али было намного слабее. Ему было уже далеко за 50 лет. Арабский историк X в. аль-Масуди, описывая Али в конце правления, рисует образ пожилого, лысого, склонного к полноте человека с очень смуглой кожей, длинной белой бородой, большими глазами и тяжелым взглядом, озабоченного проблемами своего государства. Важнейшими из них, если не считать постоянного и все возрастающего военно-политического давления со стороны Муавийи, было то, что Аравия лишилась зерновых поставок из Египта, а в восточных провинциях, несмотря на свирепые репрессии, продолжали действовать хариджиты. Один из них 22 января 661 г. нанес Али смертельные раны отравленным кинжалом при выходе халифа после молитвы из мечети в г. Куфа, расположенном в современном Ираке. Через два дня Али от полученных ран скончался. Это положило конец гражданской войне. Пророческой становилась фраза, которую любил повторять Амр ибн аль-Ас: «Правление всем Египтом равно своим значением правлению халифатом» (Абд аль-Хакам 1985: 211).

Хасан, старший сын Али, на которого шииты возлагали надежды как на своего будущего лидера, в обмен на весьма значительную сумму денег отказался от своих прав на халифат, поселившись в богатом имении в Медине. Муавийя объявил всеобщую амнистию. Уже в 661 г. он был признан халифом во всех областях халифата. Своей столицей он избрал Дамаск, который плотным кольцом прикрывали верные ему арабские племена, селившиеся в христианской Сирии. Примечательно, что провозглашение Муавийи халифом, состоявшееся в Иерусалиме в 660 г., сопровождалось его посещением христианских святынь — Голгофы, Гефсиманского сада, гробницы Богоматери, и везде он совершал молитву (Кулаковский 1996: 194).

В качестве общепризнанного халифа Муавийя правил с 661 по 680 гг. После его смерти на три года власть перешла в руки его сына Йазида (680–683 гг.), который умер, не достигнув сорокалетнего возраста, а затем на несколько месяцев — к его внуку Муавийю II, скончавшемуся от чумы в 683 г. На этом завершилось правление потомков Абу Суфийана, и власть перешла к другой ветви дома Омейядов — к Мерванидам, первым из которых был халиф Мерван ибн аль-Хакам (683–685 гг.), после которого правили халифы Абд аль-Малик (685–705 гг.) и Валид (705–715 гг.). При них

произошли крупнейшие завоевания и были проведены важные реформы. Поздние Омейяды в большинстве своем обладали яркой индивидуальностью, но при этом испытывали острый дефицит качеств, которых требовало от них положение халифов. Любителя кутежей Сулеймана (715–717 гг.) сменил на престоле транжира и щеголь в молодые годы, а к старости набожный аскет Омар II (717–720 гг.). Неустанный собиратель налогов халиф Хишам (724–743 гг.) уступил трон страстному охотнику Валиду II. Последним на омейядском престоле был Мерван II (744–750 гг.), который, опасаясь кутежей, перенес столицу из Сирии в Ирак, но пал жертвой нового антиомейядского восстания под шиитскими лозунгами во главе с Абу Муслимом (747–750 гг.), бежал от мятежников в Египет, был там схвачен, убит и посмертно расчленен. Тем самым путь к халифской власти семье Аббасидов, во главе которой стояли руководившие этим восстанием, был открыт.

Члены омейядского дома (более 80 человек) были поголовно истреблены, надругательству подверглись даже трупы убитых омейядских халифов. Подобная ненависть объяснялась не только общим недовольством Омейядами как правителями, но и питалась памятью о жестоком подавлении в 750 г. халифом Йазидом шиитского восстания во главе с сыном Али и внуком пророка Мухаммада, третьим шиитским имамом Хусейном, погибшим тогда же мученической смертью. Из семьи Омейядов спаслось лишь несколько человек: во главе с эмиром Абд ар-Рахманом, который проделал долгий путь через всю Северную Африку и в 756 г. захватил власть на Пиренейском полуострове, навсегда отделив Аль-Андалус (Испанию) от остального халифата.

ЕГИПЕТ ПРИ ОМЕЙЯДАХ (661–750)

Девяносто лет правления династии Омейядов является периодом утверждения арабского владычества на завоеванных землях и распространения его на новые территории. Политически всю вторую половину VII и начало VIII в. Египет оставался прифронтовым государством, тыловой базой, важным пунктом арабских армий, стремившихся покорить африканские территории к западу от нильской дельты. Следуя египетской традиции, арабы именовали их Ифрикия

(т. е. Африка), а живших там людей — афариков — считали потомками Фарика ибн Байсара, к имени которого этимологически возводилось название всего края. Сегодня на этой территории расположены Ливия, Тунис и часть Алжира. Западнее неё находились земли, именовавшиеся аль-Магриб (букв. араб. «место захода солнца»), охватывавшие современный западный Алжир и Марокко.

К завоеванию этих земель были так или иначе причастны все наместники Египта, кроме Амра ибн аль-Аса, которому халиф Омар категорически запретил даже думать о походе на запад, якобы сказав, что Африка это трижды распустье, и поклялся, что пока он жив, никто из арабов не пойдет туда походом (Абд аль-Хакам 1985: 191). Дело в том, что в отличие от по преимуществу земледельческих Сирии, Ирана и Египта в северо-западной Африке арабам предстояло сражаться с воинственными берберо-мавританскими племенами, не уступавшими арабам в воинской доблести. Однако Осман не мог сдержать наступательного пыла своих египетских командиров, а точнее их желания захватить несметные богатства загадочной Ифрикии с ее знаменитой столицей — Карфагеном. Уже неудачливый преемник Амра на посту наместника Египта Абдаллах ибн Саад ибн Аби Сарх совершил набег на «земли Карфагена» и вернулся с богатой добычей. До нас дошел анекдот, рисующий дух наживы, владевший участниками похода. Перед победителем Абдаллахом сложили кучу серебряных монет. Пораженный их количеством Абдаллах спросил, откуда такое богатство. Местный шейх стал ходить кругом, как будто в поисках чего-то, пока не нашел на земле оливку. Он поднял ее и показал Абдаллаху со словами: «Вот из этого мы добываем серебро». «Каким образом?» — спросил заинтригованный араб. «Очень просто: у румийцев нет оливок, они приезжают к нам и покупают масло, а мы берем у них серебряные деньги» (Абд аль-Хакам 1985: 203).

Муавийя, по тактическим соображениям, чтобы развязать себе руки в борьбе за халифат, заключивший в 659 г. мир с византийским императором Константином, упрочив свое положение, уже в 663 г. совершил грабительский набег на византийскую Малую Азию. Затем он повторял эти походы ежегодно, превратив их в постоянную пограничную войну, а в 673 г. с огромным флотом приступил к осаде Константинополья, продолжавшейся до 677 г. Попытка взять византий

ую столицу закончилась провалом, и арабы с «большой целью» отступили, заключив с Византией десятилетнее перемирие (Кулаковский 1996: 223–226). С этого времени главной целью захватнической политики арабов на западном направлении становится завоевание Северной Африки, базой для которого являлся Египет.

После смерти Амр ибн аль-Аса в 663 г. власть над Египтом перешла к его сыну Абдаллаху, затем к Утба ибн Абу Суфиану, которого уже в 664 г. сменил Укба ибн Амир аль-Хухани, оставивший этот пост в 667 г. в связи с походом в Родос. Его заменил Маслама ибн Мухаллад. После его смерти в 682 г. это место занял Абд аль-Азиз ибн Мерван (687–703 гг.). С 703 по 709 гг. правителем Египта был Абдаллах ибн Абд аль-Малик ибн Марван, сын халифа Абд аль-Малика (685–705 гг.). Затем правил Курра ибн Шарик (709–711 гг.) — последний выдающийся наместник Египта периода Омейядов (Абд аль-Хакам 1985: 114, 143, 198, 386; Шала-ва 1990: 32–34, *араб.*).

При четырех египетских наместниках, начиная с Утба ибн Абу Суфиана, был осуществлен захват обширных территорий в Северной Африке. Эти завоевания связаны с именами трех командующих: Муавийя ибн Худжайдж, совершивший три успешных похода в период с 654 по 666 гг.; Укба ибн Нафия, живший между 666 и 682 г., основатель г. Кайруана (677 г.), сын ан-Нуаман, военная активность которого развернулась после 682 г. Последнему принадлежит слава двойного захвата Триполитана в 697 и 698 гг. и фактическое присоединение к арабскому халифату Ифрикии и значительной части Магриба. Его место продолжил после 704 г. сменивший его Муса ибн Нусайр, который достиг Атлантического океана и стал наместником Магриба. По его приказу Тарик ибн Зийад пересек пролив, отделявший Африку и Европу и впоследствии получивший название Гибралтарский (от *араб.* Гебель Тарик — гора Та-рик), и покорил Пиренейский полуостров, который арабы начали называть Андалусией (от *араб.* Аль-Андалус, что этимологически связано с названием группы германского племени — вандалов, которая поселилась в Южной Испании в результате переселения народов, откуда была вытеснена готами, и в 429–439 гг. завоевала Северную Африку, основав на ее территории собственное королевство).

В результате этих завоеваний Египет превратился из прифронтовой области в глубокий тыл воюющей омейядской

державы, на который распространялись все те процессы, которые шли в ее сирийском центре. Главным в политической и духовной сферах Египта омейядского периода было последовательное наступление ислама на позиции христианства и шедшая параллельно арабизация египтян. Важной предпосылкой этого были поддержка коптской верхушкой во главе с патриархом Вениамином арабского вторжения и ее официальный переход на сторону арабов после завоевания. В результате этого принятие коптами ислама стало делом исключительно личного выбора, мотивы которого зачастую совершенно непонятны, как, например, в случае перехода в ислам одного из монахов монастыря Св. Екатерины еще до завершения арабского завоевания (Шалаби 1990: 47; Кашиф 1988: 31, *араб.*).

Острота процессов исламизации и арабизации во многом зависела от личности правителей, их взаимоотношений с населением, экономических и политических приоритетов и т. п. Однако главным условием их успеха было увеличение численности арабского населения, постоянно проживавшего в Египте. Арабская армия вторжения, достигшая к концу войны 12 тыс. человек, была мала даже для выполнения полицейских функций, не говоря уже о защите внешних границ (Абд аль-Хакам 1985: 210). При халифе Муавии в начале 60-х гг. VIII в. численность арабских войск в Египте была доведена до 27 тыс. человек. Даже с учетом членов семей и невоенной части поселенцев арабское население было ничтожно мало для управления Египтом. Поэтому при каждой смене губернаторов с новым правителем в страну прибывало до 5 тыс. воинов. Различным арабским племенам было позволено перебраться из Аравии в Египет, где они селились и смешивались с местным населением, ускоряя тем самым насаждавшийся сверху процесс арабизации. Закон халифа Омара о том, что арабы не могут владеть земельной собственностью за пределами Аравии, был забыт, и переселенцы-аравитяне стали владельцами значительных земельных угодий. Крупнейшими племенами, поселившимися в Египте, были племена кайс, клнз, джухейна, химиар, лахм и десятки входивших в них родов и семей (Абд аль-Хакам 1985: 119 и далее; Vatikiotis 1969: 15).

Отдавая должное грандиозным по масштабам, длительности и интенсивности переселенческим усилиям арабов, необходимо признать, что часто приводимое в арабской исто-

демографии утверждение о массовом переходе коптов в ислам в первые десятилетия после арабского завоевания не подтверждается историческими фактами. По данным Ватиканского института, к 725 г. 98% египтян продолжали исповедовать христианство (Vatikiotis 1969: 15). Низкие темпы исламизации и арабизации потребовали от арабов-завоевателей принятия дополнительных мер для переселения аравийских племен в Египет. Особенно много арабов прибыло в Египет при халифе Хишаме ибн Абд аль-Малике (724–743 гг.), который использовал нильскую дельту в качестве передовой арабской военной базы для борьбы с антиарабским восстанием, охватившим в 740 г. практически всю Северную Африку западнее Ливийской пустыни. Именно к этому времени относится переселение в Египет крупных групп племен кайс, наср, амир, кинизин, садим, которые расселились на значительных территориях дельты и Верхнего Египта, придав новый мощный импульс исламизации (Шалаби 1990: 49, *араб.*).

При халифе Хишаме в числе переселенцев впервые появились арабы-земледельцы, выходцы из Южной Аравии. В 724 г. у Бильбейса были расселены 3 тыс. северных арабов (кайситов), которые также занимались возделыванием земель. К середине VIII в. их число возросло до 10 тыс. человек. После прихода к власти Аббасидов арабские племена в Египте, оставшиеся верными Омейядам, будучи лишены государственных дотаций, ушли из городов в сельские районы, что привело к превращению их в оседлых земледельцев (Чоменова 1974: 33).

В период правления халифа Абд аль-Малика ибн Мервана (685–705 гг.), наряду с демографическими, произошли важные изменения в административной жизни, поощрявшие переход коптов в ислам. С 706 г. языком официальной переписки и делопроизводства в Египте вместо коптского стал арабский, и арабы заменили в административном аппарате коптов, даже если последние выучили арабский язык. Этим завершился период становления арабской административной системы на завоеванной территории (Егупт 1983: 13).

Во главе административной пирамиды в Египте стоял наместник или правитель (*араб.* вали), как правило, носивший титул эмира. Ему непосредственно подчинялись им же назначенные губернаторы областей, имевшие свои мини-администрации. Тремя главнейшими административными чиновниками центрального аппарата были: командующий вой-

сками — маршал (*араб.* мушир); верховный судья (*араб.* кади); казначей-сборщик налогов (*араб.* джаби аль-харадж). Маршал осуществлял практическое руководство армией; верховный судья следил за исполнением законов; казначей контролировал сбор налогов. Довольно часто казначей назначался непосредственно халифом, так как наряду с контролем за сбором налогов в его обязанности входила передача части собранных средств губернатору на покрытие внутрипровинциальных расходов и пересылка остальных средств в имперскую казну (первоначально в Медину, затем Дамаск, а после 762 г. — в Багдад).

Основные налоговые поступления приходились на подушный налог (*араб.* джизья), который платили взрослые христиане; поземельный налог (*араб.* харадж), выплачиваемый владельцами полутора миллионов акров земли, составлявших в то время все имевшиеся в Египте сельскохозяйственные угодья; закят — мусульманский налог на движимое и недвижимое имущество, обязательный только для мусульман (*Хрестоматия* 1968: 13 и далее).

Наместник имел предельно широкие полномочия, контролируя практически все сферы жизни общества в своей провинции. Аль-Маварди приводит следующий перечень функциональных обязанностей эмира Египта: контроль за боеспособностью армии и изменениями административного деления, снабжение населения продовольствием; контроль за судебной системой, назначение судей и контроль за практическим судопроизводством; сбор налогов, добровольных пожертвований, назначение налоговых чиновников, перераспределение собранных средств; покровительство религии, борьба с нарушениями религиозных законов; охрана прав личности при соблюдении заповедей бога; выполнение функций верховного имама на молитвах; направление и снаряжение паломников к святым местам Аравии (Хусайн б.г.: 407, *араб.*). Таким образом, наместник был верховным распорядителем всех дел в провинции, которому были делегированы широчайшие властные полномочия и права осуществлять их от имени халифа.

Наряду с этим произошли необратимые изменения в финансовой системе: монеты с исламской символикой, впервые отчеканенные в столице халифата — Дамаске в 694 г., полностью вытеснили прежние персидские и византийские денежные знаки. Получила развитие общеимперская почтовая

ния, соединившая центры провинций со столицей, были созданы полицейские силы (араб. шурта). Эти изменения положили начало процессам, которые шли параллельно с превращением коптоязычных египетских христиан в арабоязычных мусульман Египта. Со временем коптский язык совершенно вышел из повседневного употребления, сохранился только как язык богослужения. Последний раз попытка возродить коптский язык была предпринята в XIX в., но завершилась безрезультатно. Копты-христиане постепенно превратились из господствующего этноса в этноконфессиональное меньшинство, которое сегодня составляет около 10% населения Египта (Marsot 1994: 5).

Религиозно-политические конфликты, сотрясавшие арабский халифат и приведшие к замене правящей династии Умййдов на Аббасидов, эхом отзывались и в Египте. Разные группы проживавших в Египте арабов-мусульман придерживались различных политических ориентаций, что создавало атмосферу постоянного внутриобщинного напряжения. Главный конфликт в борьбе за политическое доминирование происходил между ортодоксальным суннитским большинством и сторонниками шиизма, а также отделившимися от шиитов сектантскими течениями. Выше говорилось о глубоком расколе в арабо-мусульманском обществе Египта, который вызвала борьба между Али и Муавией.

Острую форму принял также конфликт между Абдалла ибн аз-Зубейром, сыном аз-Зубейра, который вместе с его братом Мухаммадом Аишей и его сподвижником Талхом в 680 г. безуспешно выступил против Омейядов, и преемника Муавии. Сын не оказался удачливее отца и был убит в 680 г., сражаясь у стен Каабы против сирийских отрядов. В этом конфликте Египет поддержал ибн Зубейра, присягнув на верность и приняв в качестве наместника, правившего от имени Абд ар-Рахмана ибн Джахдама. Омейядский халиф Мерван, сменивший халифа Йазид, лично возглавил военный поход против оппозиционного Египта и в кровопролитной войне разбил мятежные войска (685 г.), восстановив аббасидский контроль над египетской территорией. Прошиитские настроения египетских мусульман проявились и в 749 г., когда бежавший от войск Абу Муслима последний аббасидский халиф Мерван не нашел поддержки у египтян и был убит преследовавшим его Салих ибн Али ибн Абдаллах

ибн Аббасом (750 г.), который стал первым аббасидским наместником Египта.

Определявшая политическое лицо страны бескомпромиссная религиозно-политическая борьба в среде завоевателей-арабов непосредственно не затрагивала коренных жителей Египта — коптов-христиан, которые взирали на нее со стороны. Нейтралитет коптов был сродни безразличию, поскольку его позитивность проявлялась лишь в том, что копты готовы были легко принять сторону победителя, не сопротивляясь его замене на следующем витке межмусульманской борьбы за власть. Однако живя в стране, трудясь в аграрной и городской производительных сферах, платя подати, которые обеспечивали материальные условия для мусульманских междоусобиц, местное население косвенно испытывало на себе последствия происходящего прежде всего в форме роста налогов. В ответ на налоговые притеснения копты неоднократно поднимали мятежи и восстания, которые жестоко и беспощадно подавлялись. Всякий раз после этого на коптов обрушивалась волна репрессий, и часть из них принимала ислам, полагая, что это избавит их от наказаний, или тщетно надеясь на освобождение от уплаты обременительного подушного налога, от которого за весь омейядский период принявшие ислам христиане были освобождены только в течение двух лет. Внутренняя политика Омейядов в отношении египтян не может быть названа конструктивной, поскольку она основывалась преимущественно на применении силы. При этом причины, порождавшие конфликты и чаще всего связанные с несправедливым налогообложением и общим усилением эксплуатации, сочетавшимися с ущемлением национальных чувств египтян, прежде всего той их части, которая не отождествляла себя с арабами, продолжали существовать (Marsot 1994: 6).

ЕГИПЕТ В СОСТАВЕ ГОСУДАРСТВА АББАСИДОВ (750–969)

Антиомейядские настроения распространились не только в Египте, но и в азиатских провинциях халифата, что и привело к восстанию, которое началось под Мервом в 747 г. под предводительством Абу Муслима. Восстание проходило под шиитскими лозунгами, однако его успехом воспользовались

члены семьи Аббасса — дяди пророка Мухаммада, которые пришли к власти и установили новую династию халифов — Аббасидов (750–1258 гг.). Примечательно, что основатель династии, первый аббасидский халиф Абу-ль-Аббас (749–754 гг.) объявил себя носителем верховной власти только в конце 749 г., когда основные омейядские силы были уже разгромлены. Это явилось неожиданностью для сторонников потомков Али и Фатимы — шиитов, в который уже раз оказавшихся оттесненными от власти. Подлинным основателем династии был второй аббасидский халиф Абу Джафар, при вступлении на престол принявший имя Мансур (араб. победоносный), правивший более 20 лет с 754 по 775 гг. Сыном рабыни-берберки, он вряд ли чувствовал себя уютно в рафинированной среде исламской знати, поэтому одним из первых государственных актов, увековечивших его имя, стало повеление основать новую столицу на реке Тигр (рядом с древней столицей Сасанидов г. Ктесифоном) под громким названием Медина-т ас-салям (араб. Город мира), который был заложен в 762 г. Город был спланирован в форме окружности с двумя рядами крепостных стен. В пределах внутренних стен находился дворец халифа, где жила его семья, приближенные, охрана. Между внутренними и внешними стенами была поселена армия и обслуживающий персонал дворца. За внешними стенами селились ремесленники и купцы, кипела жизнь многочисленных торговых рядов и рынков, один из которых назывался Сук Багдад (араб. рынок Багдад) по названию расположенного тут же небольшого поселения Багдад. Вскоре Город мира, имевший 1 км в диаметре, перестал отвечать запросам набиравшей силу династии. Жизнь халифского двора выплеснулась за пределы его стен, перекинувшись на земли Багдада. Так и стала называться новая столица, а затем и весь арабский халифат Аббасидов, более известный как Багдадский халифат.

Мода на строительство новых столиц была, видимо, свойственна и аббасидским провинциям, так как примерно в это же время (750 г.) второй аббасидский наместник Египта Абу Аун Абд аль-Малик ибн Йазид заложил новую столицу к северу от аль-Фустата на живописном холме, где в настоящее время в историческом центре современного Каира расположена мечеть Ибн Тулуна. Город получил название Аль-Аскар (араб. Армия). Его судьба удивительно похожа на судьбу столицы халифата: вскоре он был поглощен могучей город-

ской инфраструктурой Аль-Фустата и исчез с политических карт (Хусайн б.г.: 437–438, *араб.*).

Тем временем халиф Марсур и его преемники халифы Махди (775–785 гг.) и два его сына-халифа — Хади (785–786 гг.) и Харун (786–809 гг.) строили государственную систему Багдадского халифата, который двести лет (до середины X в.) вопреки всем внутривосточным коллизиям оставался признанным центром мусульманского мира, мощной авторитарной восточно-патриархальной державой. Внутреннему государственному строительству способствовало отсутствие внешних завоеваний, потенциал которых к тому времени полностью иссяк. На смену экстенсивному государственно-политическому развитию эпохи завоеваний пришла пора государственного системного структурирования: складывались системы органов государственной власти, землевладения, общественной стратификации и др.

Эти процессы происходили и в области идеологии: место официальной государственной религии Багдадского халифата за исключением кратких периодов колебаний прочно занял суннитский ислам, а шиизм превратился в идеологию политической и социальной оппозиции халифской власти, при этом оба направления так же как и их многочисленные секты обособились в самостоятельные религиозные учения. Халиф Мансур, остро чувствовавший опасность со стороны потомков Али и поддерживавших их шиитов, сначала приказал убить благодетеля своей семьи Абу Муслима (755 г.), который пользовался поддержкой шиитов, а затем беспощадно разгромил шиитские восстания, спровоцированные этим убийством. Членов семейства Алидов аббасидские халифы окружили шпионами, бдительно следившими за ними, и при малейшем подозрении арестовывали и отравляли (Петрушевский 1966: 60). Острая внутривосточная борьба подтолкнула суннитов и шиитов к активной миссионерской деятельности, которая привела к тому, что ислам эпохи Аббасидов, как в суннитской, так и в шиитской интерпретации утратил характер арабского национального вероисповедания, постепенно превратившись в мировую религию. Происходила «иранизация» халифата, который приобрел полуиранский характер. Иранская землевладельческая знать, прежде зороастрийская, теперь охотно переходила в ислам и вошла в политическую элиту халифата, сохранившимся с прежних времен критерием вступления в которую бы-

олько знание арабского языка, оставшегося языком государства, культуры и религии (Петрушевский 1966: 60-61).

При Аббасидах долгожданная исламизация завоеванного населения наконец пошла бурными темпами. Вслед за персами ислам в различных его формах стали принимать сирийцы, берберы, турки и, наконец, египтяне. Ислам получил как бы второе дыхание, сбросил оковы национальной ограниченности, встал в один ряд с иудаизмом и христианством, однако ценой этого стала утрата арабами гегемонии на политическую власть в халифате. При Аббасидах не было редкостью, когда халифами становились дети от смешанных браков. Халиф Мансур был, как уже говорилось, наполовину бербер. Халифы Васик (842-846 гг.) и Мутаид (892-902 гг.) были рождены рабынями-гречанками. Мать халифа Мутеваккила (847-861 гг.) была рабыня-хорезмийка, а халифа Мустаина (862-866 гг.) — славянка. Если два сына Харун ар Рашида, известного по его недостоверному литературному образу в сказках «Тысячи и одной ночи», еще уживались с жителями собственной столицы, то халиф Мутасим (833-842 гг.) перенес столицу за сто двадцать километров к северу от р. Тигр, где была построена новая резиденция для халифа и его турецкой гвардии, формировавшейся из военнопленных-турков. Уже после 850 г. эти бывшие рабы, а ныне гвардейцы, сделали халифов своими заложниками, убивая и заменяя их по собственному усмотрению.

Новая столица, называвшаяся Самарра, что в переводе с арабского значило «Радость того, кто видит», стала горем для тех царственных особ, которые в ней поселились. Халиф Мутеваккиль (847-861 гг.), вошедший в историю как гонитель египетских христиан и иудеев, пал жертвой заговора гвардейцев. Его судьбу разделил его сын — халиф Му'таз (866-869 гг.) и многие другие халифы. Скоротечность правления некоторых из них вошла в поговорку «халиф на час». Несмотря на краткие периоды стабилизации, общая ситуация была очевидной — Багдадский халифат скатывался к военной диктатуре в столице и утрате контроля даже над близко расположенными от имперского центра провинциями, где, как и в столице, власть захватили наместники турецкого происхождения большей частью из числа халифских гвардейцев.

Аббасиды управляли Египтом теми же силовыми методами, что и Омейяды. Неразборчивые в средствах, склонные к злоупотреблениям аббасидские наместники Египта неофи-

циальными поборами усиливали и без того высокие официальные налоги. Единственный, кому население могло обращаться свои жалобы на злоупотребления властей был верховный судья — кади, который руководствовался в своей практике шариатским правом, основанным на Коране, сунне — преданиях о пророке Мухаммаде, адатом — местной религиозной традиции. Из четырех юридических исламских богословских школ в Египте имелись сторонники трех: шафиитской (самой многочисленной), маликитской, ханифитской. Кади защищал население от произвола правителей, определяя правильность взимания старых и дозволенность новых налогов. Несмотря на опустошительную налоговую политику, столица Египта аль-Фустат превратилась при Аббасидах в процветающий коммерческий и политический центр.

Начиная с 834 г. в Египте стала практиковаться раздача условных земельных пожалований за военную службу — икта. Первых таких пожалований удостоились представители турецкой военной верхушки, которые захватили власть в Багдаде. В результате этого после 865 г. губернаторами Египта вместо арабов стали представители турецкой военной верхушки, которые получили Египет в качестве икта и управляли им скорее как своей собственностью, чем частью империи. Однако и тогда Египет отличался от других провинций халифата тем, что верховные багдадские правители признавали его как единое и неделимое целое. Это не означало, что египтяне уже в ту пору представляли собой обособленную национальную общность, однако со времен фараонов они сознавали себя жителями определенной территории, называемой Египтом. В политическом и административном отношении Египет оставался в своих естественных границах, обусловленных его неповторимым географическим положением (Marsot 1994: 6).

Одним из первых аббасидских наместников-турков в Египте был Ахмад ибн Тулун, прибывший в страну в 868 г. Умный, образованный, энергичный он быстро понял каким колоссальным потенциалом располагает Египет и, принимая во внимание его географическое положение, удаленность от столицы империи — Багдада, возможно, зная о постепенном ослаблении халифской власти, решил добиться независимости. Ибн Тулун был первым из мусульманских правителей Египта, кто фактически превратил его в независимое государство: формальная зависимость Египта от халифа заключалась в упоминании его имени в пятничной молитве в качо-

стве халифа правоверных, в чеканке его имени на монетах и отсылке в Багдад незначительных сумм денежной подати (Носворт 1971: 74–75).

Как только ибн Тулун почувствовал себя достаточно сильным, он приказал построить новую столицу к северу от аль-Фустата. Этот город-дворец занимал площадь в одну квадратную милю и назывался аль-Катаи (буквально — участки, кварталы, наделы), так как каждая этническая группа в многонациональной армии ибн Тулуна, состоявшая в основном из греков, суданцев, берберов и турков, имела в этом городе свой квартал, а высшие чиновники и офицеры — отдельные участки земли. Кроме армейских казарм, в городе был сооружен дворец, окруженный садом, и здание гарема, женская часть дворцовых покоев. В черте города находились конюшни и ипподром, так как скачки были любимым развлечением правителя. По замыслу коптского архитектора, проектировавшего город, его архитектурным центром должна была стать большая соборная мечеть, окруженная высокими стенами и способная вместить практически всю армию ибн Тулуна (Хусайн б.г.: 480, *араб.*). Это грандиозное сооружение, возведенное к 879 г., и сегодня поражает своими размерами, монументальностью в сочетании с изяществом исполнения всех архитектурных деталей. К внешним стенам примыкали разнообразные магазины и лавки, которые, по преданию, владели нередко сразу три хозяина, делавшие световой день на три части. Торговля шла столь успешно, что трети рабочего дня хватало, чтобы удовлетворить финансовые нужды владельца. Ибн Тулун построил акведук для снабжения дворца водой из Нила, реставрировал и реституировал ниломер на острове Рода, который отмечал уровень воды в Ниле во время наводнений.

Народная память закрепила за Ахмад ибн Тулуном эпитеты мудрый, великодушный, готовый прийти на помощь тому, кто в этом нуждается. Предание гласит, что он ежедневно раздавал нуждающимся милостыню и содержал дом, в котором любой пришедший мог получить пищу. Известно, что строительство нового города он потратил около полутора динаров (арабская золотая монета весом немногим более 4 г). Нуждаясь в деньгах для продолжения строительных работ и содержания армии, он сначала уменьшил, а затем совершенно прекратил выплаты Багдаду. Стремясь увеличить доходы государства, ибн Тулун расширял вакуф-

ные владения (земли духовенства), передавая исламскому духовенству контроль над землями в обмен на получение дополнительного дохода с них. Он укрепил государственную хлебную монополию, отводившую от Египта угрозу голода. Осуществляя столь энергичную государственную политику, он сумел избежать повышения налогов с населения, а по некоторым данным даже их снизил, чем укрепил мир и общественное согласие в своем государстве (Грюнебаум 1986: 110).

Когда денежных поступлений оказалось недостаточно, он обратился к внешним завоеваниям, причем в тех направлениях, которые были связаны с коммерческими интересами Египта. Первым объектом захвата была избрана Сирия, через которую проходили главные сухопутные пути в Египет и которая по справедливости считалась бастионом египетской безопасности. Затем была предпринята морская экспедиция на запад, расширившая границы Египта вдоль Средиземного моря до Барки. Именно после завоевания Сирии ибн Тулун стал чеканить на своих монетах рядом с именем халифа и свое собственное, что было грубейшим нарушением прав сюзерена. Однако халифская власть была столь слаба, что багдадские правители не смогли противостоять честолюбивым планам своего вассала. Вдохновленный их бессилием ибн Тулун предпринял попытку установить контроль над Хиджазем и его святынями, но во время штурма Мекки в 884 г. трагически погиб, что объясняли проклятием, которое наложили на него высшие исламские иерархи (Marsot 1994:7-9).

После себя ибн Тулун оставил торговый флот, состоявший из ста морских судов, процветающие сельское хозяйство и торговлю, которым он уделял много внимания. Кроме того, в его казне наследники нашли около 10 млн динаров, а в его конюшнях, составлявших предмет особой гордости правителя, — более трехсот породистых лошадей и сотни голов верблюдов, ослов и мулов. Впрочем, как это часто бывает с выдающимися государственными деятелями, он оставил после себя сильную страну, но не сумел обеспечить себе достойного преемника. Старший сын ибн Тулуна поднял мятеж против собственного отца, когда тот воевал в Сирии. За это он был лишен права наследовать престол и пожизненно заключен в тюрьму. Ибн Тулуну наследовал второй сын (всего у него было 17 сыновей), которого звали Хумаравайх (884-896 гг.). Его двенадцатилетняя дочь была в 895 г. выдана замуж за багдадского халифа аль-Мутадида, но это не улуч-

шло отношений между тулунидами и Багдадом. После смерти Хумараваиха в 896 г. хорошие традиции правления иши Тулуна были окончательно забыты. А. Марсо характеризует его наследников как распутных, никчемных лодырей, которые дрались друг с другом за обладание скудеющей государственной казной (Marsot 1994: 8).

Последний тулунидский правитель был разбит в 905 г. войсками багдадского халифа, армия которого разграбила и сожгла столицу Тулунидов — город аль-Катаи, действуя в Египте как во враждебном завоеванном государстве. Грабительская политика халифских войск была возмездием страны, которая в короткий срок добила столь высокого уровня благосостояния.

Следующие за этими событиями тридцать лет Египет находился в руках присылавшихся из Багдада тюркских наместников, которые в свою очередь были своеобразными заказчиками собственных воинских частей. Своевольные и дисциплинированные, эти войска стали всеобщим посмешищем. В совершенстве овладев искусством пантажа своих командиров и выманивания у них казенных денег, они не могли обеспечить безопасность страны, и египетские территории нередко подвергались нападениям из соседних районов Северной Африки. Ограблению страны активно способствовали присылаемые из Багдада налоговые чиновники, отличавшиеся в это безвременье особым корыстолюбием.

Некоторая стабилизация наступила в 935 г. после прихода к власти очередного тюркского наместника Мухаммад ибн Тууджа (935–946 гг.), который до этого был более тридцати лет правителем провинции Дамаска в Сирии. Его твердая рука положила конец одиннадцатилетней смуте, царившей в Египте. В знак признания его заслуг, желая выделить его на фоне других наместников, Багдад удостоил его согдийского титула «ихшид», который носили его предки, происходившие из Ферганы, и который можно интерпретировать как «лице-король», или наместник с исключительно широкими полномочиями. При этом он и его преемники не были независимыми правителями. Несмотря на то, что багдадские халифы не могли оказать на них заметного давления, каждый правитель этой династии должен был получать утверждение на должность из Багдада. Последние годы накануне вторжения в Египет фатимидских войск у власти находился чернокожий евнух, воспитатель детей ихшидских правителей по имени Кафур, который еще при жизни наследника основате-

ля ихшидского государства выхлопотал себе у багдадского халифа Египет в качестве земельного владения (Грюнебаум 1986: 110–111). В период его правления на Египет обрушились стихийные бедствия: сильное землетрясение, опустошительный пожар, уничтоживший 1700 домов в Фустате, засуха и ее обязательные спутники — голод и эпидемии чумы. Контрастно на этом фоне выглядят описания придворной жизни правителя и его окружения, внешне мало уступающие роскоши и блеску прежних времен.

Смерть Кафура в 968 г. положила конец династии и фактически предрешила судьбу страны. Фатимиды не замедлили воспользоваться наступившим кризисом власти, осуществив завоевание Египта в 969 г., тем самым блестяще завершив длительную борьбу шиитов-исмаилитов против суннитской ортодоксии, политическим воплощением которой было государство Аббасидов. Овладев Египтом и при этом сохраняя контроль над северо-западной Африкой, фатимиды-исмаилиты получили возможность от имени всех шиитов бросить вызов багдадским халифам, выдвинув претензии на главенство в мусульманском мире. Фатимиды правили в Египте с 969 по 1171 гг. Это время вошло в историю страны как период торжества исламской цивилизации, ускоривший и завершивший исламизацию египетского общества, сделав ее необратимой. Более того, фатимидский Египет в этот период вновь становится ядром крупной империи, главным центром исламской культуры. Однако корни фатимидского успеха уходят в аббасидскую эпоху, когда примерно к середине IX в. сложилась устойчивая система государственного управления, которая практически в неизменной форме существовала до начала XIX в. (Vatikiotis 1969: 16–17).

ГЛАВА 3

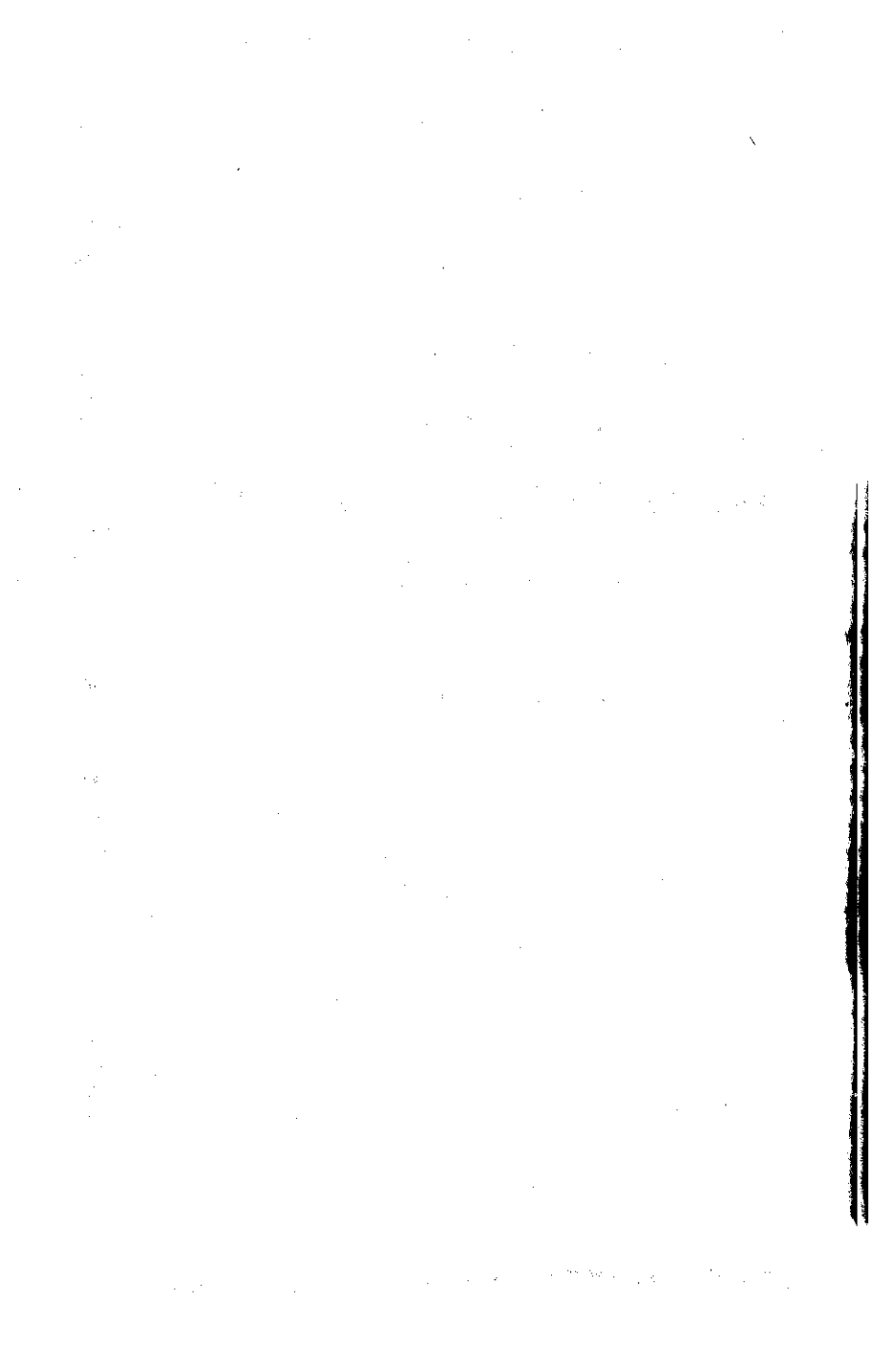
ЕГИПЕТ

ПРИ ФАТИМИДАХ

(969—1171)

Солнце взошло там, где оно обычно заходит.

Халиф аль-Муизз

ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕЛИГИИ К УНИВЕРСАЛЬНОМУ ВЕРОУЧЕНИЮ

Феномен исмаилизма и возникшие на его основе религиозно-политические центры и государственные образования привлекали внимание многих исследователей разных стран, от которых стали классическими: Г. фон Грюнебаум и Инделунг, А.Е.Бертельс и А.Мец, И.П.Петрушевский и И.Строева, всех просто невозможно перечислить. Нескольким из них, но также достаточно представительным выходящим из их списков авторов, посвятивших свои исследования исключительно фатимидскому Египту: Л.о'Лери, В.Иванов, С.Семенова, В.Льюис и многие другие.

Не претендуя на новизну, попытаемся дать обобщающее описание исмаилизма, прежде всего в его фатимидской интерпретации и в рамках историко-политического анализа исламского общества.

Арабы с самого начала отличали определенные интеллектуальные, психологические и эмоциональные черты, которыми они вышли за пределы Аравии и которые определили характер взаимоотношений арабов-мусульман с остальным населением. По мере изменения этих черт менялись и взаимоотношения. За видимой хаотичностью процессов с нарастающей рельефностью вырисовывалась цель: арабо-исламский социум создавал общую религиозно-политическую память, образованную путем отбора подлежащих заимствованию фактов, которые происходили главным образом из арабской среды и были освящены религиозной традицией. Фундаментальную роль в этом играли Коран — священная книга мусульман, считающаяся ниспосланной Аллахом на арабском языке и потому адресованная в первую очередь арабам, и сунна — сборники преданий о жизни

пророка Мухаммада, которые рассматривались арабо-мусульманами в качестве источника законотворчества и казуального права.

На основе общей ретроспективной (иногда ее еще называют исторической) памяти формировалась новая культура и соответствующая ей новая цивилизация, силовым ядром которой оставались арабы, сумевшие утвердить себя в качестве лидеров политической системы благодаря двум главным особенностям — сохранению своего языка и твердой приверженности своей вере, подкрепленных обычными для завоевателей организационными мерами. Ислам вселил в арабов уверенность в собственном духовном превосходстве, военные победы добавили к этому веру в собственное этническое превосходство, язык воплотил оба эти чувства в зримые литературные формы, ставшие общедоступными для усвоения. Поэтому арабы не чувствовали соблазна подвляться в себе арабское, тем более мусульманское начало, став элитой греко- и коптоязычного большинства завоеванного Египта.

В отличие от других кочевых этносов, стремившихся стать похожими на тех, кого они покорили, арабо-мусульмане в Египте сумели сдвинуть центр тяготения внутри собственного народа. Они считали себя богоизбранными, завоеванную силой власть — принадлежащей им по праву, а покоренное население — недостойным иметь равные с ними права на земле и на небесах. Подобное духовное высокомерие в сочетании с властью и прагматизмом, а также же свободой выбора для местного населения при сохранении собственного вероисповедания и принятием ислама скорее привлекало, чем отталкивало местное коптское население.

Кастовый характер арабо-исламской общины в Египте, более позволявший, чем принуждавший христианское население к принятию новой веры, создавал уникальный духовный климат, который обеспечивал постепенное нарастание количественного фактора в пользу арабов-мусульман, а наоборот. Микроскопические изменения, связанные с переходом части египтян в новую веру и неизбежной в этом случае их арабизацией, приобрели стабильный характер благодаря наличию организующего политического центра в омейядского государства со столицей в Дамаске. Омейядское руководство осуществляло контроль за стратегией завоеваний, а главное — обеспечивало бесперебойную работу в

ислама по перекачиванию населения Аравии во вновь завоеванные области, питая энергией центростремительную позицию арабо-мусульманского ядра.

Сближению завоеванного населения с завоевателями способствовал крайний монотеизм ислама, который определенно вызывал на его генетическое родство с христианством и иудаизмом. Особенно тесные связи сложились у мусульман с египтянами-монофизитами, так как, по крайней мере формально, в споре с византийским мелькитским пониманием природы Христа как двойственной — божественной и человеческой — одновременно — ислам встал на сторону коптского монофизитства, признававшего исключительно божественную природу Христа, поглотившую человеческое начало. Это сближение, сыгравшее роковую роль в переходе коптских монофизитов на сторону арабов, нельзя рассматривать иначе, как историческую случайность, но оно выявило важнейшую проблему, которую стало решать исламское богословие VII—VIII вв., — универсализм вероучения против арабской национальной замкнутости.

Это противоречие, отразившееся практически во всех исламских течениях, нашло исключительно благодатную почву в своем разрешении в Египте, где по истечении двух столетий политического господства ислам не стал господствующей религией и, вопреки усилиям омейядского, а позднее и аббасидского руководства, смог лишь занять достойное официальное место государственной религии равное место с христианством и иудаизмом. Период нахождения Египта в составе вимидского исмаилитского государства в корне изменил ситуацию: исмаилистское вероучение, которое можно охарактеризовать как высшую ступень исламского универсализма, придало необходимое ускорение процессам исламизации и арабизации, сделавшим Египет исламским государством. Однако именно то, что помещало более древним религиям подытожить ислам, не позволило ему сохранить себя как мононациональную религию арабов.

Ислам повлиял на этногенез арабов, направив его в русло политической и культурно-духовной консолидации в ущерб национальной, экономической и национальной. Это произошло благодаря догматическому и обрядовому универсализму раннего ислама, который был адресован политеистическому племенному обществу Аравии, включавшему в себя, наряду с язычниками, сторонников иудаизма, христианства, зороастризма и других верований. Универсализм проявился, в

частности, в том, что в Коране нашли столь глубокое отражение библейские мотивы, в ритуальной практике и этике — зороастрийские и доисламские аравийские традиции (см., например: (Ибрагим 1996)). Что же касается этнического универсализма, то он остался неразработанным, возможно, из-за направленности религиозного призыва исключительно к арабам, точнее, к арабоязычному населению Хиджаза.

Проарабский характер исламского вероучения соответствовал задаче сплочения арабской общины и оправдывал себя, пока ислам распространялся в арабской среде. Когда же в результате завоевательных походов ислам нашел сторонников среди персов, сирийцев, египтян и других этнически неарабских групп населения халифата, неразработанность исламской этнической доктрины обернулась своей противоположностью. Религиозный универсализм сделал ислам привлекательным для иноверцев, однако принятие его неарабами подорвало арабское политическое господство, так как средств защиты преимущественного политического положения арабов в исламе не существовало, как не существовало и оценочной шкалы применительно к этнической принадлежности, даже отдаленно напоминавшей по глубине и четкости аналогичную шкалу для оценки религиозных убеждений.

Гарантированное Кораном равенство различных этнических групп внутри мусульманской общины сформулировано в суре «Комнаты» следующим образом: «Истинно, верующие — братья друг другу: потому примиряйте между собою братьев ваших» (Коран 1993, 49:10: 983). Этот принцип равенства стал мощным идеологическим фактором давления на высокомерных арабов и, по крайней мере, частично способствовал подрыву их политического господства в мусульманской общине.

Размыванию политического господства арабов содействовала также их готовность полагаться на профессиональный опыт немусульман и неарабов, что позволяло последним занимать высокие государственные должности, открывавшим им и их потомкам с принятием ислама доступ в элитарные слои общества и государства. Иными словами, распространение ислама, арабо-исламской культуры и арабского языка было обратно пропорционально политическому господству арабов: допуская на высшие должности в государстве мусульман-неарабов, мусульмане-арабы спасали ислам, но

утрачивали монополию на политическое господство. Там, где это не происходило, неофиты-неарабы, лишенные политической перспективы, становились инициаторами интенсивных богословских исканий, нередко приводивших их в русло разрушительных для исламской ортодоксии сектантских движений. Одним из таких движений стал исмаилизм, развившийся в среде шиитов, которые были изолированы от власти суннитской верхушкой багдадского халифата. Религиозный синкретизм исмаилизма был столь скандально явлен, что позволил великому мистiku и вольнодумцу Газалям охарактеризовать исмаилитское учение как «смешивания (из учений) магов, маздакитов, дуалистов, индийских философов». Он же, характеризуя сектантство исмаилитов, перечисляет догматы, по которым они расходились с ортодоксией: отрицание религиозного закона, посланников, воскрешения, обвинение пророков в извращении божественных решений, непризнание Корана словом божьим, все это во имя распространения власти исмаилитского имама над мусульманами (Аль-Фахри 1988: 32-33). Сами исмаилиты не только никогда не отделяли себя от мусульманского сообщества, но, как это было, например, в Египте, часто доказывали свою способность жить в окружении суннитского и христианского большинства и даже управлять им в рамках государства.

Сравнение суннитского и шиитского направлений в исламе с сектой исмаилитов, с точки зрения принципов формирования политической элиты, выявляет нарастание этнической универсальности: суннитский ислам предполагал, что политическая элита мусульманской общины должно формироваться из потомков мухаджиров, ансаров и мекканских неофитов первых двух десятилетий существования ислама с весьма ограниченным доступом в нее более поздних мусульман. Это делало, по крайней мере теоретически, политическое религиозно-политическое ядро полностью арабским.

Шииты расширили это ядро за счет достаточно большого круга лиц, выступивших в составе религиозно-политического движения в поддержку халифа Али в VII-VIII вв. Значительный процент в этом движении составляли неарабы, главным образом, персоязычные жители Ирана.

Исмаилиты пошли еще дальше: они полностью отказались от этнического принципа формирования элиты. Руководящее ядро исмаилитов образовывалось путем кооптации в

рамках религиозных центров, которые к концу IX в. находились в Ираке, Иране, Бахрейне, Йемене, Сирии, Магрибе, Индии и других странах и регионах, из числа лиц, доказавших свою теологическую компетентность, преданность политическому курсу на завоевание власти, идеологическую устойчивость и политическую активность независимо от этнической принадлежности.

Фатимидский исмаилизм открыл его сторонникам, в случае прихода их к власти, право обещать всем новообращенным, независимо от их этнической принадлежности и времени принятия ислама, доступ в состав высших структур власти. Во многом поэтому во второй половине X в. исмаилиты пришли к власти практически на всей территории арабского халифата, за исключением Испании, где правили родоначальники суннизма — Омейяды, и, собственно, Багдада, где формально у власти находились халифы, но фактически с 945 г. власть захватили шииты-бувейхиды (Буиды), кочевники из Прикаспийских областей Северного Ирана (Дейлема). В 1053 г. тайный сторонник Фатимидов, командующий бувейхидской гвардии Аслан аль-Басассири поднял профатимидский мятеж, заставил аббасидского халифа подписать документ, признающий Аббасидов самозванцами, а Фатимидов — законными халифами, и объявил о переходе Багдада под власть Фатимидов. Однако фатимидский халиф не смог оказать ему своевременную помощь, и в 1055 г. Багдад взяли сельджуки во главе с Тогрул-беком (Михайлова, 1990: 57). Несмотря на эту неудачу впечатляющие успехи сектантского движения в других частях империи нельзя признать случайным, тем более, что после весьма успешного и плодотворного периода правления, особенно в Египте, фатимидский исмаилизм легко уступил место суннитскому исламу, а династия Фатимидов бесследно исчезла.

Период правления Фатимидов в Египте (X–XII вв.) по праву считается временем политического и духовного триумфа исмаилитов, одной из ярчайших эпох культурного расцвета страны при мусульманах, когда в основном завершился процесс этногенеза и синтеза субкультур, коптской и арабской. Местные политические элиты стали формироваться из туземного населения, а не из прибывавших аравийских племен. Политический экстремизм исмаилитов изменил характер правящей элиты на неарабский, после чего потребовалось возвращение к суннизму с его более либеральной и мягкой политической направленностью, чтобы закрепить происшедшее.

Исмаилизм пострадал от того, что так счастливо удалось избежать самому исламу: благодаря многоступенчатой иерархии посвящения, жесткому и необъективному отбору кадров для принятия в правящую элиту, исмаилизм превратился в кастовый признак сравнительно небольшой прослойки, изолированной от общества религией избранных (Рюнебаум, 1981: 34).

ДОКТРИНА

Фатимиды добились в Египте успеха при помощи тайной миссионерской организации сектантского типа, которую они, в отличие от своих предшественников Омейядов и Аббасидов, сохранили и после прихода к власти.

Возникновение секты было связано с расколом мусульманского сообщества на суннитов и шиитов в VII в. Основное различие между шиитами и суннитами состоит в разном толковании понятия имам и имамат. Для суннитов имам — это духовный и светский глава, которого избирают рядовые мусульманы. Для шиитов имам — это непогрешимый святой, обладатель «божественной благодати», переходящей по наследству. Первыми имамами шиитов были халиф Али, его сыновья Хасан и Хусейн, а также их потомки. Имамы — потомки Али олицетворяли принцип непрерывности пророчества и его наследственную передачу.

До шестого шиитского имама Джафар ас-Садики (ум. в 755 г.) включительно имамы были общепризнанны. Джафар по неясным причинам лишил своего старшего сына Исмаила права на наследование имамата, передав его младшему сыну — Мусе Казиму. Исмаил умер раньше своего отца, поэтому завещание не могло быть осуществлено, но факт его существования породил раскол в среде шиитов. Основная их часть признала имамат Мусы Казима и пяти его преемников. Это шиитское направление получило название «двенадцатимансные шииты, или имамиты». Меньшая часть шиитов поддерживала имамат Исмаила и его сына Мухаммада, который умер, не оставив наследника. Они получили название «исмаилиты». После смерти Мухаммада, сына Исмаила, начался период сокрытия (*араб.* сатр), когда, опасаясь преследований со стороны Аббасидов, исмаилиты сохраняли в тайне имена своих имамов, руководивших из своих секретных резиденций, одна из которых находилась в г. Саламия в

Сирии (около 50 км к северо-востоку от г. Хомса), деятельностью многочисленных миссионеров.

Учение о «явном» и «тайном» (араб. «захир» и «батын»), т. е. внешняя и внутренняя доктрина исмаилитов, составляли основу этого вероучения (Аль-Кирмани 1995: 14). И. П. Петрушевский подчеркивает, что внешняя и внутренняя исмаилитские доктрины были взаимосвязаны: «Нет внешнего без внутреннего, и обратно, нет внутреннего без внешнего». Иначе говоря, каждому пункту внешней доктрины соответствовал разъясняющий его смысл пункт внутренней доктрины. Внешняя доктрина мало чем отличалась от шиизма, кроме положения о седьмом имаме, которым исмаилиты называли не Мусу аль-Казима, а Мухаммеда ибн Исмаила. После него шли скрытые имамы, а за ними — фатимидские халифы-имамы. Основная масса верующих, непосвященных, должна была выполнять практически все предписания шариата, не подозревая о наличии тайного учения. К внешней доктрине относилась и своя юридическая часть, разработанная в Египте в X в. судьей (араб. кади) Абу Ханифа ан-Нуаманом. Внешняя доктрина была официальным исповеданием, которое фатимидские халифы ввели в своем государстве, не принуждая других шиитов, суннитов, немусульман менять свою веру.

«Внутренняя доктрина» состояла из двух частей:

1) аллегорическое истолкование Корана и шариата (мусульманское право), именуемое «таавиль». Например, объяснялся как состояние невежества, в котором пребывает большая часть человечества, а рай — как аллегория совершенного знания, которое может быть достигнуто усвоением внутреннего исмаилитского учения через ряд ступеней посвящения;

2) «хакаик» — система философии и знаний в соединении с теологией, в основе философской части которой лежали элементы античной философской мысли, прежде всего Платона и неоплатоников, а также иудейского и христианского вероучений, мистики и магии.

Единым началом мироздания по внутренней доктрине исмаилитов является Всевышний Бог. Он неопределим и непознаваем для людей, поэтому молиться ему нельзя. Согласно исмаилитской космологии Бог пребывает в состоянии вечного покоя. Он не является непосредственным творцом мира, как утверждают иудеи, христиане и ортодоксы.

ные мусульмане. Верховный Бог усилием воли выделяет из себя творящую субстанцию — Мировой Разум (Акль аль-Кийам), который является совершенным и обладает всеми атрибутами Бога, созидая и программируя развитие творения. Он проявляется в вечном «блаженстве и успокоении» (араб. раха). Мировой Разум производит из себя низшую эманацию — Мировую Душу. Она не совершенна, потому ее атрибутом является, увы, столь же несовершенная жизнь. Стремясь к совершенству, Мировая Душа выделяет из себя новые эманации — первичную материю, пространство, время. Первичная материя пассивна и лишена творческого начала, поэтому сотворенные из нее земля, планеты, созвездия, живые твари — лишь грубые отражения совершенным идеям Мирового Разума. Отражением Мирового Разума в чувственном мире является совершенный человек — пророк, именуемый «натик» (араб. натык), отражением Мировой Души в чувственном мире — помощник пророка — самит (араб. молчащий), именуемый также асас — основа, исток. Если первый открывает человечеству сущность волевых актов Мирового Разума, то миссия второго — разъяснять смысл слов пророка, осуществлять его заветы, быть истоком и основой распространения его вестей. Так, Моисей, Иисус, Мухаммад — это натиками (пророками), а, соответственно, Аарон, Иоанн Креститель, Петр, халиф Али — самитами (помощниками). Бог имеет миру семь пророческих циклов, шесть из которых исполнились приходом на землю шести пророков: Адама, Нуха, Авраама, Моисея, Иисуса и Мухаммада. Пророк седьмого цикла — аль-Каим (араб. Стоящий, Возвышающийся) — придет на землю непосредственно перед концом мира (аль-Йаум аль-кийам), который должен наступить, когда человечество при помощи натиков-пророков, самитов-помощников и имамов, носителей высшего знания, восходя через пророков к Мировому Разуму, достигнет совершенного познания. Тогда зло, которое есть не что иное, как незнание, исчезнет, и мир вернется к своей первопричине — Мировому Разуму. При этом исмаилиты подчеркивали соответствие между — микрокосмосом «малого мира» (араб. аль-алам ас-сагир) человека и макрокосмосом «большого мира» (араб. аль-алам аль-кабир), т. е. Вселенной (Петрушевский 1966: 288–289; Аль-Кермани 1995: 8).

У Фатимидов существовала вертикальная иерархия посвящений, которых было семь по числу эманаций бога: 1) новообращенный, не знающий о существовании тайной доктрины — мустаджиб (араб. откликнувшийся); 2) маазун (араб. допущенный), именуемый также мукасир (араб. примыкающий), которому тайное учение сообщалось частично; 3) даи (араб. призывающий, проповедник), изучивший «внутреннее учение» и возглавляющий местную исмаилитскую организацию; 4) худджа (араб. аргумент) — верховный проповедник (араб. даи ад-дуат), глава региональной сети организаций, знаток тонкостей внутренней доктрины; 5) имам — непогрешимый носитель Высшего знания, решения которого по всем вопросам выполняются беспрекословно; 6) самит; 7) натик (о двух последних речь шла выше). Лица первых двух степеней посвящения составляли основную массу общины, которым надлежало выполнять исмаилитскую систему шариата. Посвященные третьей и четвертой ступеней, составлявшие элиту секты, не принимали шариатские законы всерьез, но и они были неизмеримо ниже посвященных трех высших степеней, из которых самит и натик в практической жизни не встречались вовсе, а имамы были наделены в глазах верующих божественной властью. Важной особенностью исмаилитской общины была строгая дисциплина, связывавшая рядовых даи со своими худджа, а последних — с верховным имамом, который считался главой религиозной пропаганды, и его ближайшими приближенными, облеченными значительной властью и носившими титул «баб» (врата). Структурно организация пропаганды строилась по принципу соответствия ее звеньев системе чисел, обозначающих явления физической жизни. По аналогии с 12 созвездиями и 12 месяцами в году мир подразделялся на 12 «островов» (араб. «аль-джазира»), во главе каждого из которых стоял назначенный имамом верховный проповедник — даи дуат аль-джазира, худжат аль-джазира или ан-наиб. В свою очередь, каждый из них получал в помощники 24 проповедника — даи, по количеству часов в сутках. Символизм исмаилитов наделял магическим значением также число семь: семь дней недели, семь небес, семь планет, семь «климатических зон» Земли, семь составных частей человека (волосы, кожа, мясо, кровь, кости, жилы, мозг), семь отверстий в голове дополнялись семью исмаилитскими циклами истории Земли и открывав-

ними их семью пророками — Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммад, а также будущий мессия, которому предстоит прийти в мир в предверии Судного дня, после того как завершится правление его 56 предшественников — исмаилитских имамов (Петрушевский 1966: 290; Кермани 1995: 7–11; Ислам 1991: 112–114).

ТРИУМФ ВЕРОУЧЕНИЯ

Готовые идеологически и структурно к борьбе за распространение своего влияния в мусульманском мире исмаилиты в равной степени успешно действовали и среди крестьян в Ираке и среди горожан в Иране и Индии, но наибольшего успеха они добились среди кочевников-берберов Северной Африки, где подлинный триумф исмаилитов был связан с именем исмаилитского проповедника (даи) Абу Абдаллаха.

Он послал в Северную Африку исмаилитский центр в Иране, который находился в организационном подчинении исмаилитов Сирии. Установив контакты с берберами-исмаилитами, Абу Абдаллах был принят ими в Магрибе в 893 г. Главным противником исмаилитов в Северной Африке была суннитская династия аббасидских наместников аглабидов, которые правили в Ифрикии (современный Тунис) и начиная с 800 г. боролись против хариджитов, которые имели сильные позиции среди берберских североафриканских племен. В Марокко с 788 г. у власти находилась шиитская династия Идрисидов, основанная Идрисом ибн Абдаллахом, потомком Али, с которой также предстояло бороться исмаилитам (Жюльен 1961: 51–65). Первые пятнадцать лет своего пребывания в Африке Абу Абдаллах посвятил борьбе против власти Аглабидов и завершил ее в 909 г. захватом столицы аглабидского государства г. Кайруана. Это уничтожило остатки аббасидского влияния в Северной Африке и открыло исмаилитам путь на Восток в направлении Египта, который к этому времени уже около ста лет пользовался фактической независимостью от Багдада.

Тем временем сирийские исмаилиты потерпели поражение от Аббасидов и вынуждены были оставить свои опорные пункты в Сирии. Имам исмаилитов Сирии Убайдаллах, узнав о успехах своих единоверцев в Северной Африке, решил бежать через Египет в Магриб, где и попал в плен к хариджит-

скому эмиру Сиджилмасы. Получив известие о пленении своего духовного вождя, Абу Абдаллах, покончив с Аглабидами, не раздумывая, направил всю мощь своих берберских отрядов против хариджитов и добился успеха: Убайдаллах был освобожден, а 15 января 910 г. провозглашен халифом с титулом «Махди» («ведомый по пути Аллаха»), что по исмаилитскому учению означало приближение конца мира, основанного на несправедливости. Махди объявил себя преемником халифа Али и Фатимы, и это дало название всей династии — Фатимиды.

Уже первые практические шаги Убайдаллаха показали, что он намерен лишь восстановить права фамилии Алидов, а не осуществлять исмаилитскую социальную программу. По его приказу были образованы государственные органы, введены налоги, назначены наместники в покоренные области. С этого времени в мусульманском мире стали одновременно существовать три враждебных друг другу халифаты: Фатимидов, Аббасидов и испанских Омейядов. Последний оформился в 929 г. вскоре после объявления халифата Фатимидов и в ответ на него. С тех пор значение титула «халиф» стало стремительно падать, так что в 953 г. даже мелкий суннитский правитель г. Сиджилмасы велел именовать себя титулом «Повелителя правоверных» (Мец, 1973: 15).

Берберы, составлявшие основу военной мощи исмаилитов, разочаровались в политике Убайдаллаха и организовали против него несколько заговоров, к которым оказался причастен Абу Абдаллах, продолжавший пользоваться у них огромным влиянием и популярностью. Опасаясь этой популярности, Убайдаллах Махди в 911 г. приказал казнить Абдаллаха, из рук которого за год до того получил свободу власть. Берберы немедленно восстали, но были беспощадно подавлены при личном участии Махди. Однако еще ряд берберов — кутамиты продолжали оказывать сопротивление. Их лидерами стали хариджиты, которые без устали обвиняли Фатимидов в отказе осуществлять свою социальную программу. Упорную борьбу за выживание во враждебном окружении вели три первых фатимидских правителя: Убайдаллах Махди (910–934 гг.), его сын и преемник аль-Каим (934–946 гг.) и аль-Мансур (946–953 гг.).

Подлинный триумф Фатимидов связан с именем халифа аль-Муизза (953–975 гг.), войска которого достигли Атлантического океана на Западе, присоединив к фатимидскому

дениям территории шиитской династии Идрисидов (современное Марокко). Единственной территорией на севере Африки, находившейся вне власти Фатимидов, оставался Египет — богатейшая и фактически в то время независимая провинция аббасидского халифата. Овладение Египтом давало Фатимидам огромные материальные ресурсы, а в геополитическом плане открывало возможности для овладения Сирией, Аравией и в перспективе — для нанесения удара по столице Аббасидов — Багдаду.

Первые три попытки взять Египет окончились провалом (919, 935 гг.). Все три раза Фатимиды овладевали лишь небольшими укреплениями и потому беззащитной Александрией, один раз Фаюмом и рядом районов Верхнего Египта, но ни один раз первоначальный успех в дальнейшем оборачивался поражением, которое было связано то с вмешательством халифа, посланного халифом аль-Муктадиром (908–932 гг.), то с массовым сопротивлением самих египтян. Очередному походу на Египет помешало грандиозное антифатимидское восстание, организованное хариджитами и продолжавшееся с переменным успехом более 20 лет. Кроме того, три десятилетия в Египте сильной династии Ихшидидов (935–968 гг.) не давали возможности для нападения. Надежда на успех появилась только в последние годы правления Кафура (968 гг.), когда стала очевидной слабость египетского государства.

Халиф аль-Муизз был образованным, решительным, талантливым и государственным деятелем, который хотел учиться на ошибках других, а не на собственных. Помня о неудачах своих предшественников, он тщательно и осторожно готовил план завоевательной кампании в Египте. Прежде всего он добился благоприятной внешнеполитической ситуации. Начиная с того, как Багдад был захвачен Буидами, которые, будучи близки к Фатимидам по религиозно-политическим взглядам и являясь суннитами-имамитами, по крайней мере, не испытывали к Фатимидам ненависти и едва ли могли направить помощь египтянам. Аль-Муизз лишил Египет другого потенциального союзника — Византии, которой он нанес поражение на Балканах и даже принудил императора Никифора II Фоку (963–969 гг.) заключить с ним мирный договор (967 г.). Наконец непосредственное военное давление на Египет накануне фатимидского завоевания оказали карматы с острова Бахрейн в Персидском заливе, которые в 964 и 968 гг.

совершили успешные набеги на Сирию, захватив Дамаск (968 г.) и территории Южной Палестины у египетских правителей, ослабление которых в этих войнах облегчило фатимидское завоевание. Наличие военно-политического союза Фатимидов и карматов в этот период остается недоказанным, но и не опровергнуто (Галиб 1983: 318–340, *араб.*; Семенова 1974: 20–25).

Вероятность такого союза вытекала из того факта, что карматы — это вторая после Фатимидов ветвь исмаилитской секты. Она получила название по имени основателя секты Хамдана Кармата, который в 890 г. в окрестностях Куфы (Ирак) основал общину своих сторонников под громким названием «Дар аль-Хиджра» (*араб.* Дом переселения), как до этого именовалась Медина — родина исламского государства. Первоначально он действовал под руководством фатимидских имамов, но затем отошел от них из-за разногласий по вопросу о наследовании имамата. Преследования Аббасидов вынудили Кармата переселиться в Сирию, где он вскоре скончался. После его смерти, а также под влиянием двух крупных поражений, которые нанесли карматам в Сирии аббасидские войска в 903 и 906 гг., центр карматского движения сместился на о. Бахрейн, где в это время действовал талантливый проповедник (даи) Абу Саид аль-Джаннаб. Он возглавил карматов, в 911 г. установил контроль над островом и основал карматское государство, которое процветало до XVIII в. Учение карматов отличалось от фатимидского тем, что карматы не признавали «скрытых имамов» и фатимидских имамов-халифов, а карматские вожди действовали нередко независимо и даже вопреки воле своих «старших братьев по секте» — Фатимидов, о чем пойдет речь ниже. Что же касается периода накануне фатимидского вторжения, то борьба карматов против египетских Ихшидов как нельзя лучше содействовала фатимидским завоевательным планам (Грюнебаум 1986: 107; Семенова 1974: 19).

Основательно была подготовлена и военная сторона нападения. На пути следования в Египет фатимидской армии в прибрежных районах Средиземного моря были вырыты колодцы. Чтобы избежать волнений и саботажа во время похода, войскам были выданы значительные суммы денег, собранные в качестве налогов, и даны обещания еще большего вознаграждения в случае победы. Закаленная в непрерывных боях про-

гии византийцев, правителей Магриба, внутренних мятежников, фатимидская армия перестала быть чисто берберской. После казни Абу Абдаллаха и подавления его сторонников — берберов-кутамитов, халиф Убейдаллах Махди, подобно другим мусульманским правителям, начиная с аббасида Мутаами (833–842 гг.), создал гвардию рабов, называвшихся в Египте мамлюками (араб. находящийся в чем-то владении), ядреную силу которой составляли южные и восточные славяне. Часть из них доставлялась волжскими булгарами через Иран, других покупали на невольничьих рынках Средиземноморья. При фатимидском халифе аль-Муиззе славяне и другие выходцы из Европы достигли наивысшего влияния. В время египетского похода они составляли большинство в гвардии и занимали высшие посты в армии и на флоте. Главным командующим фатимидской армии был назначен также, по-видимому, выходец из Европы, обращенный в ислам уроженец Сицилии вольноотпущенник Джаухар (см. 991 г.) (Семенова 1974: 119).

Действия сухопутной армии были поддержаны флотом, опиравшимся морем параллельно сухопутным силам. Флоту Фатимиды уделяли особое внимание. Его ядро составлял продолжавший ими флот Аглабидов. Кроме континентально-морских баз Фатимиды имели порты базирования на принадлежавших им Сардинии, Корсике, Балеарских островах. Главной же морской базой на Средиземноморье была занятая у Византии Сицилия, которая, начиная с 827 г., постепенно исламизировалась. Завоевание Египта, обладавшего сильным флотом, крупнейшей в Северной Африке морской базой — Александрией, контролирующей торговлю по Средиземному морю, обещало сделать фатимидский Египет морской державой мирового уровня.

Успеху кампании помогла цепь катастрофических событий, происшедших в Египте накануне фатимидского завоевания. Засуха сменилась в 967 г. страшным голодом, за которым последовала эпидемия чумы, унесшая сотни тысяч жизней. Смерть Кафура, не оставившего наследников, привела страну в хаос. В этих условиях завоевание Фатимид Египта прошло быстро и легко. Уже 1 июля 969 г. фатимидские войска во главе с главнокомандующим Джаухаром вступили в столицу Египта аль-Фустат, а 9 июля в пятничной молитве имя фатимидского халифа аль-Муизза было упомянуто в качестве официального правителя

Египта, который таким образом стал частью фатимидского государства и утратил даже формальную зависимость от Багдада.

Аль-Муизз планировал обосноваться в Египте надолго, поэтому вскоре после завоевания страны Джаухар получил приказ подобрать место и заложить город — резиденцию халифа. Новую столицу решили строить к северу от аль-Фустата. В 969 г. был размечен контур города в форме квадрата со стороной около 1 мили, и началось возведение стен из традиционного египетского материала — кирпичасырца.

Сохранилась легенда о том, как закладывалась новая столица. По периметру будущего города были установлены столбы, а между ними протянуты веревки и на них повешены колокольчики. По сигналу астрологов-магрибинцев, которые следили за благоприятным расположением планет, колокольчики должны были зазвонить, после чего следовало приступить к работам по закладке фундаментов стен. Неожиданно на один из канатов сел ворон, и колокольчики зазвонили раньше срока. В этот момент над горизонтом поднималась планета Марс, которая у арабов именовалась аль-Кахира (*араб.* победоносная). Это посчитали плохим предзнаменованием, но город все-таки назвали в честь этой планеты, олицетворяющей воинскую доблесть, аль-Кахира (в русской передаче «Каир»), а точнее Аль-Муиззийя аль-Кахир (Аль-Муиззийя Победоносная), где Аль-Муиззийя означает «имеющая отношение к халифу аль-Муиззу» (Каир 1989: 81; Грюнебаум 1986: 108).

Новая столица занимала площадь примерно 120 га, была городом избранных, войти в который могли только пешие. Жителей аль-Фустата пускали за городские стены по специальным разрешениям. Каир стал местом любимых аль-Муиззом увеселительных торжеств и празднований. Для них запроектированы были обширные свободные пространства, имелся также ипподром, на котором одновременно могли находиться до 10 тыс. всадников. Центр города занимали два дворца — Восточный и Западный, которые были соединены друг с другом подземным переходом, проходившим непосредственно под ипподромом. К югу от Восточного дворца одновременно с постройкой городских стен была заложена мечеть Аль-Азхар (*араб.* блистательный), снискавшая себе в дальнейшем славу всемусульманского учебного

центра университетского типа. Название мечети было дано в честь дочери пророка Фатимы Блистательной (араб. Фатима из-Захраа).

Предусмотрительный аль-Муизз направил в Египет суда в Египет, чтобы спасти завоеванное население от голода, чем вызвал симпатии местных жителей. Купцы, которые были вынуждены в укрывательстве зерна, подвергались публичной расправе, после чего их принуждали продавать зерно по установленным ценам. Эти меры ослабили остроту голода. В 972 г. разлив Нила был достаточным для хорошего урожая, а тот же год неожиданно прекратилась чума, а в 973 г. в Египет прибыл халиф аль-Муизз, переживавший чумные годы в своих магрибских владениях.

Фатимидский халиф торжественно вступил в новую столицу — Каир, в сопровождении бесчисленного двора, слуг, министров. Он вез с собой останки своих предков, что говорило о его намерениях задержаться в Египте на продолжительное время. Впервые более чем за тысячу лет Египет был завоеван с запада, и впервые с начала возникновения ислама мусульманине начали завоевательное движение в обратном направлении, отхлынув из захваченных прежде территорий, что дало халифу аль-Муиззу основание, не скромничая, так охарактеризовать фатимидское завоевание: «Солнце взошло там, где оно обычно заходит» (Мец 1973: 254).

Население Египта, в основном сунниты, безропотно приняло правление шиитской династии. Это объяснялось отменной организацией похода и продуманной политикой в отношении завоеванного населения, которое немедленно почувствовало заботу о себе новых властей, чего не было при последнем ихшидском правителе Кафуре. При этом Фатимиды не навязывали завоеванному населению своих религиозных убеждений.

Вскоре священные города Мекка и Медина признали суверенитет халифа аль-Муизза, затем то же сделала Северная Сирия, а после нескольких военных столкновений и остальная ее часть (978 г.). Вновь Египет становился центром могущественной империи, расположенной на двух континентах, отличительная особенность которой заключалась в том, что новые правители страны были шиитскими сектантами, тогда как население исповедовало суннизм. В повседневной жизни различия между суннитами и шиитами не играли заметной роли, но в политической жизни

шиизм проявлял себя в непривычных для египтян необычайно строгих законах и суровой непреклонности их исполнения.

До нас дошло описание первой официальной встречи халифа аль-Муизза с представителями египетской знати (973 г.), когда видные египетские богословы, потомки пророка Мухаммада, обратились к аль-Муиззу, во-первых, за доказательствами его права на халифский престол и, во-вторых, за подтверждением его происхождения от халифа Али, которое у многих из них вызывало справедливое сомнение. По-видимому, Фатимиды не имели в глазах мусульманских правоведов бесспорных доказательств ни первого, ни второго, что вылилось в длительную дискуссию, не получившую завершения и сегодня. Одним из ее эпизодов стал манифест багдадского халифа Кадира (1011 г.), в котором происхождение Фатимидов от Али объявлялось фальсифицированным. Однако все эти обстоятельства не принимались Фатимидами всерьез. Сектантские движения обычно вырабатывали собственные, отличные от общепринятых, критерии законности и правопорядка, что нашло отражение в ответе аль-Муизза, на обращения к нему вопросы. Предание гласит, что он выхватил из ножен меч и, демонстрируя его присутствующим, произнес: «Вот моя родословная!». Затем, указывая на пол, усыпанный золотыми монетами, которые были предусмотрительно брошены к его ногам, когда он входил в зал, он добавил: «А это — доказательство моего высокого происхождения!». Действительным потомкам пророка Мухаммада, присутствовавшим на этом приеме, больше нечего было спрашивать. Тайна фатимидской родословной так и осталась неразгаданной, но эта полулегендарная история предельно четко донесла до нас важнейший политический принцип исмаилитов: там где они не могли добиться своих целей законным путем, они без колебания прибегали к таким универсальным аргументам политики, как меч и деньги, т.е. сила и подкуп. Чтобы владеть этими политическими рычагами, Фатимиды уделяли первостепенное внимание армии и флоту, финансовой системе и торговле. Это были «четки кита», на которых при них строилось благополучие египтян и стабильность политического режима.

Аль-Муизз лично вникал во все вопросы административной, политической и экономической жизни, так как сумел завоевать поддержку населения. При нем преобразована египетскую армию, состоявшую из арабов и тюрок, замен-

армия, боевое ядро которой составляли берберы, а командную элиту — исламизированные европейцы (сакалиб), под которыми некоторые исследователи подразумевают славян. Несколько позднее, уже после завоевания Египта, значительную часть армии стали составлять чернокожие выходцы из Судана и турки.

Аль-Муизз привел с собой в Египет большой флот и сразу приступил к расширению имеющихся гаваней и к строительству новых. Так, вблизи Каира на Ниле были построены два речных порта: Северный в районе Булака (сегодня центральная часть Каира) и Южный — рядом с остатками вавилонского Вавилона. Оба порта имели арсеналы, доки, таможенные службы для сбора налогов и пошлин. Упрочение военного могущества Фатимидов сопровождалось ростом экономического могущества благодаря активным торговым связям со странами Средиземноморья, прежде всего Италией, и интенсивной торговле по Красному морю со странами Индонезии.

Возможно, наиболее впечатляющей акцией аль-Муизза был роспуск прежней налоговой службы и реорганизация всей финансовой системы страны. Эти реформы были связаны с именем Йакуб ибн Киллиса, занимавшего пост первого везира при халифе аль-Муиззе. Абу аль-Фарадж Йакуб ибн Киллис был иудеем родом из Багдада. Перебравшись в Сирию, а затем в Египет, он стал чиновником финансового ведомства, а позднее — казначеем последнего ихшидского правителя Кафура, после смерти которого вынужден был бежать в Кайруан к Фатимидам, спасаясь от личных врагов. Он быстро сделал карьеру при фатимидском дворе, чему способствовало то, что еще в 966 г. он принял ислам. Судьба Йакуб Киллиса была тесно связана с другим гениальным человеком, упоминавшимся выше — Абу Ханифа ан-Наманом (ум. в 974 г.), создателем исмаилитского фатимидского права, верховным судьей при всех фатимидских халифах от аль-Махди до аль-Муизза, автором официальной фатимидской государственной идеологической доктрины. В книге «Даим аль-ислам» («Столпы ислама») он доказывал, что принципы социальной справедливости, провозглашенные исмаилитами, не могут быть осуществлены немедленно, а восторжествуют в будущем. Тогда как Ибн Киллис подкреплял официальную доктрину «социального сдерживания» экономическими мерами «опережающих реформ», пришедшим в повседневной жизни оба этих гения, один — юриспру-

денции, другой — финансов, были непримиримыми личными врагами.

Ибн Киллис являлся активным сторонником похода Фатимидов на Египет, куда он прибыл вместе с аль-Муиззом в 973 г. в чине везира (премьер-министра). Вскоре по приказу аль-Муизза он приступил к осуществлению реформ. В первых были уволены ненавистные народу налоговые чиновники периода поздних аббасидских наместников. На их место были набраны новые налоговые чиновники и создана контрольная служба, занимавшаяся пресечением злоупотреблений и рассмотрением жалоб.

Суть реформы Ибн Киллиса заключалась в установлении строгого взаимного контроля откупщиков, собиравших налоги, и чиновников, находившихся на государственной службе. В итоге этой реформы налоги, уплачиваемые населением, несколько уменьшились, а доходы казны значительно возросли за счет тех средств, которые прежде присваивались откупщиками и чиновниками (Goitein 1967, vol.1: 33–34). Упрочение финансовой системы сделало Египет надежным торговым партнером, поэтому центр исламской торговли постепенно переместился из Багдада в Каир, обеспечив процветание страны.

ДИНАСТИЯ

Династия Фатимидов правила в Египте более двух столетий до 1171 г. Первые 80 лет их египетского правления, наряду с эпохой первых Аббасидов и испанских Омейядов времени правления Абд ар-Рахмана III (912–961 гг.), принадлежат к золотому веку исламской культуры, «представляли единственную ее ветвь, выросшую при еретической власти» (Грюнебаум 1986: 137).

Сын аль-Муизза — халиф аль-Азиз (975–996 гг.) унаследовал трон своего отца. После него стал править его сын аль-Хаким Биамрилла (араб. Правитель по воле Бога). Затем власть перешла к халифу аз-Захиру (1021–1036 гг.). Последним выдающимся фатимидским халифом был аль-Мустансир (1036–1094 гг.), который правил дольше любого другого мусульманского правителя — шестьдесят лунных лет.

Правление халифа аль-Азиза продолжало взвешенную и рациональную политику его отца. Он исправно и своевре-

менно выплачивал жалованье, боролся с коррупцией, укреплял армию и проводил традиционную для ранних Фатимидов жесткую политику, видя свою цель в ликвидации суннитского халифата. Однако из-за политических обстоятельств он был вынужден ограничиться созданием оборонительного пояса в Сирии.

При нем разрешился конфликт Фатимидов с карматами, о которых говорилось выше. Бесспорно, что завоевание Фатимидами Египта резко обострило их отношения с карматами — во-первых, по причине прихода к власти в карматской державе Бахрейна противника фатимидского влияния Хасан Асама, во-вторых, из-за опасения карматов, что Фатимиды захватят Сирию и лишат их доходов от налогов и охраны караванов.

Вооруженная борьба Фатимидов против карматов в Сирии началась в 670 г. Карматские отряды были отброшены. В 671 и 974 гг. они повторили свои нападения на Фатимиды — причем оба раза приблизились к Каиру. Главнокомандующему Джаухару с трудом удавалось предотвратить захват фатимидской столицы. В 974 г. отбить карматов удалось только благодаря подкупу их союзников-кочевников, потребовавших за измену 100 тыс. динаров (свыше 400 кг золота). Поскольку казна Фатимидов не располагала таким количеством золотой монеты, экстренно была отчеканена медная, которую искусные мастера покрыли тонким слоем золота. Кочевники не распознали обмана и покинули карматов, которые после этого были вынуждены отступить.

Последнее крупное столкновение с карматами произошло в 975 г. Оно завершилось тем, что в обмен на клятву об отводе боевых действий против Египта карматы стали платить ежегодную дань в размере 30 тыс. динаров. Однако после смерти своего лидера Хасан аль-Асама в 977 г. карматы отказались от борьбы за Сирию и вернулись на Бахрейн (См. Сноу 1974: 19, 24).

При халифе аль-Азизе важные изменения произошли в составе войска. После неудач командующего Джаухара в борьбе с карматами престиж сакалиб (возможно — славян) в фатимидской армии резко упал. Не доверявший им и берберам аль-Азиз приказал создать в противовес им отряды из местных наемников, к которым при халифе аль-Азизе, мать которого была негритянкой, прибавились многочисленные отряды темнокожих суданцев. Эти различ-

ные по этническому признаку воинские формирования стали со временем губительными для правителей и населения.

Особого внимания заслуживает правление сына аль-Азиза халифа аль-Хакима (996–1021 гг.), ставшего известным странными, если не болезненными, поступками. Вступив на престол в одиннадцатилетнем возрасте, к 15 годам он стал единоличным диктатором. Краткий перечень его реформ и нововведений говорит сам за себя. Требуя, чтобы в соответствии с этикой ислама женщины и девушки старше 10 лет находились безвыходно дома, он запретил производство женской обуви. При нем были запрещены все виды азартных игр, включая шахматы, под запретом находилась игра на музыкальных инструментах, а также употребление, производство и продажа спиртных напитков. В связи с этим были вырублены виноградные плантации, земля, где прежде произрастал виноград, полита соленым раствором, а все запасы вина и пива вылиты в Нил.

В первое десятилетие правления аль-Хакима религиозные меньшинства пользовались традиционной свободой вероисповедания, но вскоре на них обрушились репрессии, при которых пришлось на период между 1008 и 1015 гг. Первое время преследовались сунниты, затем репрессивная политика распространилась на христиан и евреев. Были восстановлены старые законы, предписывавшие христианам и иудеям носить определенные одежды. Христиане обязаны были носить на шее тяжелые деревянные кресты. Были запрещены церковные праздники, колокольный звон, с наружных стен церкви были выдраны изображения крестов, а их следы заделаны. Подверглись разрушению знаменитые христианские храмы, такие как церковь Гроба Господня в Иерусалиме и большой монастырь аль-Касайр на горе Мукаттам под Каиром. В это же время многие знатные христиане, желая сохранить свои должности и положение, сочли за лучшее перейти в ислам, их примеру следовали и многие простые люди.

Невосполнимый урон был нанесен христианским монастырям — оплоту православных традиций. Разгрома удалось избежать лишь двум из нескольких десятков христианских монастырей Египта. Оба находились около Александрии — были под охраной кочевых племен. Старейший синопольский монастырь Св.Екатерины избежал разгрома только потому, что добровольно выдал все свои сокровища властям. Забегая вперед, отметим, что уже в 1019 г. вклады монастыря бы-

возвращены. Тогда же был возрожден монастырь на горе Мукаттам (Мец 1973: 58).

При преемниках аль-Хакима терпимое отношение к инакующим в фатимидском Египте было восстановлено, что, учитывая другие эксцентричные поступки аль-Хакима (он бородатый, с длинными волосами, избегал мыться, носил простую одежду и во время своих прогулок предпочитал коню мула или осла, нивших впоследствии на носилки, нести которые приходились бесценно чернокожим рабам), позволяет объяснить жестокости его религиозной политики субъективными чертами его характера, прежде всего болезненным самомнением. В конце концов он уверовал, что стал воплощением Божественного разума и повелел заменить в священной мусульманской молитве «Нет Божества кроме Аллаха» слово Аллах на собственное имя аль-Хаким, что вызвало возмущение населения столицы.

Протест населения проявился в весьма забавной форме: жители Фустата досадили аль-Хакиму и его министру ад-Дарази, по происхождению, который особенно усердствовал в распространении мнения, что аль-Хаким является воплощением Бога на земле, жители аль-Фустата в одном из людных мест вывесили женское изображение, показывая свое согласие с запретом появления женщин в публичных местах. Аль-Хаким был так возмущен, что приказал верным чернокожим гвардейцам поджечь аль-Фустат. Однако жандармы поддержали военные формирования турков, которые осадили дворец аль-Хакима и потребовали выдать им министра ад-Дарази или его голову. Аль-Хаким сумел тайно бежать ад-Дарази из дворца и помог ему выехать из Египта в Сирийский Ливан, где тот основал секту друзов (т.е. последователей ад-Дарази), которая существует по настоящее время и почитает аль-Хакима божеством.

В народной памяти об аль-Хакиме сохранилось воспоминание как о беспощадном деспоте с голубыми глазами. Его коварство, злобу и жестокость его часто сравнивают с римскими императорами Нероном и Калигулой. Ни один из министров во времена аль-Хакима не был уверен в своей безопасности. Многие министры были казнены за различные административные провинности. Была даже создана специальная государственная комиссия по учету собственности, конфискованной у репрессированных государственных чиновников. При этом казнили как мусульман, так и христиан.

Среди достижений аль-Хакима можно назвать создание «Дворца мудрости» (араб. Дар аль-Хикма) в 1010 г. Служа пропаганде шиитского учения, «Дворец мудрости» имел обширную общедоступную библиотеку по всем отраслям знаний, где учащиеся занимались по секциям: отдельно — сунниты, отдельно — шииты (Хусайн б.г.: 554, араб.). Это раздельное обучение отражало разобщенность с остальным мусульманским миром, которую остро переживали египетские богословы все два века фатимидского правления. Не менее важно было то, что египетские улемы два столетия находились лицом к лицу с исмаилитскими проповедниками. Не испытывая особых притеснений, они вынуждены были считаться с фактом исмаилитского политического главенства.

К концу правления аль-Хаким неожиданно отменил свои распоряжения в отношении мусульман, объявив, что их не следует понимать буквально. Затем он официально отказался от дискриминационной политики в отношении христиан и иудеев. Воспользовавшись послаблением, берберские и тюркские части армии объединились против всесильного черного контингента — опоры правителя. В итоге чернокожие формирования, ранее преданные аль-Хакиму, оказались в зависимости от других армейских группировок.

13 февраля 1021 г. аль-Хаким, совершая обычную прогулку верхом на осле по холмистым окрестностям Каира, неожиданно исчез. Тело его так никогда и не было найдено. Друзья Ливана уверовали, что он вознесся на небо и появится вновь в день Страшного суда в качестве Пророка. Более прагматичные египтяне не стали с этим спорить, хотя в народе ходили упорные слухи, что аль-Хаким был убит и тайно похоронен по приказу его сестры, которая стремилась занять его место и захватить власть (Marsot 1994: 16–17; Заходер 1944).

Полное курьезных поступков царствование аль-Хакима порой мешает увидеть в его правлении поворотный момент египетской истории: начало массового принятия ислама христианами и включение их в фатимидскую политическую систему. Страх, вызванный необъяснимо жестокими преследованиями немусульман, сломил сопротивляемость христианской общины против исламизации эффективнее, чем прежние меры давления.

Преемники аль-Хакима халифы аз-Захир и аль-Мустан-не были столь экстравагантны в своем поведении, но и бладали качествами политических лидеров. Голод, смуты и тежи продолжались первые шесть лет правления халифа ахира (до 1027 г.), затем обильный разлив Нила обеспе-хороший урожай, это положило конец голоду и смуте. халиф аз-Захир мог еще сохранять контроль над арми-и государством, то следовавший за ним аль-Мустансир-тил и первое, и второе. Во второй половине XI в. фати-ская империя постепенно потеряла контроль над северо-иканскими территориями. Род Зиридов, которым Фати-ы доверили управление своими владениями в Северной-ике, в 1047 г. предприняли попытку полностью отде-авлены бедуинские племена бану халиль и бану сулайм, олившиеся на территории от современного Туниса до-окко и оказавшие решающее значение в их исламизации. этом наместники-исмаилиты были изгнаны, местное-ение вернулось к суннитскому исламу, выдвинув собст-ных правителей.

Зириды установили контроль над Сицилией, которая в 1061 г. была отвоевана у них норманнами. Сирия попала под-ость Буидов, затем перешла к тюркам-сельджукам. Вы-цы из Центральной Азии, тюркская династия Сельджу-ов, опираясь на родственные им тюркские племена, за-вила Багдад (1055 г.), лишив багдадских халифов реаль-власти. Затем, используя потенциал аббасидского госу-ства, они нанесли сокрушительное поражение византий-при городе-крепости Манацкерте и, пленив императора-на Диогена IV (1071 г.), двинулись на восток в Сирию,-снили из нее правителей-буйейхидов, захватили и раз-или Иерусалим (1071 г.), взяли Дамаск (1076 г.) и осно-ряд городов-государств. В 1098 г. Фатимидам, правда,-ось отвоевать Иерусалим у сельджуков, но с севера над-лась другая грозная опасность — крестоносцы, борьба с-рыми требовала напряжения всех и без того иссякающих-Фатимидов.

Несмотря на эти потери Египет еще длительное время-должал оставаться процветающим государством, прежде-о благодаря бурной коммерческой деятельности и разви-ремесленным производству. Это, в частности, подтвер-ется описанием Каира и Аль-Фустата персидским путе-шественником Насиром Хосрау, который находился в Египте

с 1046 по 1049 гг. Перса поразило обилие товаров на рынках, отсутствие охраны даже в ювелирных лавках, фиксированные государственные цены на многие товары, благоустроенный быт жителей столицы и многое другое (Насир-и-Хусрау 1933: 105–130). Это описание относится к периоду правления халифа аль-Мустансира. Он пришел к власти в 1036 г., когда престиж Фатимидов был еще высок, но их могущество заметно ослабело. При нем произошла крупная реформа налоговой системы, по которой купцам запрещалось покупать урожай на корню, были созданы государственные склады с зерном на случай голода. Все владельцы земли уплачивали государству налог — харадж. Ремесленники платили поголовный налог, а немусульмане сверх этого платили подушный налог — джизью. Джизья была высока и, чтобы ее избежать, многие малоимущие немусульмане принимали ислам. Дополнительный доход государство получало от сдачи в аренду помещений, так как только в Каире халифу принадлежало свыше 20 тыс. лавок, много караван-сараяв, бань, общественных зданий (Насир-и-Хусрау 1933: 107).

Роль государства в экономической жизни была необычайно велика. Существовал жесткий государственный контроль над производством и продажей товаров: как правило, на товаре должен был стоять государственный штамп-клеймо, и продаваться он должен был обычно через государственного маклера. При Фатимидах существовали государственные торговые монополии, в частности, на торговые операции с железом, деревом, смолой. Рыночные цены на импортные товары также устанавливались государством. По видимому, государство при Фатимидах было не только главным производителем и потребителем, но и покупателем товаров. В то же время, играя ведущую роль во внешней и транзитной торговле, оно допускало частное предпринимательство как в сфере коммерции, так и в ремесленном производстве. Сосредоточение у государства прибавочного продукта при либеральном характере экономики вело к подъему многих отраслей городского ремесла и расширению торговли.

Как уже говорилось выше, в 1058 г. Фатимиды, заняты междоусобицами, упустили реальную возможность свергнуть багдадских халифов и совместно с командиром буидской гвардии Арсланом Басассири, захватившим власть в Багдаде и даже отправившим в Каир аббасидские святыни — трон и парадный тюрбан багдадских халифов, противостоять нашо-

тию турецких отрядов во главе с Сельджукидами. Этому помогла смута в египетской армии, которая при аль-Мустансире приобрела хронический характер и в 1062 г. привела к кровавым столкновениям в Каире между объединенными силами тюрок и берберов, против которых выступили негритянские отряды. Первых поддерживал халиф аль-Мустансир, а вторых — его мать-негритянка, по-видимому, еврейка. Победу в 1067 г. одержали турецкие наемники во главе со своим вождем Насир ад-Доулем (настоящее имя — Хусейн из североиракского рода Хамданидов), который, рассеяв в уличных боях негритянские формирования, фактически стал военным диктатором в Каире, а его воины начали грабить столицу. Ситуация хаоса усугубилась тем, что низкий уровень разлива Нила, повторявшего семь раз, начиная с 1065 г., привел к страшному семилетнему голоду, названному в литературе «великим бедствием», во время которого были зафиксированы случаи каннибализма, а затем разразилась чума.

Накопленные халифом аль-Мустансиром богатства были утрачены, деньги из казны под давлением армейской верхушки розданы солдатам. Уникальная библиотека — предмет гордости многих Фатимидов, насчитывавшая около 100 тыс. рукописей, была распылена. Были случаи, когда турецкие солдаты использовали древние рукописи для разжигания огня, а дорогостоящие переплеты — для чистки сапог. Разбой армии затронул даже дворец самого аль-Мустансира, из которого солдаты вынесли практически всю мебель (произошел даже курьезный случай, когда халифу пришлось сидеть на простой циновке). Дело дошло до того, что Насир ад-Доуле обратился к багдадскому халифу аль-Касиму (1031–1075 гг.) с просьбой включить Египет в состав аббасидского халифата, а его самого назначить египетским наместником. Он публично заявил об этом с кафедры одной из мечетей Александрии во время пятничного богослужения в 1073 г. (Семенова 1974: 140). Это опрометчивое заявление подорвало престиж Насир ад-Доуле даже в среде его товарищей по оружию: против него был составлен заговор, в результате которого он был убит (1073 г.) (Хусайн б.г.: 575, араб.).

Это, однако, лишь обострило ситуацию в стране и заставило беспомощного и отчаявшегося халифа аль-Мустансира обратиться за помощью к своему вассалу Бадру аль-

Джамали — наместнику Акки, армянину по происхождению, который откликнулся на призыв халифа и в феврале 1074 г. прибыл со своими войсками, состоявшими в основном из армян, в Каир, где ему удалось перебить туркских предводителей и нанести поражение берберам-кутамитам. Порядок и спокойствие в столице были восстановлены, но после него «почти столетие с перерывами пост везира (премьер-министра) принадлежал выходцам из Армении, причем некоторые из них оставались христианами» (Семенова 1974: 112).

На период правления халифа аль-Мустансира пришелся взлет (середина XI в.), а затем постепенный спад могущества Фатимидов. Его смерть в 1094 г. разделила исмаилитов на низаритов, сторонников вступления на престол его сына Низара, которого отец назначил своим преемником, и мусталитов, желавших видеть на халифском престоле его второго сына аль-Мустали, пользовавшегося поддержкой армии. Аль-Мустали одержал победу и стал халифом, законный наследник Низар и его сын были заключены в тюрьму, где оба и погибли. Сторонники Низара, изгнанные из Египта, сумели захватить власть над «заграничными» исмаилитами, часть которых находилась в Сирии, но большинство проживало в горах Западного Ирана, подчиняясь власти «Горного Шейха» — имама Хасан ибн ас-Саббаха (ум. в 1124 г.). 8 августа 1164 г. иранские низариты в своем базовом центре в крепости Аламут (Западный Иран) под знаменами четырех цветов — белым, красным, зеленым и желтым, провозгласили «День Кийамата» (араб. Яум аль-кийам — букв. День воскресения /из мертвых/), что означало освобождение исмаилитов от установлений шариата и победу новой народной версии исмаилизма (Строева 1978: 171).

Египет остался в руках мусталитских халифов, которым в гораздо меньшей, чем низаритам, степени была свойственна способность внушать массам религиозный энтузиазм. Халиф аль-Хафиз (1130–1149 гг.) не являлся общепризнанным правителем: ряд исмаилитов полагали, что он занял престол незаконно (Хусайн б.г.: 590, араб.). Малолетние правители аз-Зафир (1149–1154 гг.) и аль-Фаиз (1154–1160 гг.) вообще реальной власти не имели, а на халифе аль-Адиде (1160–1171 гг.) фатимидская династия закончилась. Последние четыре правителя-Фатимида даже не носили титула имамов, а именовались лишь представителями «Господина времени».

Так называли одного из потомков аль-Мустали, который истреблен и должен явиться из своего убежища в День да (Грюнебаум 1986: 139). Деградация вероучения естественно дополняла картину взаимосвязанных внутривосточного развала и внешнеполитического кризиса.

КОДА

Главную внешнеполитическую опасность для Египта в XI в. представляли турки — сельджуки и крестоносцы, воевавшие в непрерывной и непримиримой борьбе друг с другом, что и спасало Египет от захвата одной из сторон. Участники первого крестового похода (1096–1099 гг.) начали наступление на мусульманские земли и 15 июля 1099 г. захватили Иерусалим. Первый крестовый поход пришелся на период политического вакуума в этом регионе: непобедимые сельджуки уже утратили государственное единство и военную мощь, а египетская гвардия мамлюков только набирала силы, чтобы стать непреодолимым барьером на пути крестоносцев в XII в. Поэтому более чем двадцатилетняя борьба Фатимидов и Сельджукидов за Сирию окончилась несколько неожиданно: сирийское побережье досталось крестоносцам. Египетские везиры, в большинстве своем сами бывшие христиане, поначалу приветствовали крестоносцев как своих возможных союзников в борьбе с сельджуками. Однако после того, как стало известно о гибели от рук крестоносцев десятков тысяч беззащитных мусульман в Иерусалиме и его окрестностях, а затем о намерении христианских государей начать наступление на Египет, все иллюзии были развеяны.

Решительный бой между крестоносцами и Фатимидами произошел в 1117 г.: войска иерусалимского короля Боэмунда были остановлены в районе древней Аль-Фарамы, расположенной на крайнем северо-востоке египетской дельты. С тех пор и до конца правления династии Фатимидов многие десятилетия египтяне были заняты отражением интервенции крестоносцев. Это было непросто ввиду постоянно вспыхивавших междоусобиц как внутри египетской армии, так и в среде гражданской бюрократии — между конкурентами за верховный пост везира.

На улицах было небезопасно, и жители старались находиться дома. Халифы погибали в результате заговоров везиров, как, например, халиф аз-Зафир в 1154 г., а везиры убивали друг друга с не меньшим рвением, чем это делали солдаты в уличной поножовщине. Положение женщин в халифском гареме было столь отчаянным, что они отрезали длинные волосы — предмет женской гордости на Востоке, чтобы сохранить их от надругательства солдатни, и отправили их на хранение правителю Верхнего Египта ас-Салих Талайи ибн Руззайику, выходцу из армян. В ответ на это «обращение» он прибыл в 1154 г. в Каир с войсками, занял пост везира и восстановил порядок. Его попытки заключить договор с восстановившим влияние тюркской династии атабеков Мосула (город и область в Северном Ираке) Нур ад-Дином Махмудом ибн Зенги (1146–1174 гг.), который в 1154 г. отвоевал у крестоносцев Дамаск, провалилась. Зенги был строгим суннитом, что делало невозможным какой-либо его союз с исмаилитами, но он также не мог допустить, чтобы мусульманский, в подавляющем большинстве суннитский, Египет оказался в руках его врагов крестоносцев. В 1153 г. город-крепость Аскалон, который более полувека прикрывал Египет от крестоносцев, был ими взят, и армия рыцарей Иерусалимского королевства во главе с Амори I (ум. 1174 г.) вторглась в нильскую дельту. Он повторил вторжение в 1164 г., а в 1167 г. ему даже удалось, правда ненадолго, захватить Александрию и поднять на фаросском маяке свой штандарт.

Наступал эпилог фатимидского правления в Египте. Бурным внешнеполитическим событиям не уступали по накалу и драматизму события внутренней жизни. Вскоре после прихода к власти последнего фатимидского правителя, десятилетнего аль-Адида (1160–1171 гг.), мамлюки под влиянием интриг его тетки убили сильного политического деятеля везира ас-Салих ибн Руззайика (1161 г.). Через год был убит его сын и преемник на этом посту. Власть захватил бернатор Верхнего Египта, араб Шавар ибн Маджид Саади, который был смещен через семь месяцев мамлюком военачальником Диргамом (1162 г.). Шавар добрался до ставки Нур ад-Дина Зенги и уговорил его направить войска для спасения Египта от крестоносцев. В 1164 г. эти войска под командованием курда Ширкуха разгромили Дирга

Последний был растерзан толпой за попытку конфисковать денежные средства мечетей (1164 г.).

Шавар был восстановлен в должности везира, но отказываясь выполнять данные Нур ад-Дину обещания, в том числе и в уплате ему трети ежегодных доходов от поземельного налога. Более того, он заключил союзный договор с иерусалимским королем Амори I, направленный против Нур ад-Дина, что вызвало гнев последнего (1167 г.). Повзрослевший за это время халиф аль-Адид (ему уже исполнилось 18 лет), раздраженный прокрестonosной политикой Шавара, выдвинул против него его среднего сына Камиля, горячего поклонника Нур ад-Дина, и обратился за помощью к тюркам. Ситуация складывалась трагикомическая: по Каиру разгуливали крестonosцы, приглашенные Шаваром, а в Александрии готовились к сражению с ними приглашенные халифом тюркские войска под командованием зенгидского полководца Ширкуха.

Армии обоих государств (тюрков-зенгидов и крестonosцев) в общей сложности трижды вторгались в Египет. Первый, второй, третий, раз тюрки из Сирии прибыли в Египет в составе союзников египтян, чтобы изгнать крестonosцев в 1167 г. Раздосадованный провалами своей политики Шавар приказал сжечь Аль-Фустат до того, как туда войдут тюрки под командованием Ширкуха. Город горел, по некоторым данным, 54 дня. Однако это не спасло Шавара: не желая еще одной кровавой схватки с тюрками-зенгидами, крестonosцы были покинули Египет.

6 июня 1169 г. в Каир вошли войска Асад ад-Дина (б. Лев Аллаха) Ширкуха, который занял пост везира, намереваясь казнить сначала Шавара, а затем и его сына Камиля, и в том же году неожиданно умер сам. Его заменил прибывший ему племянником также курд и также мусульманин — Салах ад-Дин Йусуф аль-Аййуб, известный в арабской и восточной литературе как Саладин. Ничем не проявив себя при дворе Нур ад-Дина Зенги и в первых двух походах его дяди Ширкуха в Египет, во время которых считали главным образом как верного и исполнительного помощника, а не как способного командира, став у руля египетского правления, Салах ад-Дин неожиданно обнаружил выдающиеся политические и военные способности. Чтобы исполнить намерения халифа аль-Адида отстранить его от власти, он силами верных ему мамлюкских гвардейцев

из числа курдов и турков разгромил в кровавых схватках на улицах Каира негритянские подразделения, загнал казармы армянские отряды, перераспределил захваченное в этих боях имущество между своими сторонниками — турками и курдами, склонил на свою сторону командиров подразделений — эмиров. Этими действиями он ослабил позиции халифа аль-Адида, сторонники которого стали тайно и явно переходить на сторону Салах ад-Дина, жившего в одном дворце с халифом.

В то время в пятничных молитвах в Египте упоминалось имя правящего халифа аль-Адида, явившееся официальным символом власти в мусульманских странах. 10 сентября 1171 г. во время пятничного богослужения Салах ад-Дин поднявшись на кафедру (минбар) в мечети, назвал имя аббасидского халифа аль-Мустади (1160–1171 гг.). А неделю спустя при тех же обстоятельствах он впервые не упомянул имени фатимидского халифа аль-Адида. Неожиданно двадцатитрехлетний халиф заболел и вскоре умер, по некоторым данным, так и не узнав, что он уже смещен своим грозным министром, который якобы сидел у его ложа вместе с родными умирающего. По другой версии, халиф узнал о смещении и отравился, используя для этого отравленный камень фамильного перстня. Третья версия гласит, что при первых признаках недомогания он был помещен в отдельную комнату, которая была заперта на несколько дней. Когда же открыли, то там обнаружили тело халифа без признаков жизни, что едва ли могло удивить, так как ни воды, ни еда в комнате ему оставлено не было. Так закатилось солнце фатимидской династии в Египте, но белый цвет знамени Фатимидов до сих пор остается одним из цветов египетского национального флага.

Завершая рассказ о фатимидском Египте, остановимся на вопросе, которого касались все исследовавшие эту эпоху. Речь идет о религиозной политике Фатимидов и о последствиях. Первые Фатимиды проявляли удивительную для сектантов терпимость по отношению к христианству и иудаизму. А. Мец отмечает, что они держали при себе врагов из иудеев, которым не нужно было переходить в ислам. Уловительную карьеру при дворе ал-Муизза сделал удивительным образом выходец «пронырливый ренегат из иудеев» Якуб ибн Киллис, который был первым фатимидским везиром, т.е. премьер-министром (977–990 гг.), и примкнул в Египет

своим бывшим единоверцам (Мец 1973: 57; Хусайн б.г.: 54-547, араб.).

Вера в философские начала мироздания и познавательные способности человека позволяли при фатимидском правлении открытые диспуты между мусульманами и христианами. При халифе аль-Азизе (975-996 гг.) христиане допускались даже в число халифских родственников: у этого халифа были зятья из христиан. Позднее аль-Азиз назначил своим везиром христианина Ису, который, в свою очередь, назначил своим заместителем в Сирии иудея Манассе. Под влиянием негодующей мусульманской элиты халиф был вынужден отстранить обоих. При везире-христианине не испыхнули антихристианские восстания, вызванные поведением в причастности христиан к пожару на каирской башне. Было избито около 160 христиан, в ответ на что жители в лице везира-христианина распорядились казнить пять зачинщиков беспорядков из числа мусульман (Мец 1973: 57).

При халифе аль-Хакиме на короткое время христиане и иудеи были подвергнуты суровым гонениям. Однако после 1016 г. эти преследования были прекращены, а преемники аль-Хакима полностью восстановили терпимое отношение к христианам и иудеям. Фон Грюнебаум подчеркивает, что положение еврейской общины при Фатимидах было более благоприятным, чем в любое другое время в течение первого тысячелетия истории мусульманства. Отношение к иудеям, выходявшее за рамки обычной терпимости, он объясняет, в частности, безразличием исмаилитской доктрины к несущественному в религиях, что облегчило пропаганду и прозелитизма в христианских странах (Грюнебаум 1986: 107). Автор XII в. Абд ал-Азиз ибн Шаддад приводит мнение критиков Фатимидов, которые утверждали, что сам основатель династии Убейдаллах был иудеем (Семенова 1974: 154). Фатимидские халифы принимали порой участие в праздновании христианских праздников (праздник Святого крещения в 1024 г.) С 1044 по 1047 гг. пост везира при халифе Мустансире занимал принявший ислам иудей, при котором персидские иудеи Абу Саад и ат-Тустари фактически управляли государством, что позволило одному поэту ска-

«В наши дни иудеи достигли вершины надежд своих и стали знатными.

У них и власть, и деньги и из их среды берут советника и наместника.

Египтяне! Мой вам добрый совет: становитесь иудеями, ибо даже небо стало иудейским» (Мец 1973: 58–59).

Фатимиды не пытались сделать Египет шиитским даже в его мусульманской части. Сейчас трудно сказать, чего в этом было больше — сектантского высокомерия или понимания несбыточности миссионерских мечтаний. Однако в целом при Фатимидах Египет перестал быть чисто христианской страной. Крестоносцы, прибывшие в Египет как освободители христиан, не встретили единодушной поддержки населения, которое к этому времени уже было безвозвратно разделено пропастью религиозного инаковерия, до сегодняшнего дня являющегося важной чертой египетской политической культуры.

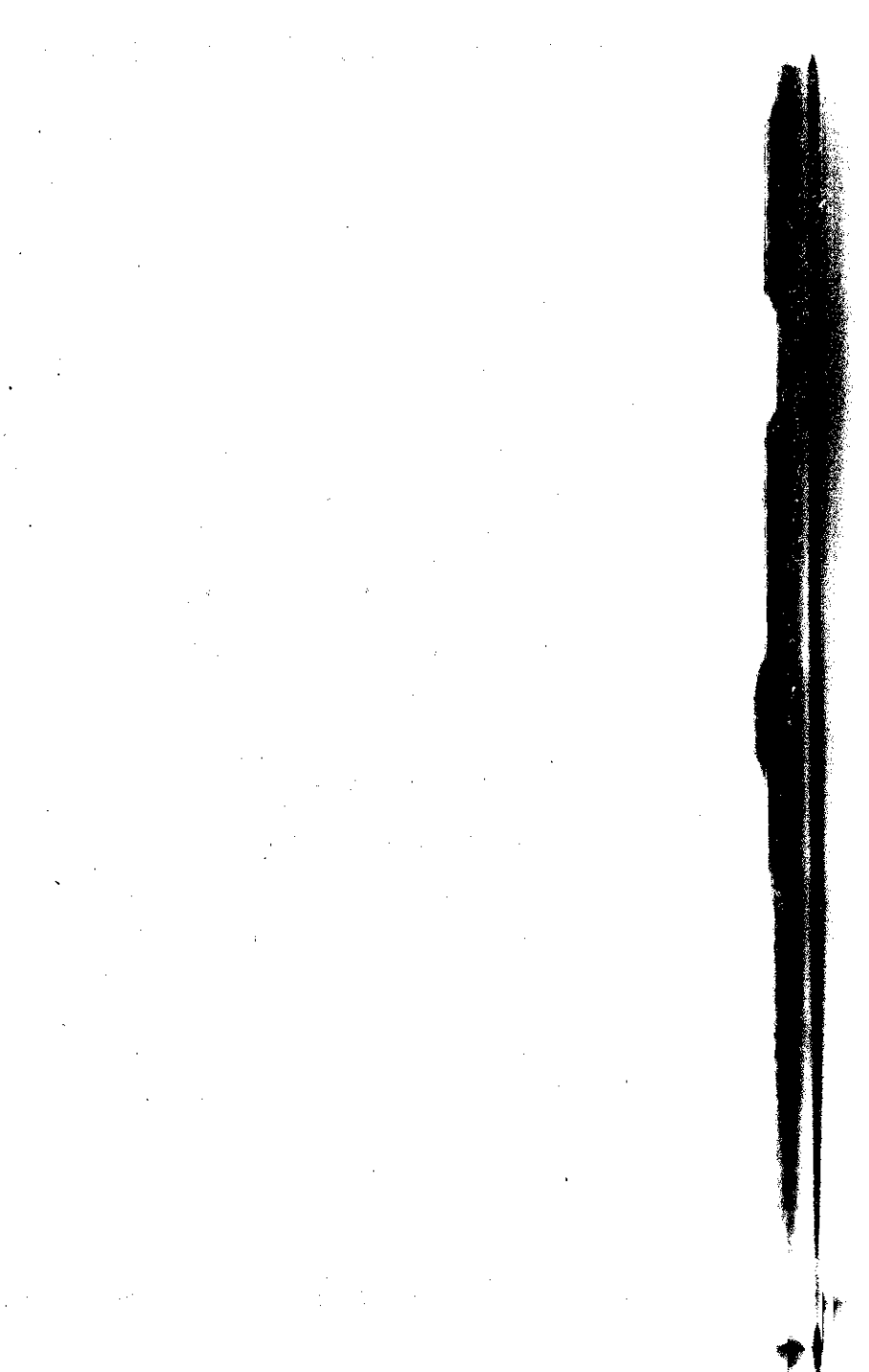

Г Л А В А 4

**ДИНАСТИЯ
АЙЙУБИДОВ
И КРЕСТОНОСЦЫ
(1171—1250)**

*Кто здесь горестины и бедны,
там будут радостины и богаты.*

Римский папа Урбан II

ДИКТАТОР

Салах ад-Дин (*букв.* благо веры, искаженное европейско — Саладин) Абу аль-Музаффар Йусуф, сын Аййуба (1138–1193) — выдающийся полководец и политический деятель был шиитским султаном с 1171 по 1193 гг. и фактически основал династию Аййубидов, которая кроме его самого насчитывала еще 8 правителей и прекратила существование между 1250 и 1262 гг. Если бы свершения этого человека ограничивались только тем, что сухо передано в пяти приведенных выше строках, то и тогда это означало бы распространение на Египет двух важнейших исторических тенденций Ближнего Востока.

Во-первых, на Египет распространилась повсеместная замена агрессивного и воинственного правоверия в шиитской форме более умеренным суннизмом, который исповедовал Салах ад-Дин. Действуя во благо веры (как тут не поверить в магическую силу значения имени!), он объявил суннизм официальным государственным вероисповеданием страны. Этот шаг восстановил единое суннитское пространство от Атлантики до Индийского океана, тогда как шиизм более чем на столетие был устранен от политической власти и в конце-концов вернул себе статус государственного исповедания только в одной мусульманской стране — Иране при династии Сефевидов (XVI в.) (История 1977: 172 и далее).

Во-вторых, как и везде в мусульманском мире, в Египте произошел переход политической власти в руки армии, точнее, властителя (*араб.* малик), который, опираясь на поддержку вооруженных сторонников, утвердил власть своего дома над населением иной этнической принадлежности. Салах ад-Дин был в этом отношении классическим примером: впуск наемника, сын наемника, племянник наемника, он сам

стал «воином удачи», когда вопреки личному желанию, но подчиняясь обстоятельствам, принял назначение в штаб своего дяди Ширкуха и отправился в свой первый египетский поход (1164 г.). Курд (дед Салах ад-Дина — Шади происходил из курдского племени равадия), «по-родственному построенный» к штабу своего дяди, также курда, находившегося на службе у сельджукско-тюркских правителей из дома Зенгидов (1127–1222 гг.), правивших Мосулом и Дамаском, также прилежавшими к ним территориями Северного Ирака и Северной Сирии¹, Салах ад-Дин, по-видимому, не помнил о том, что через несколько лет волею феноменального стечения обстоятельств и собственных способностей он в качестве военного диктатора завладеет Египтом.

Довольно часто подобное событие становится блистательным финалом карьеры политиков от армии, однако в случае с Салах ад-Дином это стало лишь началом политического пути, который привел его в ряд государственных деятелей мирового масштаба. За 22 года его правления Египет пережил очередной период политического подъема, вновь став центром мусульманской империи, на этот раз суннитской. Хотя формально во время торжественных богослужений по-прежнему упоминалось имя багдадского халифа, фактически Салах ад-Дин создал собственное независимое государство и борьба против крестоносцев доказал его жизнеспособность. Поэтому египетское население воспринимало аййубидских правителей как героев ислама и отождествляло себя с ними, независимо от того, были ли они курдами или тюрками. Подобного отождествления египтян с собственными правителями в дальнейшем не будет ни при мамлюках, ни в османский период. Оно начнет возрождаться только в XIX в., но будет уже другая историческая эпоха — эпоха национальных государств, и отождествление будет носить уже ярко выраженный национальный характер.

Приход к власти в Египте Салах ад-Дина действительно можно отнести к разряду исторических случайностей. Известный средневековый хронист Ибн аль-Асир (1160–1238)

¹ Основатель династии Зенгидов — Имад ад-Дин Зенги был в 1127 г. назначен сельджукским султаном Махмудом II (1118–1131 г.) правителем Мосула и атабеком, т.е. опекуном, двух своих сыновей. После смерти Имад ад-Дина его владения были поделены между его сыновьями: Нур ад-Дин Махмуд ибн Зенги получил Сирию, а Сайф ад-дин Гази I — Северный Ирак (Босворт 1971: 169–170; Семенова 1990: 15–18).

исняет, почему девятнадцатилетний фатимидский халиф Адид в 1169 г. назначил Салах ад-Дина своим везиром и присвоил ему громкий титул «Аль-Малик ан-насир» (Победоносный правитель), вкладывая в уста анонимного придворного советника следующие слова: «Нет среди нас человека/ слабее и моложе годами, чем Йусуф /Салах ад-дин/, и им необходимо руководить, так что воистину нейдет он из-под нашей власти. Затем направим мы к войскам тех, кто склонит их к нам, а примкнут к нам воины — и укрепимся в стране, а затем захватим Йусуфа или изгоним его» (цит. по: Семенова 1974: 185). Однако произошло именно противоположное: «Победоносный правитель» объединил вокруг себя войска и завладел с их помощью властью.

В первые годы своего правления Салах ад-Дин направил усилия на укрепление собственных позиций в Египте перед лицом внутренних врагов — сторонников династии Фатимидов и будущих возможных нападений со стороны крестоносцев. Уже в 1172–1173 гг. он захватил г. Триполи (современная Ливия), в 1173 г. — Нубию, а в 1174 г. — Йемен. Эти походы имели целью создать плацдармы для отступления в случае поражения от Нур ад-Дина Зенги (1146–1174 гг.), который с опасением относился к возвышению и усилению власти своего вассала. После смерти Нур ад-Дина и вступления на престол его малолетнего сына Салиха (1174 г.) Салах ад-Дин перестал считать себя связанным клятвой вассальной верности Зенгидам и начал наступление в Сирию, без контроля над которой не могло быть и речи о победе борьбы против крестоносцев.

В короткий срок с 1174 по 1186 гг. к Египту были приращены большая часть Сирии и Северная Месопотамия, которую средневековые авторы называли аль-Джазира (букв. полуостров), так как с востока и запада эта территория ограничивалась руслами рек Тигра и Евфрата). В 1187 г. египетские границы были отодвинуты до Кайруана (современный Тунис), взятого в 1187 г. (Семенова 1966: 20). Эти территориальные приобретения Салах ад-Дин подкрепил жестью на вдове Нур ад-Дина ибн Зенги (1175 г.), что сделал его наследником и продолжателем борьбы Зенгидов с крестоносцев. Он стал самым могущественным правителем мусульманского мира, а государство крестоносцев фактически оказались окруженными входящими в его державу территориями. С этого времени никто уже не мог угрожать

ему с тыла или с флангов, и он сконцентрировал все ресурсы на борьбе с крестоносцами, которым в 1179 г. нанес первое крупное поражение и у которых в 1180 г. отвоевал остров Рувад, расположенный близ современного Тартуса (Сирия).

Зная об экономических трудностях, которые в это время переживали крестоносцы, Салах ад-Дин усилил их, закрыл для христианских и еврейских купцов доступ в Красное море. В результате этого торговля пряностями (самый выгодный по тем временам вид торговли) перешла в руки мусульман. Тогда как итальянские города-государства сохраняли ведущие позиции в торговых операциях на Средиземном море, мусульманские купцы взяли под свой контроль торговлю пряностями по суше и зарабатывали на этом огромные состояния (Marsot 1994: 23).

Под влиянием столь внушительного военного и экономического давления со стороны мусульман христианские привилегии ударили в набат, призывая к Священной войне с неверными, постоянно тревожа Салах ад-Дина своими угрозами и военными операциями, пока последний не поклялся на Коране покончить с врагами ислама. Формальным поводом для фронтального наступления на крестоносцев послужили разбойничьи выходы видного франкского барона, 12 или 14 лет проведенного в плену у Нур ад-Дина и освобожденного за выкуп по приказу Салах ад-Дина — Рено Шатийонского, правителя замка Крак (крепость к востоку от Мертвого моря), который в нарушение действовавшего тогда перемирия (1180 г.) между Египтом и Иерусалимским королевством разграбил то ли в конце 1186, то ли в начале 1187 г. караван мусульманских купцов, двигавшийся из Каира в Дамаск. Скандал усугубился тем, что с караваном следовала сестра Салах ад-Дина. Разгневанный вероломством крестоносцев Салах ад-Дин потребовал от иерусалимского короля Ги зиньяна (1186–1190 гг.) возмещения ущерба и наказания виновных, но не получил положительного ответа. Воспользовавшись этим, в мае 1187 г. он объявил сбор мусульманских войск в Дамаске и начал Священную войну против крестоносцев — своеобразную мусульманскую реконкисту (Куглер 1996: 236; Заборов 1980: 169–170).

Менее чем через полтора месяца, 4 июля 1187 г., близ деревни Хаттин, находившейся между Назаретом и Тивериадским озером, мусульманская армия в семичасовой битве разгромила цвет крестоносного воинства — сотни рыцарей и тысячи пеших воинов погибли в сражении, а многие знатные

бароны во главе с королем Ги Лузиньяном попали в плен к Салах ад-Дину, который сохранил жизнь большинству из них. Помилование не коснулось двух сотен рыцарей-храмовников и иоаннитов (тамплиеров и госпитальеров), казненных за их непримиримый фанатизм, и Рено Шитийонского, которому Салах ад-Дин предложил принять ислам, а когда тот отказался, в назидание потомкам собственноручно отрубил мечом голову (Куглер 1996: 241; Lane-Poде 1901: 208).

К сентябрю мусульмане овладели Акрой, Бейрутом, Сайдой, Тиром, Кесарией, Аскалоном, т.е. практически всеми сирийскими прибрежными городами, а 2 октября 1187 г. после шестидневной борьбы принудили к сдаче гарнизон Иерусалима. В эти войсками Салах ад-Дина Иерусалима обошлось без бесчисленного кровопролития: состоятельные горожане сами выкупались, 7 тысяч иерусалимцев-христиан были выкуплены на деньги орденов госпитальеров и тамплиеров, а 15 тысяч, не имеющих средств откупиться, были проданы в рабство (Заборов 1980: 171; Хусайн б.г.: 631–632, *араб.*). Первое Иерусалимское королевство было, таким образом, уничтожено.

Успешные боевые действия Салах ад-Дина против крестоносцев привели к третьему крестовому походу (1189–1192 гг.), самому яркому по составу участников: его возглавили сразу три монарха.

Первым был германский император Фридрих I Барбаросса (1152–1190 гг.), шестидесятилетний ветеран крестоносного движения, участник второго крестового похода². Он во главе тридцатитысячной армии немецких рыцарей первым выступил 11 мая 1189 г. из Регенсбурга через Венгрию, Сербию, Болгарию и Византию в Малую Азию, где трагически погиб 10 июня 1190 г., утонув при переправе через горную речку близ современного г. Силифке (Южная Турция). Это происшествие описывали так. После изнурительного горного перехода император, опередивший армию, остановился на берегу реки, пообедал и вопреки предостережениям своих людей решил ее перейти. Войдя в холодную воду, немолодой уже Фридрих I потерял равновесие и был унесен потоком. Из воды его вытащили уже бездыханным. Смерть вождя дезорганизовала немецких рыцарей, и только часть из них продолжила поход под командованием сына Барбароссы герцога

² Имя Фридриха Барбароссы спустя 8 столетий после его смерти было присвоено знаменитому плану нападения Германии на СССР в 1941 г.

Фридриха Швабского, а после его смерти в 1191 г. — герцога Леопольда Австрийского (Куглер 1996: 257 и далее).

Вторым монархом был французский король Филипп II, впоследствии прозванный Августом (1180–1223 гг.), который без особых приключений добрался со своими рыцарями до осажденной христианами крепости Акра (современная Акка, Израиль), принял деятельное участие в ее взятии 11 июля 1191 г., после чего, сославшись на нездоровье, вернулся со своими войсками во Францию.

Действительной причиной ухода французов стал конфликт между Филиппом II и третьим коронованным участником похода — английским королем Ричардом I, которые своими поступками во время этого рыцарского предприятия снискали себе широкую, хотя и скандальную известность. По дороге к Святым местам в 1189 г. Ричард со своими войнами без видимых причин, если, конечно, не соглашаться с мнением, что этот захват «был подготовлен намеренно в интересах лучшего снабжения крестоносной армии», захватил сицилийскую столицу Мессину, учинив там варварские грабежи и убийства (Добиаш-Рождественская 1991: 39). За это «подвиг» он получил свое знаменитое прозвище «Левин сердце», т.е. человек без страха и жалости. Добившись вкупа за освобождение Сицилии, он отбыл на Кипр, который захватил, действуя от имени византийского императора (незадолго до этого Кипр объявил об отделении от Византии), взял там огромную добычу, женился на Беренгарию Наваррской, которая сопровождала его, начиная с Сицилии. Затем присоединился к крестоносцам, более двух лет осаждавшим Акку, участвовал в штурме и грабеже захваченной крепости. Уже после ухода французов руководил убийством 2000 египетских ложников-мусульман, взятых после захвата Акки в качестве гарантов выполнения мусульманами своих обязательств (Куглер 1996: 269–291; Добиаш-Рождественская 1991: 56). Около года он предпринимал безуспешные попытки взять хотя бы один мусульманский город, но своей неизменной жестокостью добился только того, что его именем стали пугать детей.

Единственными уцелевшими базами крестоносцев оставались крепость-порт Тир и замок Бальфур в Ливане, вокруг которых еще теплилось крестоносное движение. Примечательно, что мимоходом захваченный Ричардом I Кипр оказался самым ценным приобретением в этом походе. Кипр превратился в важный оплот крестоносцев в Восточном Средиземноморье. Исключительно благодаря его военной пол-

ирике крестоносцы смогли еще около ста лет продержаться на Ближнем Востоке (Заборов 1980: 185).

2 сентября 1192 г. между Ричардом Львиное Сердце и Салахом ад-Дином был подписан мирный договор, по которому Иерусалим сохранялся за Египтом, а за крестоносцами оставалась лишь узкая прибрежная полоса от Тира до Яффы. Куглер именуется этот договор жалким и добавляет, что сердца христиан наполнились горем и яростью, когда они узнали об этом результате всех их жертв и трудов» (Куглер 1991: 301). На этом закончился третий крестовый поход, а Ричард Английский поспешил домой, но по пути задержан герцогом Леопольдом Австрийским за оскорбление, которое он нанес его флагу, сорвав и бросив его в воду, так как не был согласен с тем, что немецкие рыцари могли ворваться в осажденную Акку. Затем он был переправлен к императору Генриху VI и два года пробыл у него в плену, прежде чем в 1194 г. вернулся на родину. (Куглер 1991: 290, 302–303; Добинин-Рожественская 1991: 74–80).

Салах ад-Дин же, напротив, завершил дело своей жизни, исполнив данную на Коране клятву: нанес стратегическое поражение крестоносцам, окончательное изгнание с Ближнего Востока которых стало лишь делом времени. Долгие годы кровавых войн, нервного напряжения и лишений сделали свое дело: никогда не обладавший могучим здоровьем Салах ад-Дин (или как его уже в это время называли европейцы Саладин) неожиданно заболел лихорадкой, весьма опасной разновидностью паратифа, и в 1193 г. скончался в Дамаске, где и был похоронен.

Мечеть Саладина расположена рядом с величественным комплексом мечети Омейядов в центре сирийской столицы и является местом посещения туристов, причем как мусульманских, преисполненных гордости за своего великого единовластного правителя, так и христианских, испытывающих к нему уважение благодаря описаниям европейских авторов, рисующих Салах ад-Дина великодушным, чистосердечным, мудрым правителем, у которого его христианские коллеги учились истинно рыцарским качествам. Он был сравнительно редким примером политического деятеля, в отношении личности которого европейские и ближневосточные авторы единодушны в своих положительных оценках.

В Египте Салах ад-Дин известен прежде всего как правитель, вернувший страну в лоно суннитского ислама. Уже в 1170 гг. будучи везиром, он основал три медресе (школы при

мечетях), призванные готовить почву для возвращения Египту центральной роли в интеллектуальной жизни мусульманского мира. Эту деятельность он продолжил и после официального прихода к власти, что позволило выдающемуся магрибинскому путешественнику ибн Джубайру (1144–1217) сказать, что его «заслуги..., его стремление к справедливости, его усилия по защите религии неисчислимы» (Ибн Джубайр 1984: 17).

Став султаном, Салах ад-Дин отказался от претензионных, полных показной роскоши дворцов фатимидских правителей, при нем эти дворцы пришли в полное запустение. Вместо них Салах ад-Дин построил себе цитадель на холме, с которого открывалась панорама Каира. Это место и сегодня привлекает туристов, так как дает возможность охватить взглядом весь огромный каирский мегаполис. Во времена Салах ад-Дина цитадель давала правителю возможность господствовать над городом и находиться на сравнительно безопасном удалении от потенциально опасных густонаселенных кварталов нижнего города, где любой дворец мог быть окружен и блокирован мятежной толпой. Для снабжения цитадели водой был реконструирован и достроен величественный акведук, представлявший собой стену, построенную из гранитных блоков, по вершине которой самотеком бежала нилская вода, поднятая на многометровую высоту специальными водоподъемными механизмами. Акведук снабжал водой как саму цитадель, так и прилегавшие к ней жилые кварталы.

Большую часть жизни Салах ад-Дин находился в военных походах за пределами Египта. В его отсутствие от имени страной руководил его брат Сайф ад-Дин (Хусайн в 625, араб.) (некоторые авторы называют его Сафа ад-Дин или Сафади), известный под титулом «аль-Малик аль-Адил» (бука. благородный правитель). Ему помогли везир (премьер-министр) аль-Фадиль, а также евнух Баха ад-Дин Каракуш. Последний заслуживает внимания, так как ведал общегосударственными работами (строительством каналов, мостов, общественных зданий и т.д.). Он прославился тем, что неизменно добивался точного выполнения любого порученного ему дела, так что вошло в народный обиход использовать его имя Каракуш — как символ жесткой формы политической власти.

Некоторые авторы считают благом для Египта тот факт, что Салах ад-Дин большую часть времени находился за границей и не участвовал в финансово-экономическом управлении страной, передоверив его своему брату и будущему преемнику.

омнику — аль-Малик аль-Адилю, который в отличие от него
его обладал и опытом, и знаниями, необходимыми для
финансово-экономического управления страной, и вместе с
тем держал эту сферу под своим постоянным контролем.

КРЕСТОНОСЦЫ И КОНЕЦ ДИНАСТИИ АЙЙУБИДОВ

Старинное христианское установление — паломничество *Pergram sanctam* (Святую землю, т.е. Палестину с ее глав-
ным городом Иерусалимом) появилось в IV в., а к XI в. оно
переросло в грандиозную традицию, поддерживаемую
массовыми христианскими пилигримами со всех концов
мира (Куглер 1996: 37). Сравнительная легкость организа-
ции крестовых походов объяснялась тем, что по форме они
отличались от паломничества ни маршрутом движения,
ни конечной целью, но осуществлялись иными силами и
иными средствами: на смену добровольным странникам
пришли отряды профессиональных воинов, а смиренное под-
пирничество богоискателей заменила страстная воинствен-
ность феодального рыцарства. Объединяющим символом и
и других оставался крест, который мирный странник
считал воплощением страданий и жертвенности Спасителя,
вооруженный рыцарь — знаком успеха и удачи похода,
позволявшего удовлетворить его жажду приключений, богатства
и вечного спасения (Ле Гофф 1992: 69).

Идея крестовых походов принадлежала римскому папе
Григорию VII, а ее воплощение — его второму преемнику на
постольском престоле — Урбану II (1088–1099 гг.), который
в ноябре 1095 г. во французском городе Клермоне на соборе
святости призвал христиан к походу на Иерусалим ради
обожения гроба Господня и во имя спасения восточных
христиан от «персидского племени турок». Всем, кто примет
решение идти в Святую землю, папа обещал спасение на небе и
благаток на земле. Последнее, если верить хронике Фульхе-
ра из Шартра, папа Урбан II облек в форму блистательного
оризма в евангельском стиле: «Кто здесь горестны и бед-
ны, там будут радостны и богаты!» (Заборов 1980: 39).

Решающей политической предпосылкой крестовых похо-
дов стал призыв о помощи, с которым в 1090–1091 гг. визан-
тский император Алексей I Комнин обратился к государям
и князьям Запада. Урбан II увидел в походе на Восток сред-

ство подчинить византийское православие римскому католицизму (Заборов 1980: 32–33), при этом обратив беспрестанные европейские войны между единоверцами в одну справедливую войну против неверных. Несмотря на то, что этот грандиозный план нельзя признать удавшимся, крестовые походы все же провели необходимую очистительную работу в социальных подвалах европейских стран, освободив путь капитализму — «экономической религии» европейского города.

Формально история крестоносного движения насчитывает номинальных походов и значительное количество экспедиций, не получивших отдельных нумераций, и охватывает период с 1095 по 1291 гг. Первый крестовый поход (1095–1099 гг.) завершился взятием Иерусалима и созданием в Палестине, Сирии и Ливане Латино-Иерусалимского королевства, включавшего собственно Иерусалимское королевство, графства Эдесское и Триполитское, княжество Антиохийское. Арьергардный крестовый поход (1100–1101 гг.) добавил небольшое подкрепление крестоносцам в Сирии и Палестине, но главное — подключил военным операциям венецианские и генуэзские флотилии, которые блокировали гавани сирийских городов.

После взятия Иерусалима крестоносцы поставили задачу завоевания Египта, что только и могло дать им прочный тыл и базу снабжения. Кроме того, в Египте они могли опереться на значительную христианскую общину. В 1104 г. Иерусалимский король Бодуэн I (1110–1118 гг.) был так близок к успеху, что пообещал генуэзцам третью часть Вавилона (так крестоносцы называли Каир) — настолько он был уверен в своей победе над Фатимидами (Заборов 1980: 138). Иерусалимский король Бодуэн II (1118–1131 гг.) вторгся в египетскую дельту в 1118 г., но ему также не хватило сил и он вынужден был отступить.

Второй крестовый поход (1147–1149 гг.) был вызван военными успехами сельджуков во главе с Имад ад-Дином Зengi, в частности, взятием ими Эдессы (1144 г.). Этот поход закончился безрезультатно и практически не затронул интересы Египта: французские и германские рыцари безуспешно осаждали Дамаск. В 1163 г. Иерусалимский король Амор (1163–1174 гг.) начал второе крупное наступление крестоносцев на Египет, однако оно также закончилось безрезультатно, несмотря на то, что вид гуляющих по улицам Каира крестоносцев стал к концу этого периода делом обычным.

Главной причиной военных неудач крестоносцев в Египте была хроническая нехватка людских ресурсов. В распоряжении

иерусалимских королей никогда не было более 600–700 рыцарей. Состав гарнизона города равнялся в среднем 30–80 рыцарям. Даже при условии всеобщей мобилизации латинское войско не превышало 2000 человек тяжело вооруженных рыцарей и до 20 тысяч пехоты, что было совершенно недостаточно для колонизации такой страны как Сирия (Заборов 1980: 136). Многие успехи и неудачи крестоносцев объяснялись военной тактикой их боевого ядра — рыцарей. Она основывалась на личной храбрости и поддержке отдельных воинов. Поддержка же, как пишет Дельбрюк, которую хорошее оружие может оказать личной храбрости, была очень значительна. Прочное копьё, меч достаточно острый, чтобы пробивать железо, непроницаемый панцирь, щит и панцирь, покрытый мощной броней конь — вот что приносило победу рыцарям. Воин с таким оружием, одетый в тяжелые доспехи и умеющий двигаться в них, в единственном превосходил воина с более легким вооружением. Даже в пешем бою рыцарь был несколько беспомощен, так как практически не мог сойти с места; ему трудно было спешиться и садиться на коня; упав, он мог подняться только с большим трудом. Тяжеловооруженный рыцарь не мог постоянно преследовать врага, не мог пользоваться метательным оружием. Он не мог обходиться одним конем: из-за большого тяжелого веса, чтобы не утомлять боевого коня, вынужден был беречь его по возможности до самого начала боя, переходя до тех пор на другую лошадь, а иногда двумя и даже тремя. Все это делало рыцарей крайне опасными в стационарном позиционном бою, но малоприспособленными для боевых действий, связанных с быстрым маневром. В первом крестовом походе, как и в других, участвовало большое количество пеших воинов, но это объясняется, вероятно, отсутствием у рыцарей достаточного количества лошадей. Пеший воин, хотя бы и одетый в латы, не был в бою самостоятелен, а служил лишь вспомогательной силой для рыцарей (Дельбрюк 1996: 149–150). Противостоящие крестоносцам войска турков-сельджуков и египетские армии состояли преимущественно из легковооруженных всадников, одинаково успешно действовавших как в конном, так и пешем строю, как с применением дальнобойного (луки, позднее арбалеты), так и ближнего оружия. Византийский император Лев IV (886–911 гг.) рисует туркских воинов в панцирях, на бронированных конях, сражающихся попеременно копьями, мечами и стрелами. При этом главным отличием восточного воина от

европейца было гораздо более распространенное на Востоке употребление лука и стрел, что вряд ли совместимо с тяжелым вооружением рыцарей (Дельбрюк 1996: 135). Различные системы оснащения, подготовки и тренировки воинов предопределили различия в тактике ведения боевых действий у рыцарей-крестоносцев и их мусульманских противников, дав определенные преимущества последним.

Третий крестовый поход (1189–1192 гг.), описанный выше, явился ответом на отвоевание Саладином Иерусалима, но закончился безрезультатно, тогда как четвертый крестовый поход (1202–1204 гг.) был обращен венецианцами против Константинополя (Де Клари 1986) и завершился созданием Латинской империи крестоносцев, просуществовавшей с 1204 по 1261 гг. и ликвидированной императором Михаилом III Палеологом — правителем Nikei, при поддержке конкурентов Венеции — генуэзцев и жителей Константинополя. Три последующих похода — пятый (1217–1221 гг.), шестой (1228–1229 гг.) и седьмой (1248–1254 гг.) — были направлены непосредственно против Египта.

После смерти Салах ад-Дина (1193 г.) началась борьба за власть между тремя его сыновьями, в которую вмешался его брат и ближайший сподвижник Сафа ад-Дин аль-Малик аль-Адил. В итоге именно он к 1198 г. захватил власть и восстановил территориальную целостность государства, после того как братоубийственный конфликт и естественные кончины убрали с его политического пути детей и наследников Саладина. Он сохранял преимущественно мирные отношения с крестоносными правителями и умело управлял Египтом и своей кончины в 1218 г., после чего ему наследовали его сыновья: аль-Камиль получил Египет (1218–1238 гг.), два других сына — Дамаск и Джазиру. Только Алеппо (совр. Халеб в Сирии) сохранился за прямыми потомками Салах ад-Дина.

К этому времени крестоносцы осознали, что сохраняя свои тающие на глазах владения они могут только, захватив Египет (Добиаш-Рождественская 1991: 72). Решению этой задачи был посвящен пятый крестовый поход (1217–1221 гг.). Ему предшествовало невиданное до того явление — движение детей-крестоносцев, которое началось весной 1212 г. в кельнской области Германии, где его возглавил десятилетний Никлас. Затем аналогичное движение охватило Северную Францию, где божьим посланцем объявил себя пятнадцатилетний пастух Этьен. Тысячи обделенных родительской любовью подростков, обираемых и угнетаемых во время походов

профессиональными ворами и нищими, сопровождаемые различным сбродом, конечно, не могли добиться успеха, но, являясь порождением невиданного религиозного энтузиазма, они сами вызвали всплеск массового крестоносного иступления. Благодаря ему и под его влиянием папа Иннокентий III в 1213 г. начал подготовку к пятому крестовому походу, который завершил после его смерти (1216 г.) его преемник папа Гонорий III (1216–1227 гг.). В походе принял участие один король — Андраш II Венгерский, герцог Леопольд Австрийский, Оттон Меранский, а также отряды короля Кипрского, сирийско-палестинские вожди крестоносцев, госпитальеры, тиммиеры, рыцари Тевтонского ордена и другие участники.

Сирийским крестоносцам поход был не нужен. Они около 20 лет жили в мире с Египтом и успешно торговали с ним. Не получив активной поддержки местного рыцарства, венгерские и немецкие крестоносцы целый год провели в бездействии в Акре (Акка). Король Андраш, поняв безнадежность похода, вопреки угрозе отлучения в январе 1218 г. отправил со своими людьми на родину.

В апреле 1218 г. в Акру к крестоносцам прибыло подкрепление в составе голландских и немецких рыцарей. После длительных совещаний предводители крестоносцев, которые в этот раз не имели ярко выраженного вождя, решили направить войска в Египет, который уже был официальной целью четвертого крестового похода. Непосредственным объектом для атаки была выбрана Дамьетта — торговая соперница Александрии, расположенная на одном из рукавов Нила. Дамьетта, открывавшая кратчайший путь к Каиру, была окружена двойным поясом стен, защищена мощной башней, расположенной на одном из нильских островов, и считалась неприступной.

Осада города началась в мае 1218 г. и продолжалась почти полтора года. Крестоносцы атаковали город, используя те же методы, с которых войны по штурмовым лестницам высаживались на крепостные стены. В результате одной из таких атак крестоносцам удалось взять островную башню. Правивший в Акре Сафа ад-Дин аль-Малик аль-Адил, получив это известие, скоропостижно скончался. Ему наследовал его сын аль-Малик (1218–1238 гг.). Он немедленно вступил в переговоры с крестоносцами, согласившись в обмен на снятие блокады Дамьетты передать им Иерусалимское королевство в границах 1187 г. и заключить мирный договор на 30 лет. Это предложение было отвергнуто, и крестоносцы продолжили осаду. В ночь с 4 на 5 ноября 1219 г. им удалось приступом

взять Дамьетту, после чего аль-Камиль возобновил мирные переговоры, предложив обменять захваченную Дамьетту на Иерусалим, но крестоносцы вновь отказались и перешли в наступление на Мансуру, один из крупнейших городов дельты (1121 г.) Бурный разлив Нила сорвал планы завоевателей, а объединенная армия аль-Камиля и его братьев довершила разгром и изгнание крестоносцев. По предложению последних 30 августа 1221 г. был подписан мирный договор на восьмилетний срок.

По истечении этого срока был организован Шестой крестовый поход (1228–1229 гг.), главной движущей силой которого был германский император Фридрих II Гогенштауфен. зять Иерусалимского короля Жана де Бриенна. Отлученный от церкви папой Григорием IX (1227–1241 гг.) за неоднократные промедления с началом крестового похода, Фридрих II в 1229 г. прибыл в Сирию и, не ведя практически никаких боевых действий, используя главным образом дипломатические методы, склонил аль-Камиля к заключению мира сроком на 10 лет на выгодных для себя условиях: крестоносцы получали назад Иерусалим, Вифлеем и Назарет (Герген 1996: 139; Заборов 19809: 267–275).

Таким образом, практическим результатом шестого крестового похода стало мирное отвоевание Иерусалима. Мир гарантировался десятилетним договором, по истечении его Аййубиды начали наступление на владения крестоносцев. В сентябре 1244 г. во главе 10-тысячного войска, сформированного из хорезмийцев, перешедших к нему на службу после разгрома монголами государства хорезм-шахов (1220 г.) и гибели его легендарного правителя Джалал ад-Дина (1231 г.), султан аль-Малик ас-Салих Аййуб Наджм ад-Дин (1240–1249 г.), подошел к Иерусалиму и захватил его, учинив поголовную резню христианского населения (Куглер 1996: 419; Буниятов 1986: 192).

Ответом на эти события стал седьмой крестовый поход (1248–1254 гг.). Он был организован по инициативе нового папы Иннокентия IV (1243–1254 гг.), которому вопреки тому, что крестоносное движение шло на убыль, удалось поднять на войну французского короля Людовика IX (1223–1270 гг.) и в меньшей степени подданных английской королевы. Седьмой поход повторял маршрут пятого. Его целью был Египет, без которого удержать Иерусалим оказалось невозможным. Эту истину на Западе стали осознавать со времени борьбы с Саладином. Постепенно стало приходить понимание, насколько это трудная задача. Седьмой поход был органи-

иннован значительно лучше, чем два предыдущие. Были подготовлены суда, собраны необходимые денежные средства, на Кипре, который служил базой подготовки похода, созданы склады продовольствия и вина. В общей сложности под знаменем Людовика IX, позднее причисленного к лику святых, оказалось от 15 до 25 тыс. воинов (в том числе около 3 тыс. рыцарей). С 17 сентября 1248 г. до 30 мая 1249 г. крестоносцы находились на Кипре, готовя операцию вторжения. По совету кипрского короля Анри Лузиньяна (1218–1253 гг.) Людовик IX начал переговоры о совместных действиях против египтян с монголами, которые в это время приближались к границам Багдадского халифата. Однако непреклонное монгольское требование главенства над своим партнером по коалиции было крестоносцами отвергнуто, смертельно опасный для египтян союз не состоялся. В начале июня 1249 г., действуя самостоятельно, крестоносцы высадились в устье Нила и соходу взяли богатую Дамиетту. Переждав летнюю жару в захваченной крепости, крестоносцы в начале февраля 1250 г. осадили и взяли город-крепость Мансуру (Заборов 1980: 285).

На протяжении ряда предшествовавших десятилетий крестоносцы в военном отношении не добивались таких успехов. Создавалось впечатление, что египтяне застигнуты врасплох и не смогут оказать реального сопротивления. Однако это было не так. Султан ас-Салих Наджм ал-Дин Аййуб был уведомлен о планах крестоносцев и готовился к отражению нападения. Болезненно подозрительный, возможно страдавший параноидальными комплексами султан в противовес собственной армии, которой он не доверял, султан создал новое воинское формирование — корпус воинов-рабов турецкого происхождения, ввезенных в страну по его личному распоряжению. Эти рабы, традиционно именовавшиеся «мамлюками» («находящиеся в собственности»), впоследствии уничтожили его государство и разрушили его династию, чему в немалой степени способствовала напряженная обстановка, вызванная крестоносным вторжением.

В 1249 г., когда приготовления к отражению нападения крестоносцев были в самом разгаре, ас-Салих Аййуб умер в своем шатре. Его вдова, женщина с сильным волевым характером, по одним данным, дочь турка Абдуллы, по другим — армянка по происхождению, Шаджрат ад-Дурр («Древо жемчуга») поручилась с предводителями мамлюков, обеспечивавших безопасность и неприкосновенность царствующей семьи, чтобы избежать паники и деморализации войск во время кресто-

носной интервенции сохранить смерть мужа в тайне и дать возможность ее пасынку, наследнику престола Туран-шаху, вернуться из-за границы (он находился в это время в Сирии) и занять египетский трон. Полагавшаяся поминальная процедура была совершена в присутствии лишь нескольких ближайших и покойному султану лиц, после чего останки султана были доставлены в Каир и погребены в крепости Джазира. Целый месяц после этого смерть верховного правителя сохранялась в тайне от страны (Учок 1982: 41; Hitti 1946: 671).

Знай крестоносцы о случившемся, они вероятно, не промедлили бы с наступлением в глубь страны до того времени, как произошел разлив Нила и дельта превратилась в непроходимое болото. Когда же вода спала и крестоносцы двинулись к Мансуре, египтяне уже имели нового правителя — сына султана ас-Салиха — Туран-шаха (1249–1250 гг.), который и стал во главе армии. В походе к Мансуре крестоносцы страдали от насекомых, лихорадки, желудочно-кишечных заболеваний, широко распространенных в египетской дельте именно в это время года — в конце лета и осенью.

Нил в районе Мансуры очень широк, однако кто-то, возможно разведчик, сообщил брату Людовика IX графу Роберту д'Артуа, где находится брод. Д'Артуа решил не ждать соединения с основными силами армии, переправился со своим кавалерийским отрядом на другой берег Нила и первым вступил в Мансору. Поджидавший его там десяти тысячный мамлюкский корпус, которым командовал аз-Захир Бейбар аль-Бундукдари (Бейбарс-арбалетчик), расчленил крестоносное войско и разгромил его по частям. Спасшихся не было: кто не был убит, тот попал в плен (Marsot 1994: 24–25). Некогда спустя египтяне потопили крестоносный флот, стоявший около Мансуры. Остатки основных сил крестоносцев оказались отрезаны от Дамьетты, служившей базой снабжения. Мучимые голодом и охваченные паникой крестоносцы бежали из Мансуры, а египтяне преследовали и убили их. Многие, включая короля Людовика IX, попали в плен и перенесли все ужасы, связанные с нездоровым климатом Нижнего Египта. Сам король настолько обессилел, что не мог выпасть из седла и он не мог самостоятельно передвигаться (Davis 1897: 39 и далее).

В мае 1250 г. Людовик IX был освобожден за огромный выкуп — 200 тыс. ливров при условии, что крестоносцы уйдут из Дамьетты. Ничтожная часть рыцарей во главе с королем добралась до Акры. Тщетно прождав там подкрепления,

в апреле 1254 г. Людовик IX покинул Акру и вернулся во Францию. Спустя 16 лет летом 1270 г. он возглавил последний крестовый поход. Объектом атаки крестоносцев был Тунис, но стратегической целью похода оставался Египет, который крестоносцы в случае успешной высадки хотели атаковать с запада подобно тому, как это сделали в свое время крестоносцы. Французские крестоносцы провели успешную высадку на тунисский берег и 23 июля 1270 г. захватили крепость Карфагенскую крепость, над которой взметнулось знамя с золотыми лилиями французское знамя. На помощь крестоносцам выступили египетские войска во главе с уже известным французам по предыдущему походу Бейбарсом, который к этому времени стал мамлюком султаном Египта. Однако сражения не произошло: в лагере крестоносцев вспыхнула эпидемия то ли чумы, то ли холеры. Людовик IX и его ближайшие родственники заболели и умерли, поход прекратился. Прах Людовика IX, единственного короля Франции, причисленного католической церковью к лику святых, покоится с тех пор на холме в центре Карфагена.

Последние владения крестоносцев на Востоке были захвачены мамлюкским султаном Калауном и его сыном: 26 июля 1289 г. был захвачен Триполи, а 18 мая 1291 г. пала Акра, превращенная мамлюками в развалины (Куглер 1996: 1483; Заборов 1980: 293–294). Второе Иерусалимское королевство перестало существовать, вместе с ним закончилась эпоха крестовых походов.

Возвращаясь к судьбе последнего аййубидского правителя Египта Туран-шаха, которому столь счастливо удалось вернуть престол из рук верных памяти его отца мамлюков, отметим, что молодому монарху не хватило мудрости сохранить хорошие отношения со своей мачехой и преданными ей мамлюками. Заносчивый и высокомерный, он унижал мачеху, за что приложила столько стараний и мужества, чтобы возвести его на престол, позволял себе оскорбительные поступки в отношении присягнувших ему гвардейцев, избивал их, наносил увечья и в пьяном угаре грозил их всех уничтожить.

Во время одного из таких неприглядных происшествий Туран-шах, размахивая саблей, порезал себе пальцы. Охваченный гневом и досадой, он приказал уничтожить всех присутствовавших мамлюков. Те, в свою очередь, увидев, что он шутит, набросились на него, но Туран-шаху удалось ускользнуть и укрыться в построенной по его приказу деревянной башне. Мамлюки окружили башню, обстреляли и

подожгли ее. Туран-шах, понимая, что может сгореть заживо, выпрыгнул из башни в Нил, но был пойман и убит Бейбарсом, которого поддерживали другие мамлюкские предводители, такие как Октай, Айбек и Калаун (1250 г.). Ряд средневековых авторов иначе описывают гибель Туран-Шаха: одни утверждают, что он заживо сгорел, другие — что утонул, третьи — что погиб от стрелы. Он пробыл султаном всего 70 дней (Учок 1982: 43).

Со смертью Туран-Шаха закончилось длившееся 81 год правление династии Аййубидов в Египте, и к власти пришли мамлюки. Шаджрат ад-Дурр была избрана армией в качестве правительницы Египта на время, пока ее малолетний сын не достигнет возраста, позволяющего ему осуществлять самостоятельное правление. Фактически она стояла у истоков мамлюкского правления в Египте (Учок 1982: 45). Узнав об этом, багдадский халиф направил египтянам письмо, в котором, в частности, говорилось, что если в Египте нет достойных мужчин, чтобы управлять страной, то он, халиф, может прислать им такого человека из Багдада. «Разве вы не знаете, — говорилось далее, — священные слова Пророка, что племя, передавшее государственные дела в руки женщины спасения не обретет?» (Lane-Poole 1901: 258). Вскоре после этого, возможно и в связи с этим посланием, Шаджрат ад-Дурр вышла замуж за аль-Муизз Изз ад-Дин Айбека, турмена из Малой Азии, мамлюкского предводителя, который стал ее соправителем (1250–1257 гг.), и формально отрекся от престола в его пользу. Провозглашенный таким образом султаном Египта Айбек, расправившись с аййубидской мамлюкской оппозицией, стал первым правителем Египта мамлюков (Lane-Poole 1901: 258–260).

Короткое царствование Шаджрат ад-Дурр было уникальным для мусульманской истории, так как, будучи женщиной, она по праву заняла престол и чеканила свое имя на монетах. Ссора с мужем из-за её отказа выдать ему египетскую казну привела к гибели Айбека (1257 г.). Особую напряженность в конфликт внесло ставшее известным при дворе намерение Айбека взять в качестве еще одной жены домогущественного правителя Мосула. Ни сердцем, ни разумом Шаджарат ад-Дурр не могла смириться с соперничеством женщины. Уже второй раз, сначала пасынок, а теперь муж, получив из ее рук султанский трон, предавали ее, не желая признать за ней первенства и смириться с твердым характером прирожденной правительницы. Обычно мудрая и осмыслительная, на этот раз она поддалась чувству мести и стра

собственную жизнь. Мало кто сомневался, что Айбек был равлен собственной властолюбивой супругой. По другой версии, Шаджрат ад-Дурр участвовала в убийстве своего мужа вместе с мамлюками, — он был задушен в бане в день его пятидесятилетия (Хусайн б.г.: 680, араб.).

В отместку за гибель своего командира в марте 1257 г. мамлюки заточили Шаджрат ад-Дурр в крепость, объявив мстителем 15-летнего сына Айбека от первого брака. Первая жена Айбека, которой при жизни мужа было запрещено даже пореступать порог султанского дворца, став матерью султана, сполна рассчиталась со своей соперницей за многолетнее унижение: по ее приказу 28 апреля 1257 г. Шаджрат ад-Дурр была доставлена к ней во дворец и передана в руки работорговцев, которые избивали ее, пока она не умерла. Затем почти голое тело было сброшено в ров перед цитаделью, а каирские бродяги стянули с нее даже ее расшитые золотом шаровары. Только через несколько дней близкие Шаджрат ад-Дурр опознали ее тело и захоронили в усыпальнице в дворе мечети, которая и сейчас называется «Мечеть Шаджрат ад-Дурр» или «Мечеть Халифа» и находится в каирском районе Саййид Нафис (Учок 1982: 48).

Аййубиды в целом снискали себе славу хороших правителей. При них улучшилась система ирригации, расширилась сеть каналов, дамб, укрепилась общественная безопасность, было основано значительное количество учебных заведений, так что Египет вновь стал признанным в мусульманском мире центром интеллектуальной жизни.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ДИХОТОМИЯ ВОСТОК-ЗАПАД

Совпадение правления династии Аййубидов с эпохой крестовых походов имело последствия как для Запада, так и для Востока. Полувоенный характер аййубидского политического режима, когда правитель-воин Саладин передоверил гражданские дела своему брату и первому министру, создал опасный прецедент для установления в стране военного правления. Последствие

защищать Египет от любых внешних врагов, что и дало им общественное признание в стране.

Новый мамлюкский период в истории Египта, растянувшийся на несколько столетий, был характерен тем, что во главе страны оказались люди, этнически и даже лингвистически чуждые Египту. Египтяне привыкли к присутствию турецких военных группировок на своей территории. Это стало нормой для всего периода аббасидских халифов. Турецкие отряды были на службе и у Фатимидов. Однако новая кастовая по форме мамлюкская элита, в значительной степени также турецкого происхождения, принесла с собой племенную систему организации, закрепив таким образом отчуждение населения от власти, доступ к которой египтянам оказался закрыт.

Что же касается Европы, то значение для нее эпохи крестовых походов оценивается очень широким спектром мнений — от утверждений о масштабном заимствовании Западом научных, технических, гуманитарных и иных полезных знаний и навыков, накопленных древнейшими цивилизациями Ближнего Востока и Северной Африки к XI в. (Заборов 1980: 296 и далее), до полного отрицания подобных заимствований в духе Жака Гоффа, заявлявшего, что он не видит «ничего иного, кроме африканского, который христиане, возможно, узнали благодаря крестовым походам» (Ле Гофф 1992: 67). Уходя от крайних оценок и интригующих парадоксальностью суждений, отметим общепризнанное: крестовые походы совпали по времени и, вероятно, способствовали, *во-первых*, тому, что Марк Блок определил как экономическую революцию второго феодального периода (1050–1250 гг.), иными словами — сложение классического европейского феодализма, т.е. системы личных связей, иерархических объединяющих членов высшего слоя общества и основанных на бенефициях (лат. *beneficium* — благодеяние), чаще всего выдаваемых в форме земельных пожалований, которыми сеньор наделял своего вассала в обмен за службу и клятву верности (Блок 1986: 132; Ле Гофф 1992: 89–90); *во-вторых*, превращению европейского города к XIV в. в «предводителя, двигателя, фермента» экономической жизни Запада, освободившего ремесленника от земледелия, а бюргера от землевладения; когда феодальная система и структура городской собственности оказались противостоящими феодализму, а город как социальный феномен — феодальному замку-крепости. Однако еще до этих изменений, наряду с ними и над ними, к концу XIII в. стал подниматься новый тип организации европейского пространства, на

домый другим народам в других частях света, в том числе и на Ближнем Востоке — территориальные национальные государства, формированию которых столь содействовали крестовые походы с их перемещением и взаимодействием значительных масс людей, принадлежавших к различным европейским этносам (Ле Гофф 1992: 77, 91, 102).

Накануне крестовых походов Египет имел зачатки всех описанных явлений, однако ни одно из них не получило на египетской почве развития по европейской модели, что стало очевидным к концу аййубидского правления как универсальное явление, обусловившее цивилизационный отрыв Запада от Востока. Заслуживает внимания и то, что сами крестоносцы, создавшие государственные образования на Ближнем Востоке, оказались к концу XIII в. за пределами общественных процессов европейского мира, что сделало их чужими для обновляющейся Европы. Этим, вероятно, можно хотя бы отчасти объяснить, почему европейские государи пассивно взирали на гибель остатков крестоносных владений на Ближнем Востоке, даже не пытаясь оказать им действенной помощи.

Формационный подход, примененный выше, показывает, каким образом возникла цивилизационная дихотомия «Запад—Восток», но не объясняет породивших ее причин. Культурно-цивилизационный метод, во многом альтернативный формационному, напротив, позволяет увидеть рельеф цивилизационных барьеров, сковавших процесс взаимных заимствований (Ерасов 1991: 21).

По мнению Л. С. Васильева, цивилизационная дихотомия «Запад—Восток» определилась уже в эпоху античности. Именно в античности были заложены такие базовые принципы Запада, как частная собственность в экономике, автономное гражданское общество, развитое частное право, республиканская форма правления. Средиземноморская античная цивилизация рухнула в результате нашествия варваров. Ее крах на афро-азиатских землях довершило исламское завоевание. Пришедшие на смену античным социальным формам ранние модификации европейского феодализма были близки неевропейским средиземноморским структурам, что проявилось во время крестовых походов в детстве социального существования завоевателей и завоеванных. Со временем в результате усвоения Европой античного наследия европейская цивилизационная модель значительно изменилась, причем изменения шли именно в том направлении, которое сближало его с античностью и отличало от остального мира (Васильев 1988: 70).

Постепенно в качестве базового признака западной цивилизации выдвинулось разделение хозяйственной и политической систем, экономической и политической власти, что привело к автономизации гражданского общества, независимости от государства и появлению суверенного индивида, автономной личности, защищенной частным правом и связанной с подобными себе системой партнерских отношений. Забегая вперед, отметим, что развитие западной цивилизации выработало чуждые восточным обществам принципы: равенство личности и общества; неподчиненности гражданского общества государству в идеологических, моральных, а следовательно, и религиозных вопросах; признание на официальном уровне разнообразия мировых культур, ценностей самобытного национального наследия даже в тех случаях, когда оно явно отличалось от «западного эталона». Все это нашло выражение в общепризнанном на Западе принципе: «Все, что не запрещено, позволено», открывшем простор творческой инициативе (Панарин 1977: 137, 147).

Ничего подобного не произошло в странах Востока, в том числе и в Египте, где возрождение античных традиций было полностью заблокировано исламской этикой, даже теоретически не допускавшей заимствований из доисламской эпохи. И в Египте, как и на Востоке в целом, богатство осталось функцией власти, что было зафиксировано в принципе «власть — собственность» и производных от него. Хозяйственная и политическая жизнь остались тесно переплетенными. Общество в целом оказалось во власти государства, которое постоянно стремилось расширять свое вмешательство в частноправовые отношения. Это до предела сужало сферу нерегламентированных партнерских отношений между людьми, ограничивала суверенитет индивида устоями авторитарной государственности, рамками традиционного общества, узами патриархальной коллективности (Панарин 1997: 140–142).

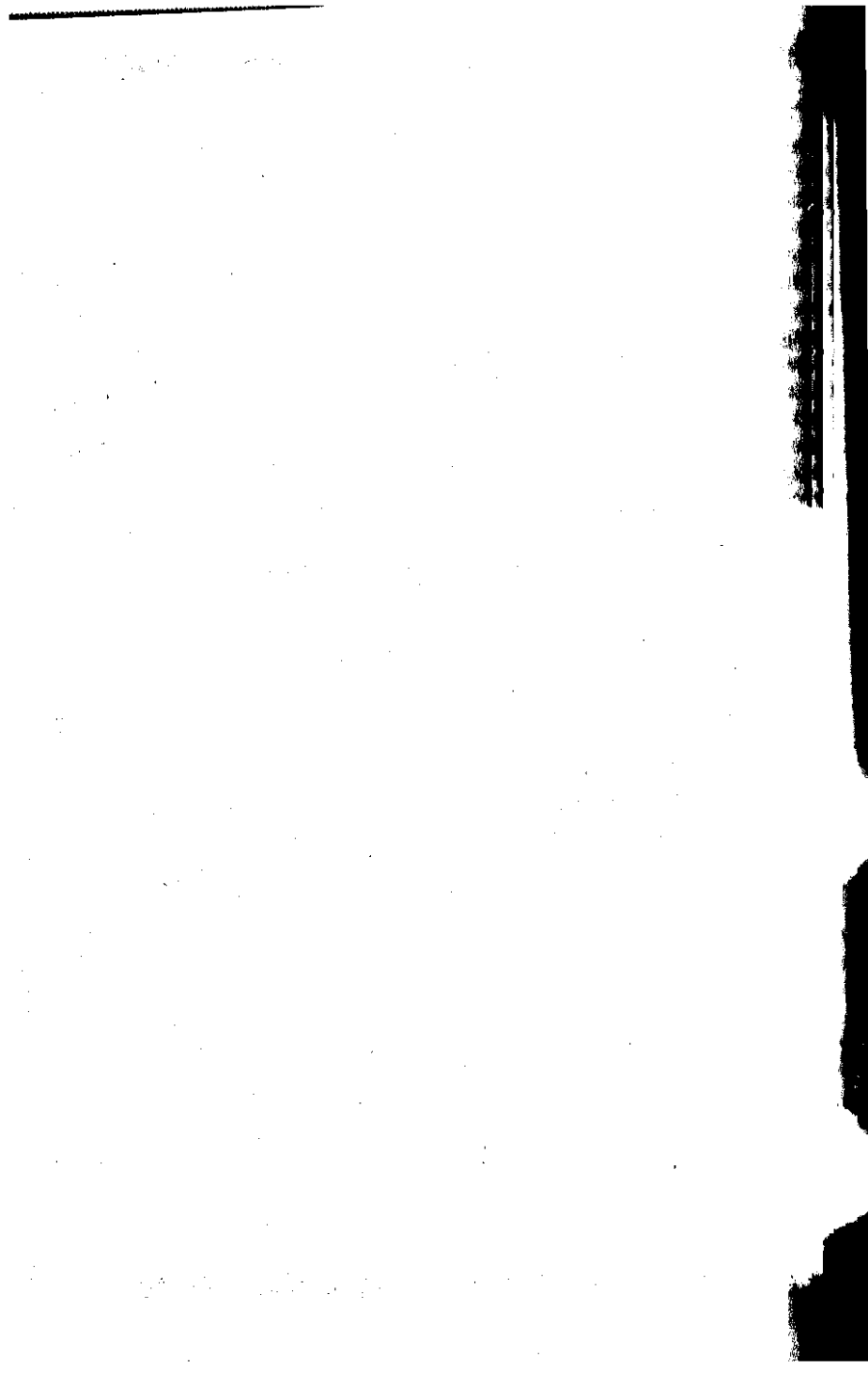
Монопольное право защиты личности от всех форм насилия присвоило себе государство, тогда как от государственного насилия (злоупотребления властью) официальных гарантий или защиты не существовало. Строившаяся на этих принципах цивилизационная модель, утвердившаяся в Египте при Фатимидах и Аййубидах и упрочившаяся при сменивших их мамлюках, закрепила цивилизационную дихотомию Восток–Запад в этой части мира, сделав ее необратимой

ГЛАВА 5

**ЕГИПЕТСКАЯ
ИМПЕРИЯ
МАМЛЮКОВ
(1250—1517)**

*Какими бы средствами ни овладели Вы престолом,
какие бы преступления ни довели Вас до цели,
благословение Божье будет над Вами.*

Николо Макиавелли

ЭПОХА МАМЛЮКОВ

Слова знаменитого флорентийца, ставшие эпиграфом к первой главе, были написаны в 1513 г. В них выражена идея отделения частной нравственности от политической и гражданской, государственного права — от религиозных основ, что составляет суть морали диктатора, прихода которого к власти Макиавелли, чтобы спасти Италию (Макиавелли 1990: 16). Учение Макиавелли, ставившего высшим законом воле народа, прибавляя, правда, страшные для европейского христианского ума принципы вседозволенности в политике, что все средства, «ведущие к достижению общественного блага, оправдываются этой целью», вошло, по словам Граниновского, ядовитой примесью в политические идеи Европы XVI столетия (Граниновский 1987: 63).

В то же время на противоположном Италии берегу Средиземного моря, в Египте, к этому моменту уже более 250 лет не знали другой формы правления, кроме военной диктатуры, и иной политической морали, чем мораль победившего диктатора. Эти принципы стали устойчивой нормой политической жизни мамлюкского Египта, страна, которая несколькими столетиями раньше входила в единую с Италией римское государственное пространство, являвшаяся частью античного мира, и, по крайней мере до середины II в. н. э., считалась преимущественно христианской. Если Макиавелли выступал адвокатом римской республиканской авторитарности с ее двойным стандартом политической морали, защищая ее от упреков со стороны нарождающегося и обогащающегося от государства гражданского общества, то в мамлюкском Египте в этом не было необходимости, так как существовало самой альтернативы авторитарному правлению мамлюков: подданический тип сознания был абсолютно

преобладающим, власть сильнейшего — непререкаемым принцип «*Quod licet Jovi, non licet bovi*» («Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку»), известный еще с римских времен, — незыблем. Так, в области политической системы общественной морали начал проявляться цивилизационный разлом, явственно отделивший к XVI в. европейский социальный политический массив от афро-азиатского.

Приход к власти мамлюков в Египте бесспорно повлиял на его дальнейшую судьбу. В течение всего периода своего правления мамлюки внушали страх и уважение соседям, главным образом, своим военным искусством. Мамлюкский режим защищал Египет от крестоносцев, стал непреодолимой преградой для монголов, замедлил политическую экспансию османов на Ближнем Востоке, но при этом он порвал связь Египта с европейским Средиземноморьем, прочертив границу между ко-римской и мусульманской эпохами египетской истории.

Период независимого правления мамлюков в Египте разделяется на два этапа. Ранние мамлюкские правители, правившие с 1250 по 1382 гг., именовались «мамлюки речные» — «речные мамлюки» (от *араб.* бахр — море, болото, река), так как их казармы располагались на острове Родос и были обращены фасадом к реке (Аль-Холи 1962). Большинство речных мамлюков были тюрками по происхождению, так же как тюркского происхождения было большинство солдат на Ближнем Востоке того времени. Военное сословие в Египте в основном состояло из наемников-тюрков или мамлюков-тюрков, которые находились на службе у правящих особ или нотаблей — представителей местной элиты, тогда как обычное население использовалось только в качестве вспомогательной силы во время войны (об этом периоде см.: (Фахим 1983, *араб.*)). Коренные египтяне не служили в египетской армии только в XIX в. Второй период называется периодом «мамлюков бурджи» — «башенные мамлюки» (от *араб.* бурдж — башня, крепость), так как они были расквартированы в крепостных башнях цитадели Каира, основанной еще Саладином. По другой версии, этимология названия мамлюкской группировки «бурджи» связана с названием черкесского (адыгского) племени бурдж (Савельев), которое обитало в южно-русских степях: в XII в. русские летописи локализируют его на левобережье Днепра, а монгольская агрессия заставляет его уже в Восточном Крыму в бассейне реки Судак. Выходцы из этого племени, возможно, со-

так мамлюкской группировки, получившей поэтому прозвище «бурджи» (Хотко 1997: 18). Эта группировка появилась в 1517 г. и была преимущественно тюркского и греческого происхождения, а лидирующие позиции в ней занимали те племена, которые в качестве мамлюков и наемников появились в Египте в доаййубидскую эпоху в XI — первой половине XII в. и в период правления султанов Бурджи (1382–1517 гг.) установили монопольное господство в Египте. Считается, что период правления «речных» мамлюков был более благоприятен для населения, чем изобиловавший смутами и произволом период правления «башенных» мамлюков (Marsot 1994: 27).

Полноценное воспитание мамлюков происходило двумя путями. Во-первых, через невольничий рынок за счет самих мамлюков, закупавших на свои деньги молодых мальчиков из районов Приуралья, Причерноморья, Прикаспия, Центральной Азии и Кавказа. Во-вторых, некоторые мамлюки приезжали в Египет сами, прослышав об успехах своих соплеменников. Будущих мамлюков обращали в ислам (если это требовалось), обучали арабскому языку, военному искусству и кавалерийскому мастерству в мамлюкских военных школах. Первоначально школы эти принадлежали халифу, а во времена правления мамлюкских султанов такие школы имели эмиры, хотя по-прежнему наилучшее образование давалось в султанской школе, расположенной в каирской Цитадели (Hassanein 1975: 153). Во время обучения начальник школы на каждого воспитанника вел индивидуальный дневник. Неудачники после окончания школы лишались права на освобождение, тогда как успешно прошедшие курс обучения по достижении зрелости переводились на положение вольноотпущенных, им разрешалось носить бороды, приобретать земельную собственность и обзаводиться семьями (Aylon 1958, I: 42–44; Рафик 1974: 5–7, примеч.; Фахим 1983: 25–66, араб.).

Поскольку молодые мамлюки рано отрывались от родителей, то естественные семейные узы заменялись их личной преданностью и верностью мамлюкской корпорации и, главное, к семье того конкретного мамлюка, который их купил и у которого они воспитывались (Porrer 1955: 87–88). В свою очередь, молодой мамлюк со временем должен был приобрести новых рабов и воспитывать их по своему образу и подобию. Так формировались мамлюкские кланы и семьи, которые именовались «домами» (араб. бейт — дом, мн.ч. —

буют). Они представляли собой коалиции сил разного уровня лояльности по отношению к главе семьи. Ядро мамлюкского дома формировали две группы лиц, имевших прочные связи со своим господином. Ближайшими лицами к главе клана были его собственные мамлюки и вольноотпущенные, которые, пользуясь покровительством кланового лидера, добивались высоких должностей и званий в мамлюкской иерархии, что со временем давало им право претендовать на главенство в «доме». Высший титул, до которого мог дослужиться мамлюк, — это титул эмира. Официально существовало три ранга эмиров: эмир десятка, эмир сорока, эмир сотни. Последний — высший военный ранг — накладывал на мамлюка обязанности военачальника, командовавшего в военное время отрядами до тысячи воинов (Porpeter 1955: 86–87; Хотко 1990: 95). Эмиров сотни насчитывалось несколько десятков, и они формировали правящую аристократию мамлюкского государства. При этом важнейшим принципом мамлюкской системы Египта было то, что ранги и должности мамлюков не могли передаваться по наследству, но могли быть получены за военную службу. Султанские мамлюки занимали более привилегированное положение, чем мамлюки эмиров. Мамлюки раннее правившего султана уходили из цитадели, и их место занимали мамлюки нового султана. Мамлюки, купленные султаном уже после восшествия на престол, назывались «привезенными» («джильбани»), в отличие от мамлюков-каранис (ветеранов), опытных в военном деле и получавших высокие доходы (подробнее см.: Aylon 1953).

Тесные связи с лидером мамлюкского дома поддерживали его компаньоны по службе и вольноотпущенные — ихшанс (побратимы) или хюшдаши. Все они воспитывались в доме одного и того же господина-мамлюка. Эти две группы (мамлюки главы семейства и его побратимы) составляли ядро мамлюкского дома и были тесно связаны между собой клятвами верности и общностью интересов. Ко всем остальным они относились как к враждебному окружению. В этой системе имелись подгруппы, которые формировались вольноотпущенными, получившими право приобретать собственных рабов для воспитания из них мамлюков. Третью группу членов мамлюкского дома составляли «табия» (мн.ч. — атбаа) (подчиненный, вассал). Этот термин обозначал всех подчиненных главе рода мамлюков и вольноотпущенников, но первую очередь он относился к мамлюкам, которые по ра-

ним причинам порвали с прежним господином и предпочли присоединиться к новому «дому». Четвертой группой, присоединившейся к мамлюкскому дому, был отряд вольнонаемных воинов, своеобразная личная гвардия главы клана, численность которой могла колебаться от нескольких телохранителей, до весьма значительного воинского формирования, которое постоянно сопровождало своего господина. В архивных документах XVIII в. эти воины именовались термином «фидж» (от *араб.* сарраджа — оседлывать коня), что можно интерпретировать как конник, так как мамлюки в Египте имели привилегию передвигаться на конях, что не вправе были позволить себе другие жители страны. Так в общих чертах выглядела структура мамлюкского дома, т.е. семьи клана (Crecelius 1981: 30–31).

Между отдельными мамлюкскими домами заключались политические союзы, складывались группировки, которые, как правило, существовали короткий срок и формировались вокруг одного мамлюкского лидера. Борьба за лидерство одних лиц внутри мамлюкских объединений неизбежно порождала стремление к независимости и автономии у других, что нередко приводило к распаду мамлюкских объединений, но чаще это происходило после смерти признанного главы «дома», которого звали устаз (наставник, учитель), аб (отец), мавля (подлин, благодетель), сейид (хозяин, господин) (Aylon 1960: 1 и далее). После его кончины наступал период борьбы за лидерство в семейном объединении. В процессе этой борьбы возникали новые лидеры, возникали новые «дома», которые формировали новые коалиции. Это было неотъемлемым организационным принципом мамлюкской системы, так как увеличение размеров семьи-клана открывало перед ней широкие перспективы для завоевания высоких политических позиций, дававших, в свою очередь, новые источники получения дополнительных доходов, немедленно направлявшихся на приобретение новых мамлюков. Поскольку рост численности семей происходил эпидемиями, потерями в войнах и междоусобицах, собственной смертностью, то требовалось постоянно пополнять уменьшающую численность мамлюков за счет вновь приобретенных мальчиков-рабов. Такая система могла существовать сколько угодно долго при условии, что она не подвергалась длительному воздействию неблагоприятных внешних факторов, которого мамлюкам поначалу удавалось избегать.

Для раннего периода правления мамлюков в Египте (1250–1382 гг.) была характерна концентрация государственной власти в руках мамлюкских султанов, которые единолично правили страной и которым подчинялись, или крайней мере, должны были подчиняться другие мамлюки (Фахим 1983: 11–24 гг.). Второй период мамлюкского правления (1382–1517 гг.) характеризовался склонностью к централизации государственной власти, когда султан не являлся властелином, а скорее был первым среди равных. Конечно, не обходилось без исключений, однако отмеченные тенденции для каждого периода сохранялись. В целом второй период был менее конструктивным, чем первый, давший жизнь новой государственно-политической системе — новой социальной структуре — олигархии воинов-рабов, которая просуществовала несколько столетий.

МАМЛЮКИ БАХРИ (1250–1382)

Приход к власти мамлюков в Египте произошел во время VII крестового похода (1248–1254 гг.), а их укрепление совпало с началом борьбы против вторжения монголов в командованием Хулагу-хана, внука Чингиз-хана. В 1258 г. после кратковременной осады монголы взяли столицу аббасидского халифата — Багдад, покончив с династией халифов, правивших восточно-мусульманским миром, начиная с 750 г. Последний аббасидский халиф аль-Мустасим (1248–1258 гг.) был пленен монголами, принужден выдать им свою казну, а затем казнен: его завернули в ковер и избивали ногами, пока он не умер, так как монголы верили, что пролитие крови столь выдающегося правителя может принести страшные бедствия. Затем тело последнего аббасидского халифа закопали, сравнив могилу с землей (Грюнебаум 1981: 186; Михайлова 1990: 97).

После захвата Багдада монгольские войска двинулись на запад, и первой страной на их пути была Сирия, а единственной военной силой, способной противостоять им, — армия египетских мамлюков, так как мелкие сирийские княжества, которыми владели потомки Аййубидов, несмотря на самоотверженное сопротивление были в 1260 г. захвачены

ими. Угроза монгольского вторжения взволновала и мамлюков. Мамлюкские предводители Сирии Бейбарс и Кутуз, узнав об отъезде Хулагу-хана на курултай (съезд знати) в связи со смертью великого хана Мунке, этим воспользовались и обратились к мамлюкскому Египта Кутузу (1259-1260 гг., полное имя — аль-Му-Сайд ад-Дин Кутуз) с предложением объединить силы в борьбе с монголами и получили положительный ответ, который, правда, был дан после некоторых колебаний.

Султану Кутузу приписываются следующие слова: «Если мы не опередим монголов и не поднимемся их отразить, то Египет будет опустошен, как это было с другими странами. С этими людьми, которые покушаются на нашу страну, можно избрать одно из трех: либо примириться, либо воевать, либо покинуть родину». Под влиянием рассказов хорезмийцев, бежавшими из мусульманских народов, испытавшими на себе мощь монгольского удара, султан Кутуз принял историческое решение — сражаться с монголами. Характеризуя Кутуза, выдающийся средневековый летописец аль-Макризи (1364-1442 гг.) пишет о нем следующее: «Говорят, что его звали Махмуд ибн Махмуд, что его мать была сестрой султана Джалал ад-Дина Зинги, а отцом его был сын дяди (по отцу) султана Джалал ад-Дина. Кутуза взяли в плен татары, которые продали его в Дамаск, откуда он был перевезен в Каир» (цит. по: Буниятов 1990: 195). Встав во главе объединенной армии мамлюков, Кутуз направил навстречу передовому соединению монгольской армии авангард своих войск во главе с Бейбарсом, который нанес монголам первое крупное поражение в окрестностях Газы. Как точка зрения, что, вступая в сражение, Бейбарс действовал самостоятельно (Lane-Poole 1901: 262). Генеральное сражение мамлюкских войск с монголами произошло 3 сентября 1260 г. близ местечка Айн Джалут в Палестине к северу от Гласса (Glubb 1973: 61 и далее). Оно, как известно, закончилось сокрушительным поражением и бегством монголов. Их командующий Кетбога (Китбуга), замещавший отсутствующего Хулагу-хана, попал в плен и был казнен. Итогом победы стало упрочение мамлюкской власти над Египтом и восстановление ее над Сирией (Hitti 1946: 674; Шалаби 1990: 250, араб.). Султан Кутуз торжественно вступил в Дамаск, которому присягнули все мусульманские правители сирийских городов, в большинстве своем потомки Саладина.

Триумфальное возвращение султана Кутуза в Египет было неожиданно прервано покушением на его жизнь, которое произошло во время охоты — любимого развлечения султана. Покушение было спланировано и организовано Бейбарсом, по условному сигналу которого заговорщики числа высших мамлюкских командиров, сопровождавшие султана во время охоты, набросились и закололи его (Хасан 1995: 165–166). Убийство Кутуза произошло, когда он был на пике своей славы. Его короткое правление (всего 364 дня) позволило ему, тем не менее, прочно войти в историю в качестве победителя монголов и спасителя Египта от их варварского нашествия. Он был похоронен в Дамаске всего в нескольких сотнях метров от могилы Салах ад-Дина, что говорит о признании его заслуг современниками.

В качестве формального объяснения предательского поступка Бейбарса обычно приводят тот факт, что сыгравшую ключевую роль в разгроме монголов, он надеялся в качестве награды быть восстановленным в должности правителя леба (Алеппо). Когда же эти его надежды не оправдались, под влиянием обиды организовал вместе с высшими мамлюкскими военачальниками заговор, убил султана Кутуза и занял его место, став во главе египетской империи мамлюков, в которую наряду с Египтом вошли Сирия и Палестина (Muir 1896: 45; Glubb 1973: 67). В данном объяснении явно попытка придать действиям Бейбарса случайный, вызванный обстоятельствами характер, что едва ли правомерно, если принять во внимание его участие в предшествовавших политических заговорах, в том числе в убийстве последнего аййубидского правителя Туран-шаха. Не стечение случайных обстоятельств, а холодный расчет беспощадного политика, лавирующей рвущегося к власти, определяет, по-видимому, и поступки этого человека, характеризую которого крестовник XIII в. Вильгельм Триполиийский писал, что как он оценивается не ниже Юлия Цезаря, а по злобности и жестокости сравним с Нероном (Lane-Poole 1901: 263).

Бейбарс, или Бибарс (1260–1277 гг., полное имя Захир Рукн ад-Дин Бейбарс I аль-Бундукдари), считался выходцем с Южного Урала, кипчаком. Эта точка зрения основывается на данных Таки ад-Дин аль-Макризи, который указывал, что Бейбарс родился в Кипчаке, и отсюда большинство авторов выводят его кипчакское (половецкое) происхождение.

рождение. По другой версии, его родиной был город Сол-
близ Каффы в восточной части Крыма, и в Египте он
описан как «турок» и «скиф», что в то время не несло
определенного этнического содержания. По третьей версии,
Бейбарс и его преемник султан Калаун, как сообщает позд-
немамлюкский хронист аль-Айни, происходили из племени
аджук, возможно имевшем черкесское (адыгское) происхожде-
ние (Хотко 1997: 17).

Бейбарс был высокого роста и обладал феноменальной
физической силой. Рассказывают, что этот голубоглазый
чужак мог переплыть Нил в черте Каира, буксируя за со-
бой плот с несколькими мамлюками. Его внешность не-
мало портило бельмо на одном из глаз. Из-за этого физи-
ческого недостатка он был продан на невольничьем рынке в
Каире всего за 800 дирхемов (Marsot 1994: 28; Sadeque
1996: 30). Он по праву считается подлинным основателем
династии египетских мамлюков, продолжателем имперского
политического курса Салах ад-Дина, с которым он себя с-
равнивал и которого считал образцом для под-
ражания. Начиная с Бейбарса, титул «султан», который
ранее использовали уже Аййубиды, стали носить все вер-
хние мамлюкские правители.

В 1261 г. он осуществил важный политический шаг:
пригласил в Каир двух из немногих членов халифской семьи
аббасидов, уцелевших после монгольской резни, и присту-
пил к воссозданию института халифата, утраченного с гибелью
последнего багдадского халифа. Один из претендентов,
обладавший ярко выраженными негроидными чертами лица, во гла-
воглавного отряда, предоставленного в его распоря-
жение Бейбарсом, предпринял безуспешную, стоившую ему
жизни попытку освободить Багдад. Второй претендент бла-
годушно остался в Каире и в конце 1261 г. был провоз-
глашен халифом (Бартольд 1966: 38–39). Учреждение хали-
фата в Каире имело цель «придать законность правлению
мамлюков и было моральным оружием в их борьбе с кресто-
носцами и монголами» (Босворт 1971: 36).

Упрочив свое положение внутри страны, Бейбарс в 1265 г.
начал генеральное наступление на владения крестоносцев в
Палестине, захватывая одну крепость за другой: Цезарея и Азот
— в 1265 г., Сафад — в 1266, Яффа и Антиохия — в 1268,
и Хайфа — в 1271 г. (Hitti 1946: 656; Muir 1896: 26). В

1267 г. Бейбарс совершил успешный поход против союзников монголов — правителей Малой Армении¹, захватил и разрушил ее столицу Сис, сделал армянского царя своим вассалом, обязав его выплачивать Египту ежегодную дань. Успешно была кампания против сельджуков Малой Азии, которые также приняли сторону монголов. Самим монголам было нанесено поражение в 1272 г. в сражении за город Аль-Бира, расположенный в верхнем течении Евфрата, затем в 1276 г. монголы были вторично разбиты в Малой Азии (Хусайн б.г.: 694, араб.). В целях борьбы с монголами-хулагуидами Бейбарс, используя их противоречия с другой монгольской державой — Золотой Ордой, заключил с последней стратегический союз, ослабивший опасность агрессивных действий со стороны хулагуидов (Закиров 1966: 37–38; см. также: Аль-Холи 1962; Тизенгаузен 1884; Вернадский 1927). В результате успешного похода мамлюкской армии в Нубию в 1275 г. последняя подтвердила насильственную зависимость от Египта. Преемники Бейбарса, в первую очередь это относится к султану Калауну (1280–1290 гг., полное имя — аль-Мансур Сайф ад-Дин Калаун аль-Алфи), заключили успехи мамлюков на основных стратегических направлениях: были предприняты два похода в Нубию (1287, 1289 гг.); в 1289 г. у крестоносцев был отвоеван Триполи и подготовлена почва для окончательного их изгнания (Семенова 1966: 24). Были установлены союзные отношения и с византийским императором, заключены торговые договоры с Яковом I Арагонским и королем Сицилии Карлом Анжуйским (Hitt 1946: 676). Договоры и соглашения, заключенные Бейбарсом, характеризуют его как человека осторожного, осмотрительного, заботящегося о возглавляемой им стране и ее населении.

После завоевания Сирии империя Бейбарса раскинулась от горной системы Тавр в Малой Азии до Ливийской пустыни. На всем ее протяжении она охранялась системой крепостей.

¹ Малая Армения — горная область в верховьях р. Евфрат (Карасу), известная в древности как страна Хайаса, (подробнее см. Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана: Тексты и разыскания в армяно-грузинской филологии. Кн.11. СПб., 1908.)

² Бывшие хозяева Египта — исмаилиты, утратив египетскую базу, покорились Байбарсу и его преемникам. В 1271 г. они заняли горные замки в Сирии, а с ними и независимость, перейдя на службу к мамлюкским султанам Египта (Хотко 1995: 173).

и фортов с расположенными в них гарнизонами. Возникло, что эту тактику обороны Бейбарс заимствовал у крестоносцев, усилив ее использованием мобильных мамлюкских кавалерийских соединений. Эффективное управление обширной державой требовало отличной организации почтовой службы, что и было достигнуто: для получения письма, длинного из Каира в Дамаск, требовалось от 3 до 7 дней (Ибн 1896: 47–49). При Бейбарсе и его ближайших преемниках реставрировались старые и строились новые медресе (сульманские школы) и мечети в Каире, Александрии, Трипте, а также в Сирии и Хиджазе, осуществлялись масштабные ирригационные проекты, в том числе строились мосты, каналы. Бейбарс восстановил флот, который пришел в упадок при последних Аййубидах. При нем египетский военный флот насчитывал свыше 40 крупных военных судов (Хусайн б.г.: 695–697, *араб.*).

Наряду с этим Бейбарс снискал славу народного героя, о котором рассказывали истории и слагали песни (Крымский 1971: 71–72). Одна из них просуществовала до середины XX в., исполнялась по радио и в знаменитых каирских кофейнях под аккомпанемент раббабы — смычкового музыкального инструмента, сделанного из обтянутой кожей пустой скорлупы кокосового ореха и использующего конский волос в качестве струн. В ней рассказывалось о том, как во время войны с Ильханами (они же — Хулагуиды), монгольской династией правителей Ирана, Ирака и части Центральной Азии, Бейбарс, переодевшись, сам проник во вражеский лагерь в качестве лазутчика. Проголодавшись, он пообедал и заплатил, оставив в залог свой перстень, а на следующий день направил предводителю монголов письмо, в котором просил его вернуть оставленный ему в залог перстень и укорить за слабую организацию обороны, перечисляя ее недостатки. После этого, поется в балладе, враг отступил без боя. Таким образом, традиционное для египетского простонародия снисходительное отношение к «рельефным образам людских государей-карателей, пусть и тиранов, но тиранов одиозно страшных для каждого сословия, для знати прежде всего», до сегодняшнего дня сохранило в народном эпосе место о Бейбарсе как об одном из героев ислама и народного любимце (Крымский 1971: 72).

Бейбарс был окружен компанией веселых людей, любивших выпить и повеселиться. Сам он, если верить молве, соблюдал мусульманский запрет на употребление алкогольных напитков, но не препятствовал, когда это делали другие. Это удивительное переплетение жесткой бескомпромиссности и беспашашной удалости, холодного политического расчета и авантюризма, мужественности и низости придало периоду правления Бейбарса неповторимое своеобразие. Август Мюллер дал следующую емкую характеристику этой яркой и противоречивой личности: «Бейбарс был самым храбрым и самым грубым из всех грубых и храбрых мамлюкских эмиров, мошенник не последней руки; но он в небольшой степени обладал государственными талантами, причем упреки совести, часто препятствующие делу, были ему совершенно не знакомы. Зато хитрец сумел снискать любовь народа (общественными постройками и заботами о земледелии); при нем впервые за последние столетия в Сирии и Египте прекратились непрерывные междоусобия, и в стране водворился наконец порядок. В общем, Бейбарс был плохим человеком и прекрасным правителем, что на Востоке часто совместимо» (Мюллер 1895, т. 3: 264–265). Несмотря на в целом мудрое и стабильное правление, Бейбарс так же мало доверял людям из своего окружения, как и они ему. Его конец был трагически неожиданным: Бейбарс был отравлен ядом, который он предназначал своему врагу — одному из аййубидских эмиров. Последний догадался о планируемом отравлении и сумел ловко поменять чаши местами, так что Бейбарс сам вышел отравленный напиток и менее чем через две недели скончался в страшных мучениях (Muir 1896: 559; Marsot 1994: 29; Sadeque 1956: 68).

Султан Калаун (1280–1290 гг.), сместивший малолетнего к управлению мамлюкским государством младшего сына Бейбарса, основал династию, которая удерживала власть целое столетие. Это время вошло в историю как золотой век мамлюкской эпохи. Следуя политическому курсу своего предшественника, земляка и друга Бейбарса, Калаун сохранил армию, поддерживая боеспособность и строгую дисциплину среди 12 тыс. мамлюкских воинов. На втором году его правления, в 1281 г., монголы атаковали мамлюкские войска в Сирии. В упорнейшем сражении близ Хомс, когда монголы разбили мамлюкский левый фланг и были

Мамлюки к общей победе, мамлюкский правый фланг устоял и не пошел в наступление, что изменило всю картину боя в пользу мамлюков (Хусайн б.г., т.2: 700, *араб.*).

Это сражение положило начало семнадцатилетнему периоду перемирия, воспользовавшись которым султан Калауна, следуя примеру Бейбарса, развернул строительство мавзолеев, мечети и, что особенно примечательно, госпиталя в комплексе с поминальной мечетью, школой и библиотекой, причем здания мечети и больницы сохранились до настоящего времени. Они являются образцом мамлюкского стиля в архитектуре. Госпиталь имел лаборатории, кухню, баню и то, что сегодня было бы названо диагностическим кабинетом. В госпитале работал постоянный медицинский и обслуживающий персонал. В некоторых палатах с целью создания благоприятных условий для выздоровления играли музыканты. Все, как богатые, так и бедные, получали в госпитале бесплатную медицинскую помощь, так как он находился на полном государственном содержании и обеспечении. В настоящее время на месте этого госпиталя находится офтальмологическая клиника (Хусайн б.г.: 701–702, *араб.*; Шалаби 1990: 238, *араб.*).

За время правления султана Калауна произошли два события, которые по своим последствиям вышли далеко за рамки его ограниченных приходов его к власти и его кончины. *В первый раз*, его войска 26 апреля 1289 г. взяли Триполи и ликвидировали графство Триполитанское, а примерно через год сын и наследник Калауна султан аль-Ашраф Халил довершил разгром и изгнание крестоносцев, взяв и разрушив крепость Акру.

Завершилась эпоха крестовых походов и, что еще более важно, эпоха крестоносных владений на Ближнем Востоке. Этим событием была увенчана политическая победа мусульман над христианами в борьбе за обладание Малой Азией, Сирией и Северной Африкой, после которой христианство в этих районах постепенно утратило господствующие позиции, ставшись в лучшем случае как религиозное меньшинство рядом с мусульманским большинством. Цивилизационный разлом между Востоком и Западом прошел по Средиземному морю, европейское побережье которого осталось за христианами, а афро-азиатское перешло под контроль мусульман. *Во второй раз*, подобно тому, как при ас-Салих Наджм ад-Дин Аййубе (1240–1249 гг.) был создан корпус мамлюков

бахри, по приказу султана Калауна около 1280 г. был сформирован корпус мамлюков бурджи, численность которого достигала 3 700 человек, преимущественно этнических черкесов (Ayalon 1949: 137–138). Представители этого отборного армейского подразделения примерно через столетие после своего возникновения захватили верховную власть над Египтом и удерживали ее до османского завоевания XVI в.

Старший сын Калауна султан аль-Ашраф Салах ад-Дин Халиль не смог сохранить власть и был убит собственными мамлюками в 1293 г. Ему на смену пришел его брат ан-Насир Насир ад-Дин Мухаммад, который занимал трон султана трижды: первый раз он стал султаном в 8 лет, но был смещен через год; вторично он пришел к власти через пять лет в 1298 г., но его правление было номинальным, фактически у власти находилась военная верхушка — мамлюкские эмиры. Через десять лет ан-Насир решил отречься от престола, но одиннадцать месяцев после этого он вернул себе власть в третий и последний раз, после чего он правил последующие три десятилетия с 1309 по 1340 гг. (Muir 1896: 68 и далее).

В краткие периоды между очередным приходом к власти ан-Насира мамлюки боролись за престол, конкурируя друг с другом. Некоторые обиженные эмиры перешли на сторону монголов и сообщили им о бедственном положении Египта. В 1299 г. монголы вторглись в Сирию, надеясь вернуть территории, которые были отвоеваны у них Бейбарсом. После трехлетней борьбы монголы потерпели очередное сокрушительное поражение от мамлюков, узнав о котором командующий монгольскими войсками скончался от разрыва сердца (Хотко 1995: 190–192; Marsot 1994: 30). Постоянные победы мамлюков над монголами впечатляют, особенно если сравнивать их с постоянными победами монголов в сражениях над другими противниками.

Во время двух первых периодов правления ан-Насира военная верхушка мамлюков богатели за счет присвоения налогов и захвата имущества конкурентов. Значительная часть этих средств, вкладывалась в строительство маусолов и мечетей, красота которых свидетельствует о высоком уровне развития архитектуры. Чума, голод, землетрясения практически разрушили исторический центр Каира, так как мамлюки восстановили его заново, украсив не только дворцами, банками и виллами, но и зданиями общественного пользования.

школами, мечетями, фонтанами с чистой водой для населения, необходимыми в жаркую погоду.

Третий период правления ан-Насира с 1309 по 1340 гг. был одним из наиболее ярких за все время пребывания мамлюков у власти в Египте. В это время были отменены тяжелые налоги, введенные его предшественниками, и повышены налоги мамлюкских эмиров, благосостояние которых за предшествующий период значительно возросло. Султан обязал эмиров сдавать зерно на общественных торгах по его реальной стоимости и не загонять зерновой рынок в тупик высокими ценами. Нередко происходило в периоды голода. Мельников и его секли за самовольное увеличение цен на муку и хлебобулочные изделия. В голодные годы зерно ввозили из Сирии и продавали по фиксированным ценам, чтобы никто не мог нажить денег на чужом несчастье. Ан-Насир даже наказал своего зятя за то, что тот занимался спекуляцией. А. Марсо пишет, что это было благополучное время, благоприятное для ученых и учеников, султаны и эмиры были расточительны, поощряли искусство, а следовательно ремесленников и купцов (Marsot 1994: Muir 1896: 87–103).

Однако это внешнее благополучие не могло скрыть приближающегося кризиса, которые проявлялись в восстаниях кочевых племен Верхнего Египта, внутримамлюкских междоусобицах, росте незаконных поборов с населения на закупку оружия и приобретение рабов. За 41 год после смерти ан-Насира сменилось 12 султанов, которые были игрушками в руках мамлюков, боровшихся за власть. Политическая нестабильность усугубилась страшными эпидемиями чумы. С 1347 по 1349 гг. чума унесла жизни трети населения. В период между 1348 и 1513 гг. произошло 18 вспышек чумы, что привело к ряду тяжелых для страны последствий. Полностью остановился рост численности населения, более того — оно стало сокращаться. Из-за отсутствия рабочих рук площадь обрабатываемых земель уменьшилась к концу XIV в. в пять раз по сравнению с его началом. Резко упали поступления от налогов, составив лишь 10% от уровней в 1298 г. В результате этого мамлюки были вынуждены искать новые источники доходов для своего существования, так как их благополучие зависело прежде всего от налоговых поступлений из аграрного сектора. Условные земные пожалования «икта», которые давались за службу и

доходы с которых служили своеобразной заработной платой. Иные, распространились еще при Аййубидах и получили полное развитие при мамлюках, став практически единственным и точником их финансирования (Семенова 1966: 51 и далее).

Демографические потери отрицательно повлияли и на ремесленное производство. В частности, количество текстильных рабочих в Каире сократилось с 14 тысяч в 1394 г. до 800 в 1434 г. Даже если первая цифра сильно преувеличена современниками, то вторая точно характеризует масштабы кризиса охватившего также два других ведущих ремесленных производства в Каире — производство сахара и бумаги. Поиски альтернативных источников доходов, как правило, приводили к возрастанию неофициальных налогов и как следствие этого к мятежам, бунтам, восстаниям населения, которые обычно порождали волнения в среде самих мамлюков. Наконец к XV в. мамлюки сумели захватить в свои руки доходы от торговли пряностями и сахаром, переориентировав их на удовлетворение собственных материальных потребностей, прежде всего, на импорт предметов роскоши и новых рабов. Однако установив монополию на торговлю пряностями по фиксированным ценам они разрушили прежнюю торговую систему и подорвали экономическое развитие страны. Египет, не знавший прежде инфляции, неожиданно к началу XV в. ощутил на себе инфляционные процессы и кризис денежной системы, связанные с изменением движения денежного потока, который раньше двигался из Европы в Азию, а теперь поменял направление (Шалаби 1990: 267–277 гг.). В этой обстановке власть в Египте в 1382 г. захватила корпорация башенных мамлюков (мамлюков бурджи), отстранив от власти потомков султана Калауна (Muir 1896: 104 и далее). Незадолго до этого события в 1375 в результате сильнейшего землетрясения рухнул величественный Александрийский маяк — одно из чудес света, построенный в 280 г. до н. э. на острове Фарос в черте современной Александрии. Гибель этого грандиозного сооружения, высота которого, по сведениям греческого географа Страбона, достигала 150 м, а на вершину его мраморной башни можно было подняться на лошадях и колесницах по вьющемуся спиралью пандусу, чтобы доставить топливо для костра, стала печальным символом исчезновения следов античной цивилизации в Египте и предзнаменованием конца первой мамлюкской эпохи.

МАМЛЮКИ БУРДЖИ (1382-1517)

Мамлюки бурджи правили с 1382 по 1517 гг. и отличались от мамлюков бахри тем, что вели свое происхождение преимущественно с Кавказа и из Греции. Султанами были практически только мамлюки черкесского происхождения, в этом наследственный принцип передачи власти от отца сыну не соблюдался. Верхушка мамлюков в этот период избирала и провозглашала султаном того, кого считала подходящим. Срок султанских полномочий был ограничен только способностью султана сохранять союз с другими влиятельными мамлюками. Эти союзы были непрочными и быстро меняющимися, но необходимыми для сохранения власти в руках одного человека. В общей сложности в этот период у власти находилось 23 мамлюкских султана и один султан аль-Адил аль-Мустаин из числа аббасидских халифов (1412 г.). Из них только 6 правили сравнительно продолжительное время (Босворт 1971: 100-103).

При бурджитских султанах территория мамлюкского государства достигла максимальных размеров. В нее вошли Египет, Сирия и Палестина, Хиджаз, Йемен, Нубия, Барка и вассальный мамлюками в 1426 г. Кипр. На севере египетская империя мамлюков граничила с Османской Турцией, на юг вдоль сирийского и египетского побережья Средиземного моря до границ с государством Хафсидов, располагавшегося на территории современного Туниса и Восточного Алжира. В южном направлении граница проходила по Ливийской пустыне, достигая нильских порогов у Асуана, затем шла по золотоносным пескам Вади аль-Аллаки к Красному морю, по краю Аравийской пустыни до владений Койунлу в Иране, державы, образованной в последней четверти XIV в. конфедерацией туркменских племен в верховьях р.Тигр (История 1977: 171). Эта обширная империя делилась на наместничества: 3 в Египте и 7 в Сирии, во главе которых стояли наместники (араб. — наиб).

При бурджитских мамлюках сложилась система государственных и судебных органов, которую принято называть мамлюкской и которая не имеет прямых аналогов в других

странах. Мамлюкская государственность носила военно-теократический характер. В. Поппер, раскрывая содержание этого понятия, отмечает, что мамлюкские султаны выдвигались из среды военной олигархии и формально выбирались Советом высших эмиров страны. Фактически же важнейшими критериями, предопределявшими выбор султана, были его богатство и сила, выражавшиеся в количестве подчиненных ему мамлюков (подробнее см.: (Popper 1955)). В бурджитский период произошло упорядочивание и регулирование численности мамлюков, находившихся в подчинении того или иного эмира. Все они были занесены в особые реестры, хранившиеся в специальном департаменте — *ди-ар аль-джейш* (управление армии). Приобретение новых мамлюков находилось под жестким контролем и допускалось только в случае смерти или изгнания одного из уже имевшихся в распоряжении мамлюков. Это не касалось представителей высшей мамлюкской элиты, находившихся вне контроля владевших тысячами мамлюкских воинов. Между мамлюками, собственно, и происходила борьба за султанский престол. В бурджитский период большую часть новых мамлюков составляла Черкесия (Босворт 1971: 101).

Любой вновь избранный султан стремился утвердить свое качество высшего светского, религиозного и судебного авторитета страны, однако это субъективное стремление к полному абсолютизму наталкивалось на сопротивление военной верхушки мамлюков, что служило постоянным источником политической нестабильности. Баланс сил и интересов — вот что можно назвать главным принципом мамлюкской государственности. Весомым фактором, способным склонять этот баланс в пользу султанского самодержавия, было присутствие с 1261 г. мамлюкском дворе аббасидских халифов.

Ряд источников описывал халифов как простых эмиров в свите султана, которые не имели никакой реальной власти, однако ни одно другое лицо в мусульманском мире не пользовалось такими как они авторитетом и уважением. Халиф носил титула «амир аль-муминин» (эмир верующих), который носил сам пророк Мухаммад, и который был унаследован каирскими Аббасидами, пусть даже с некоторыми оговорками, от его ближайших родственников. За исключением мечети в цитадели, где во время пятничной торжественной молитвы по традиции первым называлось имя султана, ни

и других мечетях империи на первое место ставилось имя халифа. Основной функцией аббасидских халифов в Каире, с точки зрения высшей исламской законности, было утверждение новых султанов на должность. С этим была связана церемония мубайаа — приведение вновь избранного султана к присяге. Существовало даже представление, что халифы совместно с судьями четырех богословско-юридических школ (мазхабов) имеют право отказать султану в освящении его властных полномочий. На практике это встречалось крайне редко. В 1433 г. халиф решил использовать свое право отзывать религиозной санкции на правление султана, но в итоге сам лишился халифского сана. Были эпизоды, когда халифы принимали участие в действиях оппозиционных сил (1433 г.), даже открыто переходили на сторону мятежников, что было в случае с халифом аль-Адилем аль-Мустаином, который дал согласие на то, чтобы мятежные беи провозгласили его султаном (1412 г.).

Стремясь обезопасить себя от участия халифов в оппозиционной деятельности и нуждаясь в их поддержке, бурджские султаны значительно улучшили их материальное положение по сравнению со временем бахритских мамлюков, так что некоторые халифы даже слыли богатыми людьми. Султаны нередко вмешивались в халифское престолонаследие, прибегали в отношении неугодных халифов к их низложению с помощью четырех верховных судей, после чего казнили опальных халифов в тюрьму и ссылали. Однако в целом взаимоотношения между мамлюкскими султанами и халифами не носили враждебного характера. Ежемесячно халифы посещали султана и выражали ему свои верноподданнические чувства.

Важнейшие вопросы султан решал после консультаций с членами консультативного совета (аль-машвара ас-салтана). Членами совета были: командующий армией (атабек), хазинар, везир, верховные кади (судьи) четырех мазхабов, эмиры сотен. Председателем заседаний был султан, но он сам не участвовал в обсуждении, чтобы не создавать ситуации, когда, фактически, верховному правителю, кто-либо открыто противостоит: от имени султана говорил его советник.

Ниже султана по иерархической лестнице следовал его заместитель — наиб ас-салтана, который фактически был главным исполнителем султанской воли. Один из эмиров

сотни назначался на почетную и влиятельную роль старшего дворецкого (хаджиб ал-худжаб), игравшего роль своеобразного церемониймейстера двора и шефа протокола. Заметную роль при дворе играл также глава султанской канцелярии устадар. Традиционно большим влиянием пользовался везир — глава исполнительной власти, однако при черкесских мамлюках, начиная с султана Баркука (1382–1389 гг.), его функции были сильно урезаны по сравнению с ранним мамлюкским периодом, когда власть везира была огромной. Везир получал ежемесячное жалованье, продуктовое и вещное довольствие. Он занимал почетное место во время придворных церемоний и торжеств. Под его председательством в одном из помещений каирской цитадели проходили заседания Верховного совета («Аль-Маджлис аль-али»), игравшего роль консультативного органа при везире. Обычно должность везира занимали египтяне, нередко копты, которые формально принимали ислам, фактически тайно сохраняли свое христианское вероисповедание. Порой везир, оставаясь христианином, лишь брал себе мусульманское имя. Везир подчинялись руководители департаментов (диванов), составлявших структурную основу бюрократического аппарата мамлюкской державы и располагавшихся в помещениях каирской цитадели. Там же находились рабочие места многочисленных чиновников-катибов (*букв.* писцов), набиравшихся обычно из числа коренных египтян, которые, начиная с уровня начальников отделов, как правило наряду с арабским, владели и турецким языком, что было необходимо для общения с тюркоязычными мамлюками. Важнейшими департаментами (диванами) в мамлюкском Египте были диван аль-джейш (департамент армии), ведавший вопросами армии, должностными назначениями и приобретением новых мамлюков; диван аль-инша (султанская канцелярия), который наряду с секретариатскими функциями руководил почтовой деятельностью, международной перепиской и тайным сыском; диван ан-назар (контрольное ведомство), ведавшее финансовыми вопросами страны; диван аль-хас (департамент частных владений), который занимался делами обширных султанских владений. Кроме вышеперечисленных существовали десятки других департаментов, ведавших различными вопросами: департаменты наследования, зернохранилищ, религиозной собственности и пр.

Высшим мусульманским религиозным чином страны был шейх-уль-ислам, которого назначал лично султан из числа наиболее авторитетных богословов или шариатских судей. Он считался самым влиятельным экспертом по юридическим и богословским вопросам. Центрами религиозной жизни были мечети и медресе — мусульманские школы, развитию которых мамлюки придавали большое значение, справедливо полагая, что лояльная образованная богословская элита — гарантия прочности их господства в стране. Вершиной судебной системы являлся сам султан, которому подчинялись 4 верховных судьи, возглавлявших 4 судебные системы по главным шариатским юридическим школам: ханифитская (преобладающая в Египте), шафиитская, ханбалитская, маликитская (см.: Петрушевский 1966: 137 и далее). Автономно существовали судебные системы христианской и иудейской общин. Общий вывод из сказанного состоит в том, что в эпоху поздних мамлюков завершилось формирование их сложной корпоративной иерархической системы, которая удерживала в своих руках власть, опираясь на разветвленный и достаточно хорошо управляемый административно-бюрократический аппарат, закреплявший изолированное положение мамлюков от остального населения страны (подробнее см.: Porrer 1955).

Триумф прихода к власти, подъем, а затем падение и крах мамлюкского бурджитского режима сопровождался непрерывными смутами и междоусобицами как среди самих мамлюков, так и между ними и населением империи. Только унаследованный от прежней эпохи административно-государственный аппарат, усовершенствованный и адаптированный под их потребности и возможности, позволял им править империю практически в неизменном виде. Один из наиболее известных историков этого периода Таки ад-Дин Макризи (1364-1442 гг.) подчеркивал, что все пороки государства объяснялись продажностью и некомпетентностью управителей. Он критиковал мамлюкскую систему управления за отсутствие преемственности, что, по его мнению, было причиной смут, нестабильности, кровавой борьбы за власть каждый раз, когда очередной султан умирал или оказывался неспособным удерживать эмиров от борьбы против себя (Marsot 1994: 33-34). Разорительные набеги бедуинов (ночевников) на земледельческие поселения, особенно в

Верхнем Египте, превращали мирных земледельцев в лишенных средств к существованию разбойников и бандитов. Бандитизм, в свою очередь, подрывал торговлю — кровеносную систему всей экономики. Эти события были, как правило, не причиной, а следствием бедственного положения в стране, при котором нарушалось обычное для Египта равновесие между потребностями кочевого населения и способностью оседлых жителей их удовлетворять. Обычно кочевники захватывали земли, которые обезлюдели из-за чумы, и оставшееся население не могло оказать им должного сопротивления. Были случаи, когда крестьяне, разоренные непомерно высокими налогами, заключали соглашения с кочевниками и объединялись с ними в банды. Продажность и некомпетентность правителей, которые не могли обуздать алчность возглавляемой ими мамлюкской олигархии; частые войны, междоусобицы, заговоры и мятежи, доводившие до крайности население, искавшее выход в восстаниях, особенно тогда, когда оно видело раскол в среде самих мамлюков; деградация внутренней и острый кризис внешней торговли; наконец, страшные эпидемии чумы довершали картину бедствий, на фоне которой разворачивался последний акт трагедии египетской мамлюкской империи.

Последняя четверть XIV в. ознаменовалась новым всплеском тюрко-монгольских завоеваний, на этот раз под предводительством Тимура Хромого (1336–1405 гг.), или Тамерлана, как его называли европейцы, который объединил под своей властью чагатайских монголов в Мавераннахре и создал собственное государство со столицей в Самарканде. Официально объявленный наследником монгольских ханов, он был обвинен противниками в самозванстве, так как на самом деле был якобы простым пастухом или даже вором овец, которого ранили во время одного из набегов в ногу, и он остался таким образом хромым, за что и получил свое прозвище — Тимур Хромой. Так или иначе, но талантливый полководец и тонкий политик Тимур создал громадное государство, простиравшееся от Инда до Волги и от Сирии до границ Китая. Он мечтал создать всемирную империю. Ему приписывают слова: «Все пространство населенной части света не стоит того, чтобы иметь двух царей».

Стремясь противостоять Тимуру, мамлюки первоначально искали союзников среди местных правителей и османов,

ко после того, как османы были разгромлены Тамерланом в 1402 г., а султан Баязид I взят им в плен, чему предшествовали захват и разграбление Дамаска и Северной Сирии, мамлюки заключили с Тимуром соглашение, благодаря которому он никогда не вторгнулся в Египет. В переговорах с Тимуром от египетской стороны участвовал Ибн Халдун — известный арабский историк и философ (Marsot 1994: 34).

Обострение военно-политической обстановки на границах Египта увеличивало соперничество между различными мамлюкскими группировками за власть, которая только и могла дать средства для ведения войн, как внутренних, так и внешних. Хроническую нехватку денежных средств мамлюки компенсировали, во-первых, за счет увеличения налогов, во-вторых, за счет присвоения доходов от торговли, а также всего прочего. В XV в. оба эти источника финансовых средств оказались исчерпанными. Налоги, текущие и чрезвычайные, достигли опасного уровня, превышение которого вызывало восстания и мятежи населения. После того как мамлюки пошли на рискованный шаг введения монополии на торговлю пряностями, доходы от нее постепенно стали уменьшаться. Мамлюкский султан Барсбей (1422–1438 гг.) не мог получить огромные прибыли от торговли с Индией, так как он так повысил налоги на пряности, что венецианские купцы, его главные торговые партнеры в Европе, отказались иметь с ним дело и даже решили демонстративно покинуть Александрию в знак протеста против налогового произвола властей. Хотя Барсбей отказался от непродуктивной политики, его экономическая политика вызвала рост инфляции, которая была связана как с кризисом торговли, так и с тем, что он стал уменьшать вес монет (о Барсбее см.: Muir 1996: 145–152; Хотко 1995: 204–210).

Для стабилизации политической жизни удалось добиться от султана Каит-бея (1468–1496 гг.), который сумел подчинить своей воле большинство мамлюков и прославился тем, что собственноручно порол из них, кто проявлял непослушание. Он проводил агрессивную внешнюю политику, в частности, по сдерживанию завоевательного пыла османов. Любимый сын Мехмеда II Сулеймана — Джем ибн Осман, конкурент своего старшего брата Баязида II в борьбе за отцовский престол, нашел поддержку и помощь в Египте, куда он прибыл в 1481 г.

В 1486 г. египтяне нанесли османам сокрушительное поражение: командующий и высшие османские офицеры были взяты в плен и проведены по улицам Каира, скованные цепью за шеи (Fisher 1948: 38). Вторично мамлюки разгромили османов в 1487 г. На этот раз значительное количество турецких воинов перешло на сторону египтян, и из них была сформирована специальная «османская» бригада (Хусейн б.г.: 783–784, *араб.*). Каит-бей вошел в историю как неутомимый строитель дорог, мостов, мечетей, школ и крепостей, причем не только в Египте, но и в других частях империи: Сирии, Иерусалиме, Мекке. Наряду со строительством новых, он занимался восстановлением старых запущенных зданий, так что перечень его строений и восстановленных сооружений огромен (Vatikiotis 1969: 23). По сегодняшний день одной из главных достопримечательностей Александрии остается мощный форт при входе в восточную бухту города, построенный по приказу Каит-бея на месте рухнувшего Фаросского маяка. Военно-политическая и строительная деятельность Каит-бея требовала значительных финансовых средств, которые он по традиции получал, вводя дополнительные налоги как на эмиров, так и на рядовых жителей. Часть этих средств возвращалась населению в виде заработной платы тем бесчисленным рабочим, архитекторам, ремесленникам, которые привлекались султаном для его строительной деятельности (Marsot 1994: 35; Muir 1970–176). Время правления Каит-бея отмечено также осуществлением значительного количества суфийских обителей, следовательно, ростом приверженцев суфизма (*араб.* *суф*) — мусульманского мистицизма. Возможно, подобная деятельность в отношении суфизма объясняется тем, что под его влиянием часть населения переориентировалась с оппозиционной борьбы с властями на самосовершенствование. Несмотря на то, что посредническая торговля между Востоком и Западом через Египет сократилась, годы правления Каит-бея по праву считаются временем экономического процветания, затишьем перед надвигающейся катастрофой, предвестником которой стала опустошительная эпидемия чумы, вспыхнувшая в 1492 г. и продолжавшаяся около 20 лет. По некоторым данным, во время этого бедствия погибли сотни тысяч человек, а в Каире умирало по 12 тыс. человек.

Огромные людские потери понесли мамлюки, которые, видимо, были более восприимчивы к чуме, чем местные жители, кроме того, они жили замкнутой жизнью и пространство эпидемии в их среде происходило очень быстро. Чума сопровождалась надежом скота и голодом. Отвня довершила кровавая междоусобица, разразившаяся между двумя мамлюкскими группировками в 1495 г. Каит-бей, сломленный этими событиями, скончался в 1496 г. в возрасте шестидесяти восьми лет, завершив одно из самых продолжительных мамлюкских правлений, продолжавшееся 11 лет (Muir 1898: 177 и далее; Glubb 1973: 378-381).

После его смерти внутримамлюкская борьба длилась еще около пяти лет, пока власть не попала в руки к шестидесятилетнему эмиру аль-Ашрафу Кансух (Кансав) аль-Гури (1501-1517 гг.), который создал самый деспотичный из всех существовавших мамлюкских режимов. Известно, что аль-Гури не был потомственным мамлюком и не проходил специального обучения в мамлюкских школах. В Египет он прибыл самостоятельно, будучи уже опытным воином, после того как его сестра стала женой мамлюкского султана Каит-бей. Долгое время он состоял на службе султана в его личной охране, где и приобрел необходимые для карьеры связи и опыт, став эмиром, затем наместником Алеппо (джалаб), позднее Верховным султанским везиром (Muir 1898: 17). Аль-Гури не был кровожадным и жестоким, но его отличало непомерное даже в мамлюкской среде честолюбие. Амбициозный и тщеславный аль-Гури повысил налоги, провел конфискации незаконных вакфов (земель исламских религиозных учреждений), увеличил таможенные пошлины, продолжил уменьшать вес монет. Он наполнил казну деньгами, возманил против себя население страны. Его двор поражал воображение современников своей роскошью. В 1508 г. он построил великолепный ипподром, где мамлюки тренировались с утра до вечера. Аль-Гури постоянно принимал посольства из стран Европы и Азии, устраивал в их честь пышные приемы и банкеты (Хотко 1995: 217-220). Как и его предшественники, он не без основания опасаясь за свою власть, он окружил себя вновь привезенными мамлюками. Египетские мамлюки — «джалаб» превратились в привилегированную часть мамлюкской олигархии, что не могло не вызвать усиления межмамлюкских противоречий, так как

именно в их пользу производились перераспределения условных земельных пожалований — икта (Семенова 1966: 129). В целом политика Кансуха аль-Гури имела катастрофические последствия для страны (Vatikiotis 1969: 23).

Тем временем османы быстро восстановили силы после понесенных от мамлюков поражений. В конце XV в. они вновь стали правителями могущественной империи, которая уверенно превращалась в мировую державу. Ведя непрерывные наступательные захватнические войны практически во всех направлениях, Османская империя в первой половине XVI в. расширяла свои границы за счет новых территорий, завоеванных в Европе, Азии и Африке. Угроза нового конфликта с османами стала для мамлюков фактически неизбежной. Единственным реальным их союзником в борьбе с османским государством мог стать шах Исмаил (1501–1524 гг.) — основатель и глава шиитского государства Сефевидов в Иране. Однако Кансух аль-Гури, понимая преимущества такого союза, все же отверг его. Он был уже не молод, утомлен войнами и междоусобицами и решил, что если не даст османам повода для нападения, то может быть они оставят его в покое. Такое миролюбие во многом объяснялось тем, что ни мамлюкская армия, ни народ Египта не видели основания для конфликта и не хотели воевать с османами (Иванов 1984: 29).

После смерти Баязида II (1481–1512 гг.) во главе османского государства встал его сын Селим I Явуз (Грозный) (1512–1520 гг.) — сторонник активной завоевательной политики на Востоке. В 1514 г. в битве на Чалдыранской равнине близ г. Маку в Иранском Азербайджане султанские войска, используя свое превосходство в артиллерии и других видах огнестрельного оружия, нанесли сокрушительное поражение шаху Исмаилу. Египтяне официально сохраняли нейтралитет, однако за спиной османской армии был возвращен мамлюкский наблюдательный корпус, который давал для нее смертельную опасность, укрепляя Селима в желании вытеснить мамлюков за пределы Азии. В широком смысле империя мамлюкских султанов была опасна только во время отдельного сражения, но угрожала восточной политике султана Селима I. Желая отодвинуть угрозу военного вторжения от своих южных границ, в 1516 г. армия Селима I вторглась в Северную Сирию.

(Бартольд 1966: 57). Имеются косвенные свидетельства, что ни мамлюки во главе с семидесятилетним Кансухом аль-Гури, ни османы во главе с Селимом I не стремились вступить в смертельно опасную схватку друг с другом, однако логика конфликта все же привела обе армии на равнину Мардж Дабик к северу от Алеппо, где 24 августа 1516 г. развернулось одно из крупнейших сражений средневековья.

Османская армия была лучше подготовлена, вооружена, имела большой боевой опыт крупных сражений, в частности против персов, обладала мощным флотом и лучшей в мире по тому времени артиллерией. Мамлюки же были опытны главным образом в мелких междоусобных стычках, преимущественно в городах, где требовались высокие индивидуальные боевые качества и личная доблесть и не имела значимой организация коллективных действий, тем более взаимодействие частей и соединений. Ударной силой мамлюков была кавалерия, которая в это время уже оснащалась огнестрельным оружием. Но стрельба со скачущей лошади оказывалась малоэффективной, тогда как упорядоченный пехотный строй, удобный для использования огнестрельного оружия, не отвечал мамлюкским представлениям о тактике ведения боевых действий. Мамлюкская пехота огнестрельного оружия практически не имела, воюя традиционным холодным вооружением. Мамлюки не имели легкой артиллерии на конной тяге, а тяжелая артиллерия применялась только при штурме городов и была стационарной.

Османская армия наоборот была опытна в использовании огнестрельного оружия и легкой артиллерии, а ударную часть османского войска составляла вооруженная огнестрельным оружием пехота. В отличие от мамлюков, которые начинали сражение с кавалерийской атаки, османская кавалерия-сипахи включалась в бой на его завершающей стадии для закрепления успеха пехоты. Кроме того, чтобы избежать всякую случайность, османы для полной уверенности в победе подкупили заместителя Кансуха аль-Гури — Аялон (Ayalon 1956: 91).

Мамлюки, известные своей блистательной кавалерией, считали традиционную кавалерийскую атаку, однако встретили на поле боя не привычную для них пешую массу, вооруженную холодным оружием, а пехотный строй, который выдерживал беглый огнестрельный огонь. Мамлюкская атака захлеб-

нулась под градом османских пуль задолго до того, как смогла врезаться в турецкие боевые порядки (Ayalon 1986: 89). Пленные мамлюки после сражения требовали от османов честного боя один на один, как это подобает рыцарям, но своей наивной верой в войну по правилам они только вызывали искренний смех османских воинов, так как воевали не ради удовольствия, а ради денег (Marsot 1991: 37). Узнав в разгар битвы, что личные мамлюки султана находятся в резерве и не принимают участия в сражении, часть египетских войск правого фланга взбунтовалась, отказалась сражаться и покинула свои позиции. Вслед за этим Хайр-бей, командовавший левым флангом, начал отводить свои войска. Турки бросились в наступление, и к полудню мамлюки обратились в бегство (Иванов 1984: 31).

Османе одержали победу благодаря более высокому уровню вооружения и тактики боя, а также предательству Хайр-бея, который распустил слух о гибели султана Кан аль-Гури, что вызвало панику в мамлюкских рядах. Кан аль-Гури действительно погиб в этом сражении, но слух о его смерти стал распространяться до того, как это произошло. А. Марсо допускает, что распространитель слухов о гибели султана, самовольно отдавший войскам приказ отступить, Хайр-бей вполне мог содействовать физическому устранению Кан аль-Гури, когда поддавшееся панике, деморализованное слухами о гибели командующего, мамлюкское войско побегало. В пользу этой версии говорит тот факт, что в сентябре 1516 г. часть мамлюков во главе с подкупленным Хайр-беем открыто перешла на османскую сторону. По другой версии султан, убедившись в поражении своей армии, покончил собой, приняв яд из перстня, который всегда был при нем (Иванов 1984: 31).

Известие о поражении мамлюкской армии послужило сигналом к восстанию в Халебе. Мамлюкский гарнизон города был перебит. Ряд мамлюкских эмиров, а также хадим аль-Мутаваккиль III сдались османам. 28 августа 1516 г. Селим I торжественно вступил в Халеб, где был немедленно провозглашен «Служителем обоих священных городов» (Хадим аль-хурамейн), затем к этому добавился титул «султан ислама», который уже наряду с имевшимся титулом халифа давал Селиму I права верховенства в исламском мире. Нового исламского лидера признали как мусульмане, так

христиане, но, главное, что он получил признание в качестве всеисламского главы со стороны светского правителя Египта, шерифа Мекки Мухаммада Абу-ль-Бараката. Через год уже в Каире послы шерифа Мекки передали Селиму I ключи от Каабы, признав тем самым его в качестве главы ислама и халифа правоверных. Отдельного упоминания заслуживает первая и единственная встреча султана Селима I с потомком аббасидских правителей Багдада халифом аль-Мутаваккилем III, которая произошла в Халебе вскоре после вступления туда турецких войск. Халиф торжественно передал султану Селиму I реликвии дома Аббасидов: плащ и несколько волосков из бороды пророка Мухаммеда, а также священный меч халифа Омара. Селим I со своей стороны наградил халифа деньгами, одеждой со своего двора и пообещал отвоевать для него Багдад. Больше они официально никогда не встречались, не могло быть и речи о каких-либо письменных отречениях аль-Мутаваккеля от шиитской власти в пользу османского султана (см.: Бартольд 1966). Данная встреча была не более чем данью вежливости и, возможно, любопытства со стороны Селима I, который, имея реальную власть, не нуждался в чужом мнении».

В сентябре 1516 г. мамлюки Египта избрали себе нового султана — 38-летнего племянника Кансуха аль-Гури — Туман-бей, которому Селим I послал письмо, предлагая стать королем, подчиненным Османам. Туман-бей был готов принять эти предложения, тем более что на практике они означали лишь то, что имя османского султана будет упоминаться в пятничной молитве, чеканиться на монетах, и в Стамбул будет отсылаться символическая часть налоговых поступлений. Однако большая часть мамлюкской верхушки отвергла эти предложения и отрезала путь к дальнейшим переговорам тем, что добилась от Туман-бея казни османских послов, как потом говорили, за излишнее высокомерие (Шанов 1984: 31-35). После этого война, которой Селим I, видимо, не хотел, стала неизбежной.

Туман-бей начал готовиться к генеральному сражению: он собрал и экипировал боеспособные мамлюкские отряды, заключил союзнические договоры с бедуинскими племенами, сформировал отряды наемников, начал производство пушек, в том числе и установленных на повозках, наконец, он на-

правил в Палестину 10-тысячный отряд мамлюков для скопления османских сил в Сирии до момента, когда мамлюкские войска в Египте будут готовы дать генеральное сражение османам, которое он, видимо, планировал не ранее весны. Однако 25 декабря 1516 г. в битве при Бейсане (Палестина) мамлюкский экспедиционный корпус был разгромлен. Современники отмечали эффективный способ борьбы с кавалерией, примененный в этом сражении османами: пешие янычары метали веревки с крюками на конце в конных мамлюков, сбрасывая их таким образом с коней и добивая на земле (Иванов 1984: 35). В этом сражении османам также помогло предательство: на этот раз их тайным союзником был командующий мамлюкским корпусом Джанберди аль-Газали, бывший наместник округа Дамаск, практически без боя сдавший его османам. Туман-бей не увидел в этом закономерности, он продолжал доверять аль-Газали даже тогда, когда османская армия, совершив десятидневный переход через Синай, в середине января 1517 г. появилась в дельте Нила. Египетские феллахи и низы городов с радостью приветствовали турок, благословляя приход их войск в Египет. Проосманские настроения египетского населения дельты не оставляли Туман-бею иной возможности, чем отвести войска к северным предместьям Каира и готовить там укрепленный район, способный остановить турок. Так он и поступил: были выкопаны траншеи и палисады с гнездами для пушек; часть пушек и фальконетов была замаскирована песком, батареи защищены телегами, пространства между укреплениями усыпаны противоконными шипами. Словом, все было как у турок на Дабикском поле с той лишь разницей, что благодаря предательству Джанберди аль-Газали все тайны мамлюкской обороны были досконально известны Селиму I, который отказался от атаки мамлюков в лоб, и предпринял обходной маневр, окружив и разгромив армию Туман-бея. Несмотря на личную отвагу Туман-бея, сражавшегося наравне с другими воинами, мамлюки, потеряв около 25 тысяч убитыми, беспорядочно отступили, а в Каир вошли османские войска (Ayalon 1956: 83–85). Это произошло 22 января 1517 г., а ровно через неделю, 29 января, неумный Туман-бей ворвался с отрядом мамлюков в спящий Каир и вступил в уличные бои с турками. На этот раз его поддержала часть горожан. Однако соотношение сил

было все же в пользу турок, которым помогали каирские простолудины. После трехдневных упорнейших боев они одержали безоговорочную победу, около 400 мамлюков были взяты в плен и публично казнены. Вскоре попал в плен и сам Туман-бей, которому Селим I учинил подробный допрос, получив все интересующие его сведения, а затем повесил на балке каирских городских ворот Баб аз-Зувейла как уголовника: убийство невинных послов не было прощено. Казни Туман-бея требовали также мамлюки-предатели Хайр-бей и Джинберди аль-Газали (Иванов 1984: 37; Хотко, 1995: 242–243; Muir 1896: 208–209; Ayalon 1956: 90–93).

Бывшая мамлюкская империя была разделена османами на три части: Северная Сирия, территории которой были расположены непосредственно у границ с Турцией, стала именоваться провинцией Алеппо (Халеб); Южная Сирия стала самостоятельной провинцией со столицей в Дамаске; Египет со столицей в Каире стал третьей самостоятельной провинцией. Примечательно, что огромное по тем временам государство, каким был Египет, не было разделено османами на провинции, а сохранялось в османской административной системе как единое целое в отличие от большинства других завоеванных османами территорий. Провинции Египта и Южной Сирии со столицей в Дамаске в первые годы после османского завоевания сохранили значительную степень внутренней автономии. Обе они были отданы в пожизненное владение двум мамлюкским перебежчикам: Сирия — Джинберди аль-Газали, Египет — Сайф ад-Дину Хайр-бею, оказавшим османам неоценимую помощь в разгроме мамлюкского государства. Оба правителя получили широкие полномочия, располагали собственными войсками, административным аппаратом, двором, подчиненным своему придворному этикету.

Официально Хайр-бей правил в Египте с 10 сентября 1517 г. В отличие от других османских наместников, которые именовались эмир аль-умара или бейлербеи (верховный эмир), Хайр-бею было присвоено звание, уступавшее только султанскому, — «малик аль-умара» (король эмиров). Правда, имея пожизненное право на управление Египтом, он ежедневно формально должен был получать продление своих полномочий, что подчеркивало, вероятно, ненаследственный характер его привилегий.

Четыре воинских формирования, именовавшиеся в Османской империи оджаками, были оставлены для охраны османских интересов в Египте. Большинство воинов в оджахках составляли янычары, наиболее боеспособная часть османского войска. Позднее к имевшимся были добавлены еще оджаки, сформированные исключительно из мамлюков в первых днях правления Хайр-бея в полном объеме функционировал механизм приобретения и обучения молодых мамлюков. С 1519 г. египетские мамлюки стали получать жалованье и продовольственный паек, а в 1520 г. им вернули прежнюю форму одежды. Не были возвращены им только земли, владение которыми перешло к османскому государству (Иванов 1984: 44). Таким образом всего за два-три десятилетия мамлюки Египта не только восстановили свои ряды и вернули большую часть своих прежних позиции, но и стали главной опорой османов в управлении Египтом, что очень скоро дало мамлюкам шанс еще раз захватить бразды правления в стране (Holt 1966: 44).

О МАМЛЮКСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ

К моменту османского завоевания в начале XVI в. мамлюкское государство в Египте существовало уже около 250 лет. Этот значительный по меркам средневековья отрезок времени, составленный подобно мозаичному полотну из более чем пятидесяти эпизодов пребывания у власти различных мамлюкских беев, изобиловавший войнами, междоубицами, мятежами и смутами, в которых с беспощадностью естественного отбора физически устранялись те представители политической элиты Египта, которые не могли доказать своего права на существование, привел к появлению классического традиционного военного режима, что и стало главным результатом этой исторической эпохи.

Этот традиционный режим носил *закрытый* характер при котором важнейшие государственные решения принимались ближайшим окружением правителя в тайне от населения страны и даже от «непосвященной» части мамлюкской правящей элиты, а смена султанов происходила исключительно путем престолонаследования в ранний период

мамлюкского правления (1250–1382 гг.), кооптации, чаще всего насильственного захвата власти при поздних мамлюках (1382–1517 гг.). Мамлюкская политическая элита было монолитной, что исключало саму возможность официальной конкуренции легальных политических фракций в ее составе, допускала только борьбу индивидов и их семей, причем не функционировавшими официально методами. Третьей особенностью мамлюкского политического режима был его исключительный характер, что выражалось в отстранении мамлюкского большинства населения от участия в политической жизни. При мамлюках, которые отличались от египтян даже внешне, отчуждение населения от власти было закреплено в кастовой по форме мамлюкской политической системе, доступ в которую египтянам был закрыт.

Население Египта признавало правление мамлюков, но никогда не отождествляло себя с ними, воспринимая их военную группировку как чуждый элемент. В силу этого типичный для подобных традиционных режимов феномен «власть-собственность», вызванный совпадением экономической элиты с элитой политической, в Египте XV в. в законном виде не сложился. Если в области землевладения и транзитной торговли позиции крупных мамлюкских семей с рядом оговорок можно было признать главенствующими, то во внутренней торговле и ремесленном производстве преобладал юридически свободный предприниматель (Исенова 1966: 108–134, 157–174 и др.).

Применительно к мамлюкскому Египту XV—начала XVI в. уместно говорить о феномене «власть-деньги», т.е. о положении мамлюкской корпорации, первоначально специализировавшейся и господствовавшей в военной и политической областях государственной жизни, с финансово-кастовой структурой государства, что давало ей право легального отчуждения, перераспределения и присвоения значительной доли прибавочного продукта, прежде всего сельскохозяйственного производства. Это сращение достигалось в системе государственных долгосрочных условных земельных пожалований — *икта*, либо краткосрочных пожалований — *ильтизам*, дававших право сбора налогов с населения на этих землях. Владельцы таких пожалований становились функциональным звеном государственной налоговой системы, присваивая себе в первом случае

всю сумму, а во втором — согласованную в договоре с правительством часть собранных с населения налогов. Этот прибавочный продукт благодаря механизму торговли превращался в его денежный эквивалент и шел на удовлетворение материальных потребностей мамлюкской элиты, перемещаясь в производственный сектор городов, питая и развивая ремесленное производство и коммерцию.

В данной схеме легко улавливается рациональное начало, делающее мамлюкский традиционный режим *системой образующим*, т.е. создающим условия для развития, пусть и в ограниченных пределах, всех значимых сегментов общества, в котором сами мамлюки играли функциональную роль. Методологически рационализм мамлюкского режима объяснялся тем, что в нем в определенной мере нашло отражение основное противоречие политики: с одной стороны, «вопреки всему» была обеспечена защита экономических и политических интересов мамлюкской корпорации — наиболее сильной и организованной социальной силы общества; с другой — соблюден принцип национального единства, требующий подчинения отдельных интересов интересам целого (Панарин 1977: 24). Рационализм традиционных режимов, подобных мамлюкскому, позволял им «чрезвычайно долго существовать без всяких изменений», порой вопреки внешним вторжениям и внутренним восстаниям (Голосов 1995: 52).

Стабильность мамлюкского режима, просуществовавшего несколько веков, объяснялась рядом дополнительных мер, которые мамлюкская элита предпринимала ради самосохранения в дополнение к военно-политическому и финансовому господству.

Во-первых, в организационном отношении часть прибавляемого прибавочного продукта направлялась на производство и обновление мамлюкского корпуса, а именно на приобретение, обучение и обустройство вновь прибывших мамлюков. Это было жизненно важно ввиду крайней численной малочисленности мамлюков, боевое ядро которых к концу XV в. могло насчитывать, по данным Д. Айалоу, от 1500 до 3300 человек, что в условиях постоянных потерь в боевых действиях, эпидемий, болезней, к которым у мамлюков не было врожденного иммунитета, требовало непрерывного притока пополнений. Без этого мамлюкам грозила социальная и этническая ассимиляция, а их политическое

гибель (Ayalon 1953: 471 и далее). Процесс приобретения новых мамлюков был организован столь добротнo, что не прервало даже османское завоевание Египта и последующие преобразования. Он продолжал действовать вплоть до начала XIX в., т.е. около 6 веков.

Во-вторых, стремясь удержать в руках власть и компенсировать многократное численное превосходство местного населения, мамлюки энергично использовали в качестве обоснования правомерности своего режима религиозную акцию. Это достигалось с помощью халифов, потомков Аббасидов — теократических багдадских правителей, которые были приняты под покровительство мамлюков в 1261 г. после захвата Багдада монголами Хулагу-ханом и с тех пор считались формальными главами мусульманской общины (Усейн б.г.: 689, араб.). В соответствии с развитием исламской доктрины в XV в. утвердилось мнение, что истинный халифат был только первые 30 лет после смерти пророка Мухаммада при четырех праведных халифах, а позднее существовал только имамат — духовно-политическое лидерство мусульманских правителей, которое принадлежало самогосударственному среди них — имаму (Gibb 1962: 145).

С конца XII в. главенствующее положение в мусульманском мире занимали египетские мамлюки. Они претендовали на верховный имамат и носили титул «султан ислама и мусульман», а свое государство именовали «дар-ль-хилафа» (дом халифата), тогда как титул «халиф» утратил прежнее значение и стал своего рода почетным званием, которым пользовались Тимур и тимуриды, делийские султаны, султанская династия Османов, начиная с Мурада I (1360–1389 гг.) и другие мусульманские правители. Однако только имамат египетских мамлюков, подкрепленный их военной мощью и отсутствием халифов-Аббасидов в качестве почетных государственных и благочестивых советников, приобрел общеисламский характер и был официально признан в священных городах ислама — Мекке и Медине. Это прибавило мамлюкским султанам к уже имевшимся еще один особый титул «Хадим хурамейн», т.е. «Служитель обоих Священных городов», который сегодня является высшим отличием и исключительной привилегией монархов Саудовской Аравии (Горгольд 1966: 43–49; Иванов 1984: 10–11; Две священные земли б.г.: 9, араб.).

Использование исламского фактора для обоснования правомерности и неприкосновенности политического господства мамлюкских султанов, получение ими благословения именем Аллаха от халифов-Аббасидов, признание их властью хашимитскими шерифами Мекки отводило от них угрозу политической и идеологической атаки со стороны могущественного слоя мусульманских богословов, лишало оснований обвинения в незаконном захвате мамлюками власти со стороны мусульманского населения, укрепляло международный престиж страны. Вместе взятое это дополняло мамлюковский традиционный политический режим определением — *патриархальный* или *патриархально-патримониальный* (М. Веберу), т.е. основанный на освященном религией авторитете властвующей личности, вокруг которой строится государственная, политическая и общественная жизнь (подробнее см.: Шараби 1988, араб.).

Мамлюки не только носили титулы, но и умели их защищать, а если для этого не хватало сил, то с достоинством погибать. Эта особенность, присущая горским и кочевым народам, привыкшим жить в изоляции от внешнего мира, рассчитывать исключительно на собственные силы, на свой взгляд удивляет в мамлюках. Однако не следует забывать, что их ядро составляли выходцы из горских народов Кавказа, кочевых и полукочевых этносов Южного Урала, Причерноморья и Центральной Азии. Кроме того, живя в равнинной стране, они подобно своим предкам степникам и горцам, чувствовали себя в полной изоляции от местного населения, способного в любой момент отнять их драгоценные права и привилегии. Века жестокой селекции и отбора культивировали мамлюкскую «расу господ», для которой были характерны безграничная преданность и верность к стране, которую они поклялись защищать и которая стала для них новой родиной, и безмерное презрение к врагу, которому они обязаны были навязать свое господство.

Аномальная, инородная по происхождению во восточной политической мамлюкская элита, которая обновлялась из поколения в поколение, получила признание в качестве таковой со стороны населения именно потому, что, во-первых, обладала реальной силой, а в политике, как известно, «сила противостоит целесообразности и самоосуществляется, не взирая ни на что» (Панарин 1997: 22); во-вторых, доминировала

нию способность защищать страну от внешних врагов (Mamluk 1994: 281). Защищать же приходилось обширную империю, включавшую в себя к началу XVI в. Египет, Сирию, Палестину, Киликию, Барку (Киренаику), Нубию, Хадрамаут (прибрежную часть современного Судана, Эритрею и часть Сомали), а также вассальные владения по Верхнему Нилу, в Хиджазе, Йемене и некоторых других районах Южной Аравии (Иванов 1984: 3). Иными словами, накануне мамлюкского завоевания в начале XVI в. мамлюкский султанат в Каире представлял собой центр взаимодействия и переплетения нескольких региональных подсистем, в первую очередь, палестино-сирийской, красноморской, южно-африканской, а также центр межрегионального взаимодействия средиземноморского региона с ближневосточным и североафриканским. На макроуровне египетская империя мамлюков играла роль связующего звена во взаимодействии империи с Азией и Африкой (Creselius 1981: 12). Столь значимая и масштабная геополитическая роль делала мамлюкский режим крайне подверженным внешним влияниям, зависимым от фактора международной политики, которая во второй половине XV—начале XVI в. создавала мамлюкам все возрастающие трудности. Практически весь XV в. продолжалась христианская реконкиста в Испании, приведшая к ликвидации последнего мусульманского анклава на испанской земле — эмирата Гранада (1492 г.). Занятые внутренними проблемами мамлюки не смогли оказать своим испанским единоверцам действенной помощи. Вдохновленная успехом Испания осуществила завоевание приморских районов северо-западной Африки — Магриба (1505–1511 гг.), в результате которого над большинством правителей Алжира, Туниса и Туниза, соседствовавших с Египтом на востоке, была установлена вассальная зависимость от Священной Римской империи Карла V. В 1498 г. португальцы во главе Васко да Гамой открыли морской путь вокруг Африки. Неожиданно появившись в бассейне Индийского океана, они совершали дерзкие нападения на египетских купцов и мусульманских паломников, которым без жалости отрезали уши, а мужчинам еще и правую руку. Престижу мамлюков угрожал рост влияния иранских Сефевидов в Центральной Азии и турков-османов в Малой Азии, особенно после взятия последними Константинополя в 1453 г., что стало, по ис-

тине, завоеванием века. Рыцари-иоанниты, базировавшиеся на о. Родос и совершавшие и прежде грабительские набеги на прибрежные районы Сирии и Египта, в 1509 г. напали на крепость Ат-Тин на Суэцком перешейке, а 21 августа 1510 г. в заливе Искандерун разгромили мамлюкский флот, захватив 18 египетских кораблей. 3 февраля 1509 г. в морском сражении у Диу португальцы полностью уничтожили другой египетский флот и стали хозяевами Аравийского моря и Персидского залива, захватив Оман, Дофар, Бахрейн и другие территории на юго-востоке Аравии. Позднее те же португальцы в 1513 г. вступили в переговоры с правителем сефевидского Ирана Исмаил-шахом (1502–1524 гг.), объявившим войну суннитскому исламу под знаменем крайнего шиизма, и обсуждали с ним планы захвата Мекки и других мамлюкских владений. Антиегипетский по своей направленности союз заключила с Португалией христианская Эфиопия. Были сведения о дипломатической переписке Исмаил-шаха с венецианцами, давними торговыми партнерами мамлюков. На антимамлюкский характер этих переговоров указывает то, что велись они тайно и в тот момент, когда Египет находился на грани войны с Ираном.

Эти события, непосредственно не угрожая интересам Египта, подрывали основы его геополитической роли, разстраивали торговлю и финансы, возбуждали антимамлюкские настроения как в самом Египте, так и в его доминиях. Мамлюкская империя оказалась постепенно окруженной враждебными государствами, что требовало дополнительных денег на поддержание обороноспособности, а следовательно усиливало бремя налогообложения. Это, в свою очередь, вызывало обострение социальной напряженности и смуты, поглощавшие с трудом собранные средства. Бедуинские и крестьянские восстания имели место в 1461–1462, 1467–1469, 1471–1472, 1475, 1485, 1498 гг. В начале XVI в. интенсивность оппозиционных выступлений не спадала. Рождался порочный круг, из которого мамлюки не находили выхода. Их растерянность была немедленно замечена и использована противниками: в 1501–1508 гг. в Аравии произошло невиданное по силе восстание кочевых племен, которые в 1503 г. захватили и разграбили Мекку, на несколько лет нарушив нормальный режим паломничества.

Таким образом, всему мусульманскому миру, в том числе евреям и персам, стало ясно, что мамлюки не могут постоянно контролировать положение даже в собственной стране. Консерватизм патриархального мамлюкского политического режима в условиях длительного неблагоприятного воздействия внешнеполитических факторов оборачивался истинным дефицитом средств самосохранения. Действительно, мамлюки откладывали внутренние распри только в ожидании явной внешней угрозы, но не раньше. В условиях быстро меняющегося соотношения мировых сил в XV в. этого было явно недостаточно: необходимо было действовать превентивно, на опережение, искать противоя依ия внешним факторам в широком спектре средств от чисто военных до политико-психологических. В условиях острого финансового кризиса междоусобные распри мамлюков стали перерастать и на периоды их коллективных военных действий, порождая предательство в их среде, что сыграло решающую роль в последней мамлюкско-османской войне 1517 г.

Восьмью ограниченными были и людские ресурсы мамлюкского режима: в начале XVI в. мамлюки могли выставить 12–15 тыс. боеспособных воинов, что было едва достаточно для выполнения полицейских и карательных функций внутри страны (Иванов 1984: 31). Для выполнения даже крупных военных операций за рубежом это количество должно было быть удвоено. Для ведения же крупной войны требовался в несколько раз больший контингент. Так в войне с османами в 1516 г. мамлюки выставили полевую армию численностью около 60 тыс. человек, в которой собственно мамлюков было не более 20 %, а остальные — наемники, таким образом, кочевники, воевавшие только за деньги, которых у мамлюков в это время катастрофически не хватало. Финансовые проблемы мамлюков не могли решить ни новые налоги, ни ограничение их личных потребностей. Мамлюкский политический режим не смог справиться с периодом длительной международной напряженности, утратил присущий ему прежде рационализм, лишился социальной опоры среди горожан, обострил взаимоотношения с сельским населением, потерял репутацию непобедимого защитника ислама. Зловещий характер этим явлениям прида-

ла разразившаяся в 1492 г. и бушевавшая более двух десятилетий эпидемия чумы.

Таким образом, за фасадом внешнего могущества и непоколебимой стабильности мамлюкской империи явно проявились симптомы ее бессилия и деградации. При этом не было явных признаков внутреннего кризиса всего египетского общества: как показало будущее, мамлюкский режим обладал еще большим запасом прочности. Стабильное функционирование государственной системы, изменения в аграрном секторе, развитие городского производства и различных видов торговли, структурирование социальных групп и слоев — прежде всего в городах свидетельствовало, что важнейшие компоненты общественного организма не утратили мобильности и способности к развитию. Даже исключительно опустошительные чумные годы не привели к заметному ослаблению режима, понесшего огромные людские потери. После короткого периода смуты обычной при смене мамлюкских правителей, к власти пришел энергичный и деспотичный Кансух аль-Гури (1501–1516 гг.), сплотивший вокруг себя мамлюкскую элиту, используя для этого наряду с принуждением перераспределение условных земельных владений. Однако эта стабильность была иллюзорной. Османский султан Селим I гениально увидел эту слабость мамлюкского режима и перешел от тактики сдерживания к тактике тотальной агрессии против мамлюков, не дав им времени восстановить силы и укрепиться.

Разгром мамлюков османами открыл новую эру в египетской истории: Египет вошел в состав Османской империи и формально оставался ее провинцией четыре столетия. Политическая зависимость от Стамбула была главным условием исторического существования Египта в этот период, и попытки вырваться из этой зависимости — редкими, но яркими эпизодами, нарушавшими монотонное течение его провинциальной жизни.

ГЛАВА 6

**ЕГИПЕТ
В СОСТАВЕ
ОСМАНСКОЙ
ИМПЕРИИ:
ОТ СЕЛИМА ГРОЗНОГО
ДО НАПОЛЕОНА
БОНАПАРТА
(1517—1801)**

Недалеко уже то время, когда мы почувствуем, что для того, чтобы в самом деле разгромить Англию, нам нужно овладеть Египтом.

Наполеон

*Государство — это господство дурных,
доведенное до крайности.*

Л. Толстой

НАЧАЛО ОСМАНИЗАЦИИ (1517–1525)

Включение Египта в состав Османской империи не было нововведением в классическом смысле этого слова. По мнению А. Иванова, это была скорее смена власти, связанная со стремлением к социальному обновлению, а применительно к Египту еще и общественная потребность выйти из социального тупика, в который загнал страну кризис политического режима мамлюков. Не случайно поэтому османское вторжение в Египет поддержали не только единоверные туркам мусульманы, но также представители еврейской общины и восприимчивые христиане, в частности армяно-григорианская и коптская православная церкви. Политическим символом новой эпохи стал приказ Селима I о переезде аббасидского халифа аль-Мутаваккиля из Каира в Стамбул, что положило конец гегемонии Египта в мусульманском мире. Халиф аль-Мутаваккиль скончался в 1543 г., и на этом династия аббасидских халифов, правившая с 750 г., пресеклась (Хусайн, 1982, араб.).

В Египте османы сделали ставку на союз с крестьянством и беднейшими слоями города, как правило, генетически связанными с крестьянством, так как при последних мамлюкских правителях бегство сельских жителей от чумы и голода из крупных городов приобрело массовый характер (Семенова, 1986: 136). Османские чиновники, многие из которых были выходцами из крестьян, называли себя защитниками интересов земледельцев. Рядовые османские воины, также в большинстве своем бывшие крестьяне, проявляли большую терпимость к сельским жителям по сравнению с горожанами. Инициатором этой прокрестьянской политики был сам султан Селим I, который, вступив в Египет, раздавал простым

людям мясо, освободил феллахов и городскую бедноту трудовой повинности в пользу армии, возложив ее на за- точную часть населения, а поблизости от каирского нилом установил льстившую самолюбию низов надпись — «Хид- аль-фукара Селим» («Служитель бедняков Селим») (Ильин 1984: 20–21). Расчет Селима I оказался верен: египетское крестьянство поддержало завоевателей и при вступлении турок в страну прославляло османского султана и его войско. В значительной мере это предопределило то, что полученные поддержки сельских районов египетские города стали сравнительно легкой добычей завоевателей (Рафик 1991: 58–65, *араб.*).

Уже после завоевания популизм Селима I распространился и на городских жителей. В мае 1517 г., т.е. через три месяца после вступления в страну, Селим I созвал в Каире своеобразный съезд народных представителей, на котором присутствовали османские военачальники, египетские киди (судьи), представители купцов, ремесленников и других слоев населения, как мусульман, так и немусульман. На этом собрании султан изложил принципы османизации Египта, т.е. своей политики в завоеванной стране и методы ее осуществления. Структура управления, существовавшая при мамлюках, практически не изменялась. Верхним Египтом продолжали управлять шейхи местных кочевых племен, а в Нижнем и Среднем Египте власть передавалась в руки признавших себя вассалами султана мамлюкских командиров, которые в соответствии с султанским указом имели право занимать все должности государственного аппарата и выполняли государственные функции в рамках их должностных обязанностей: обеспечение безопасности, поддержание ирригационных сооружений, сбор налогов и т.д. Они именовались «кашиф» (*букв.* «выявляющий») и составляли высшее звено османской провинциальной бюрократии (Crecelius 1981: 24).

Османизация принесла большие изменения в социальную жизнь. Было произведено коренное перераспределение земель. Османы уничтожили все формы мамлюкского землевладения. Уже летом 1517 г. при проведении первого османского земельного кадастра все мамлюкские икта и ризки отошли к казне. В 1518 г. та же участь постигла многие виллажные земли, т.е. земли, формально принадлежавшие монастырским учреждениям, но фактически находившиеся под управлением мамлюков и их детей. В июне 1522 г. анало-

мероприятия были проведены и в Верхнем Египте. Единственными были признаны только те вакфы, доходы с которых шли исключительно на религиозные цели. В результате преобразований все египетские земли, кроме «законных», были обобществлены и перешли в ведение казны. В 1517 г. конфискация распространилась на жилой фонд недвижимости в городах. Мамлюкская собственность, в том числе и вакуфная, переходила к государству. Остальным собственникам надлежало представить документы на право владения собственностью, если таковых не имелось или они были составлены не по форме, то эта собственность также переходила государству, которое получало право распоряжаться ею по своему усмотрению. Были отменены все налоговые льготы, существовавшие при мамлюках (Shaw 1962: 12 и далее).

В августе перед своим отъездом из Египта Селим I обнародовал первый Канун-наме Миср (султанский указ по Египту), в котором, в частности, говорилось, что главной заботой власти является благополучие крестьян. Указ отменял незаконные поборы с населения, ограничивал штрафы, упразднял практику «подарков» проезжающим мамлюкам и чиновникам. В июле 1519 г. вводился государственный контроль цен на ряд товаров. Кочевников (бедуинов), которые грабили крестьян, предлагалось уничтожать, а их головы сдавать за вознаграждение властям. Нарушивших законы бедуинов подвергали беспощадным пыткам и казням, а их жены и детей продавали в рабство. В 1519 г. по всему Египту были закрыты питейные заведения, винные лавки и курильни гашиша, разогнаны публичные дома, а их содержательницы заштыты в мешки и брошены в Нил. Рядовые мамлюки бродствовали и бродили по улицам в поисках пропитания, что, вероятно, входило в «воспитательную» программу Селима I, который вскоре даровал им прощение и вернул их на государственную службу (Закляма 1995: 118, *араб.*; Holt 1966: 44, 91–93; Shaw 1958: 16–19). Уже первые годы после завоевания показали, что османское влияние на все стороны жизни египтян будет возрастать по мере укрепления османских позиций в Египте.

Селим I скончался 22 сентября 1520 г. Османский наместник Сирии мамлюк-перебежчик Джанберди аль-Газали посчитал момент благоприятным для начала мятежа. Он отказался присягнуть новому султану Сулейману II Кануни

(Законодателю), которого европейцы величали Сулейманом Великолепным (1520–1566 гг.), и объявил о восстановлении мамлюкской державы. 1 октября 1520 г. он провозгласил себя главой мамлюкского государства с титулом короля (аль-Малик аль-ашфар), приказал читать свое имя во время молитвы в пятницу и чеканить его на монетах, что считалось важнейшими признаками державной власти. Турецкие гарнизоны в Дамаске, Бейруте, Триполи и других сирийских городах были по его приказу уничтожены. Однако уже 1 января 1521 г. его войска были полностью разбиты османами, а сам он был схвачен и казнен 6 февраля того же года (Иванов 1984: 42–43; Holt 1968: 46–47).

Египетские мамлюки во главе с Хайр-беем, на помощь которых так рассчитывал аль-Газали, не поддержали сирийский мятеж, более того, Хайр-бей двинул на его подавление войска, чем сохранил и свою власть, и высокий титул. В отличие от Сирии, где мамлюки были полностью уничтожены или изгнаны, в Египте благодаря проосманской политике Хайр-бея мамлюкская корпорация была сохранена и даже упрочила свои позиции по сравнению с первыми годами после турецкого завоевания. Фактически восстановилась уничтоженная от предшествующего периода структура управления мамлюкской корпорацией. Ее возглавляли 24 бея — главы крупнейших мамлюкских семей. Была сохранена мамлюкская элита, продолжавшая формировать ядро властных структур провинции и контролировать власть на провинциальном уровне, поскольку мамлюки постоянно находились в стране, тогда как османские чиновники периодически назначались (Ацамба, Кириллина 1996: 9–11). Это имело принципиальное значение для будущего Египта в свете политики нового султана по его широкомасштабной «османизации», которой мамлюки стали играть деятельную роль. В 1522 г. началась судебная реформа, в результате которой вместо прежних четырех был назначен один верховный судья (кади аль-куда), который имел полномочия выносить решения по всем четырем мазхабам (богословским юридическим школам), как это было принято в Стамбуле. Штат судебных чиновников в результате этой реформы был сокращен, появилось новое звено — сельские судьи, что приближало судебную систему к нуждам египетского сельского населения (Иванов 1984: 44).

После смерти Хайр-бея в 1522 г. Египет окончательно был приравнен к другим османским провинциям (вилаятам).

там), во главе которых стояли губернаторы (вали), которым, в свою очередь, подчинялись санджак-беи, кашифы, шейхи племён, командиры местных гарнизонов. Все воинские формирования, включая мамлюкские, входили в состав 7 корпусов османской армии. На Египет возлагалась ежегодная дань в размере 100 тыс. динаров. Эти и другие положения были включены в специальный указ султана Сулеймана II по Египту — второй Канун-наме Миср, который был обнародован 18 июля 1523 г. и стал основополагающим законодательным актом, регламентирующим положение дел в стране. При составлении этого документа использовались регламенты мамлюкского султана Каит-бея, а практическое осуществление реформ было поручено новому наместнику, Мустафе-паше, занимавшему до этого пост великого везира.

Протест против проведения этих реформ вылился в мамлюкский мятеж 1523 г. во главе с двумя малюкскими кашифами, который был безжалостно подавлен силами 5-тысячного корпуса янычар и конных мушкетеров (тюфенкджи). Опасаясь обострения обстановки, султан отозвал Мустафа-пашу и назначил новым бейлербеем (наместником) Египта Касим-пашу, который вскоре доложил, что не может контролировать положение в стране и также был отозван в Стамбул. В этой сложнейшей обстановке назначение на пост губернатора Египта получил Ахмад-паша, грузин по происхождению, герой кампании 1523 г. против рыцарей-иоаннитов острова Родос. Ахмад-паша рассчитывал, что в качестве награды ему будет пожалован пост великого везира, но Сулейман II не только не дал ему этой должности, но, отправив его наместником в Египет, послал приказ начальнику каирских янычар казнить его. Письмо, вероятно, было перехвачено и попало в руки Ахмад-паши, предоставив формальный повод выступить против султана. Ахмад-пашу поддерживали бедуинские племена и часть мамлюков, опираясь на которых он не только захватил власть, но и провозгласил себя султаном Египта. Против мятежного губернатора Стамбул направил армию во главе с его более удачливым конкурентом, фаворитом султана, великим везиром Ибрахим-пашой, который при поддержке проосманских сил в самом Египте принудил Ахмад-пашу к бегству. Ахмад-паша был казнён 6 марта 1524 г. казнён (Иванов 1984: 45; Holt 1968: 48–50).

Фактически это был второй захват османской армией Египта и начало радикальной реорганизации его админист-

ративного управления по османской модели. Наряду с тактическими мероприятиями по восстановлению османской законности — казнь мятежных племенных шейхов, репрессирование скомпрометировавших себя мамлюков, выплата денежных компенсаций всем пострадавшим от Ахмад-паши, амнистия беднякам, сидевшим в тюрьме за долги, введение государственного обеспечения сирот, восстановление мечетей и приютов, начало работ по восстановлению ирригационных систем и заселению опустевших деревень, османские власти, озабоченные египетским восстанием, приступили к решению стратегических административных задач — ограничению властных полномочий наместников, которые обладали до того времени практически всей полнотой военной и гражданской власти, переданной им султанами в обмен на выполнение обязанностей по сбору налогов и обеспечению функционирования гражданской и военной административных систем. В соответствии с упоминавшимся выше султанским вердиктом Канун-наме была создана сложная система военной и гражданского административного контроля, которая должна была сбалансировать власть губернатора и центра (Shaw 1962: 184 и далее).

Губернатор (вали) оставался высшим должностным лицом в провинции, главным проводником и исполнителем воли султана, ответственным за осуществление распоряжений имперского дивана — главного законодательного органа страны. Вали был полномочен издавать местные распоряжения, необходимые для выполнения решений центра по комплексу вопросов, входящих в компетенцию наместника, контролировать их исполнение через совет высших религиозных, административных и военных руководителей — диван, скопированный с аналогичного совета султана в столице империи — Стамбуле. Этот новый для Египта государственный орган был призван координировать работу лиц, ответственных за различные направления государственной деятельности: религиозное, политическое, юридическое, экономическое и военное. Диван созывался под председательством вали не реже четырех раз в неделю (Абд ар-Рахим 1986: 80 *араб.*). Всех назначавшихся в качестве вали Египта можно условно разделить на две категории. Первые, это новики среднего звена, для которых пост вали Египта был карьерным трамплином, открывавшим путь к высшим государственным должностям вплоть до должности члена султанского

того совета и даже великого везира. Вторые, это те, кто получил назначение на пост вали Египта из состава членов султанского совета и даже из числа великих везиров. Последних обычно назначали, когда требовалось навести порядок в провинции. Иными словами, статус губернатора (вали) Египта в иерархии османских должностей был весьма высоким, а право по сравнению с предшествующим периодом заметно уросло. Во-первых, несмотря на титул главнокомандующего всех войск на территории провинции, фактически возможности вали эффективно контролировать армию были ограничены. Он не имел действенных мер воздействия на командиров воинских формирований на территории страны, поэтому, чтобы сохранить собственные позиции, вынужден был практиковать создание баланса военно-политических группировок, противопоставляя одну из них другой. Такая практика в политическом отношении оказалась эффективной и оправдывала себя вплоть до XVIII в., но в стратегическом плане приносила большой вред, так как подрывала основы османской провинциальной администрации, становившейся заложником своего беспринципного политиканства.

Основу османской армии в Египте составляли 7 воинских формирований (оджак): мустахфизан, азабан, мутеферрик-кавусан, гоноллюян (гамиллийан), тюфенкчийан, чира (Crecelius 1981: 20–21; Shaw 1964: 38–40). Наиболее важными воинскими формированиями на территории Египта были янычары (от турецких слов «ени чери» — «новое войско»), корпус пехотинцев на жалованье, возникший между 1359 и 1363 гг. при султанах Мураде I (1359–1389 гг.) и имевший сходную природу с корпусом мамлюков. Янычарская пехота контролировала Цитадель — главный комплекс административных зданий. Они же являлись главной политической силой в столице и крупных городах. В Египте их возглавляли мустахфизан (гвардейцы). Глава янычар — ага, выполнял функции полицмейстера Каира, коменданта Цитадели, командующего армией. Титул «ага» носили все старшие офицеры янычарских подразделений. Их заместителей называли «кетхуда».

Другое пехотное формирование называлось «азабан» (тур. холостяки). Они также выполняли многие функции гвардии: охраняли ворота Цитадели, подъезды к Каиру и крупным городам, патрулировали Нил на лодках. Они получали меньшее жалованье и численностью уступали яныча-

рам, которых рассматривали как своих ближайших конкурентов. Однако объединившись вместе, янычары и азабы доминировали над другими военными группировками.

Корпус кавусан также являлся пехотным и примыкал к янычарам и азабам. Он был сформирован в 1524 г. из мамлюков, незамешанных в мятеже Ахмад-паши и принесших присягу верности османам. Этот корпус считался личным подразделением губернатора и часто создавал проблемы из-за отсутствия в нем должной дисциплины.

Кавалерийские формирования также делились на несколько корпусов. Туфенкчийан — кавалерия, вооруженная мушкетами. Корпус гюкюллийан (гамалийун) — верблюжатники, обычно добровольцы. Они патрулировали страну, охраняя дороги от бедуинов-кочевников. В 1554 г. из мамлюков и войск, присланных из Стамбула, был сформирован корпус мутеферрика. Он также считался личным формированием губернатора, опорой его власти, пока в XVII в. не был потеснен формированиями мустахфизан и азабам. В 1556 г. был образован корпус мамлюков-черкесов как ударная кавалерийская часть (Shaw 1964: 82–83).

Военные формирования мустахфизан и азабам доминировали в политической жизни Каира и других крупных городов до XVIII в., когда их поглотила мамлюкская военная структура. Мамлюкские военные формирования, сохранившиеся еще от периода мамлюкского правления, продолжали существовать параллельно официальной военной структуре, созданной османами в Египте. Потерпевшие поражение и признавшие себя побежденными рядовые мамлюки были постепенно организованы в специальные воинские части вспомогательного характера для решения важных военных и административных задач, стоявших перед османским режимом в завоеванной стране, в том числе для усмирения своей воли и недисциплинированности официальных воинских частей, что постепенно ставило последние под мамлюжский контроль. Превращение лояльных к режиму гарнизонов в часть мамлюкской военной организации началось под влиянием ряда финансовых кризисов, имевших место в Египте в конце XVI–XVII вв. (Raymond 1973–1974, t. 1: 83 и далее).

Османизация административной системы ограничивала полномочия губернатора Египта в трех важных сферах государственной жизни. Во-первых — в судебной, так как судебная реформа привела к появлению должности верховного судьи (кади аль-куда), руководителя всей египетской судебной

В системы, который назначался властями Стамбула, и в обязанности которого, наряду с прочим, входило информировать имперские власти о том, как вали выполняет их распоряжения. Во-вторых — в военной сфере, где подчинение всех командиров воинских формирований воле губернатора было немалым делом. В третьих — в финансовой сфере, с которой ведал дефтердар — глава финансовой администрации провинции, которого назначал Стамбул, и который формально контролировал всю финансовую жизнь Египта, фактически разделяя с губернатором ответственность за исполнение Египтом финансовых обязательств перед Портой (Shaw 1962: 338 и далее).

Важнейшим результатом османизации в Египте стало радикальное перераспределение собственности в стране, и прежде всего земельных угодий, осуществленное силами османской администрации. Земля больше не делилась на наделы, дававшиеся отдельным лицам и целым группировкам за исполнение ими службы, прежде всего военной. В основу новой системы были положены интересы налогообложения. Держатель земельного угодья — мультазим, отвечал за своевременный сбор налогов с обрабатывающих его надел крестьян и направлял определенную часть собранных средств, называвшихся «ирсалийе хазина», в государственную казну. Эта система формировалась по остаточному принципу после вычета расходов мультазима. Данная система налогообложения получила название «ильтизам» («обязательство», «договор»), так строилась на договорных отношениях государства и мультазима, который фактически стал покупать у государства право взимать налог с населения ильтизама. Позднее эта система получила широкое распространение в Египте благодаря тому, что функции мультазимов закрепили за собой прибывшие свое влияние мамлюкские «дома». К XVIII в. ильтизумы фактически превратились во владельцев земли и могли передавать свои земли по наследству, покупать и продавать право сбора налогов, т.е. ильтизумы фактически стали частной собственностью. Система ильтизам стала экономической основой османского политического режима в Египте, вытеснив такие традиционные для Османской империи формы налогообложения как тимар и эманет (Shaw 1962: 22 и далее).

Выводом из вышесказанного является то, что османское завоевание XVI в. не ликвидировало военную элиту арабских провинций, но эффективно подчинило ее себе на несколько

столетий. Турки в Египте использовали мамлюков в создаваемой ими военной и гражданской администрации. Между египетским политическим режимом периода 1250–1517 гг. и мамлюкским режимом в форме бейликата XVII–XVIII вв. прослеживается генетическая связь. Это позволяет заключить, что османизация египетской административно-политической системы не ликвидировала мамлюкскую военно-политическую и административную организацию в Египте, а утилизировала ее, создав в этой сфере своеобразный мамлюко-османский кондоминиум — совместное господство (Crecelius 1981: 22–23). Остатки разгромленных мамлюков либо влились в состав османских воинских частей, либо сформировали самостоятельные воинские формирования, которые использовались как вспомогательные войска под османским командованием. Кроме того мамлюки вошли в состав османской администрации, обеспечивая преемственность с предшествующим периодом и накапливая силы для политического реванша.

ОТ ГРАЖДАНСКОГО МИРА К ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ (1525–1711)

В соответствии с вердиктом султана Сулеймана Великолепного от 1523 г. Египет был разделен на 14 провинций, включавших территории Нижнего и Верхнего Египта. Каждая провинция управлялась государственным чиновником, носившим обычно титул санджак-бея и подчинявшимся губернатору Египта — вали (букв. — наместник, правитель). Некоторые проблемы новым властям доставляло управление Верхним Египтом, простиравшимся от Асьюта до южных границ страны. До 1576 г. оно находилось в руках шейха арабизированного берберского кочевого племени Хаввар, руководимого семейством Бену Умар, которое получило приглашение на управление Верхним Египтом еще от султана Селима I. В 1576 г. шейх Бену Умар был отстранен от власти и его место занял направленный вали чиновник. С этого момента на всей территории Египта установилось единственное османское правление. Благодаря военному таланту Оздемира паша — мамлюка черкесского происхождения, в середине XVI в. к Египту была присоединена часть Нубии (современный Северный Судан) и часть Йемена, где мамлюки

гновили свой контроль еще до османского завоевания, перодии свои владения по наследству османам. Примечательно, что наместниками йеменских территорий назначались как турки-османы, так и мамлюки (Holt 1968: 81).

До 1587 г. событийная сторона жизни Египта отличалась широким однообразием и полностью соответствовала репутации послушной крестьянской провинции, процветающей под эгидой османских султанов. В последней трети XVI в. ситуация стала меняться: повсеместно на всей территории империи отмечалось ослабление административного контроля центральных властей за положением дел в провинциях, что было вызвано серьезными экономическими трудностями. Эти проблемы стали последствием финансового кризиса, который произошел в XVI в. в результате притока большого количества дешевого серебра из Нового Света, что нарушило баланс между золотой и серебряной монетой в Османской империи, способствовало уменьшению веса монет, вызвало общую инфляцию. Уже в XVIII в. (с 1717 по 1788 гг.) падение курса османской серебряной монеты составило 180 % (Мейер 1991: 49). Жалование войскам, которое было фиксированным, что являлось важным османским новшеством, потеряло свою первоначальную цену и стало явно недостаточным. Это привело к конфликтам внутри административной системы, а также между командирами армейских формирований и губернатором египетской провинции, от которого требовалось искать дополнительные средства, чтобы компенсировать фактическое уменьшение денежного содержания армии. Дефицит денег побуждал османские армейские формирования в Египте периодически восставать против губернатора и требовать от него увеличения жалования, так как прожить на прежнее уже было невозможно (Marsot 1984: 41).

Первое такое выступление произошло в 1586 г. и было спровоцировано известием о недостатке денег, собранных для выплаты ежегодной дани в Стамбул. Подозрение в хищении пало на губернатора, и не получавшие жалование солдаты выступили, овладели Цитаделью и убили его. Это был первый случай, когда расквартированные в Египте османские войска свергли наместника-султана. Следующее выступление воинов произошло в 1589 г., во время которого был разграблен дворец губернатора, а его самого принудили согласиться с требованиями мятежников. Аналогичные выступления военных повторялись в 1598, 1601 и 1605 гг. Причем в

1605 г. бежавший из Каира губернатор был пойман, обезглавлен, а его голова была вывешена на всеобщее обозрение на городских воротах Баб аз-Зувайла, где некогда был повешен последний мамлюкский султан Туман-бей. На мысль неслучайности такого совпадения наводило участие в мятеж отрядов черкесской кавалерии.

Новый османский губернатор Мехмед (Мухаммад)-паша (1607–1611 гг.), следуя инструкциям из Стамбула, решил продемонстрировать твердую руку властей и начал серьезное расследование событий 1605 г., что в итоге привело к новому восстанию (1609 г.) во главе с Ахмадом аль-Бадави и г. Танта. Мамлюкская кавалерия двинулась маршем на Каир, однако была остановлена и разбита верными губернаторскими войсками. Этим восстанием руководили как мамлюкские беи имевшие собственные иррегулярные военные формирования, так и командиры османских частей, сформированных из мамлюков. Сепаратистский характер восстания, направленный на отделение египетской провинции от Османской империи, сомнения не вызывал, что, по-видимому, дало авторам хроник того времени Ибн Аби-с-Суруру основание утверждать, что эти события можно рассматривать как еще одно завоевание османами Египта (Holt 1968: 82–83).

Всякий раз после начала восстания Стамбул направлял в Египет нового губернатора, который вскоре сознавал безвыходность своего положения, так как юридически воинские формирования, которые поднимали восстания, не находились в его непосредственном подчинении, а управлялись своими командирами. Всякий новый губернатор, прибывавший в Египет с новым воинским контингентом, очень скоро утрачивал над ним контроль, а его войско присоединялось к мятежным войскам. Вскоре губернаторы нашли противодействие против армейских мятежей. Им стали мамлюкские части, которые успешно и с энтузиазмом действовали против османских отрядов. Однако это создавало для вали опасность рано или поздно столкнуться с объединенными действиями оппозиционных группировок, в связи с чем губернаторы должны были постоянно следить за сохранением баланса сил.

В новой политической обстановке, сложившейся в XVII в., мамлюки вернули себе ведущие позиции в стране. Мамлюкские беи продолжали покупать молодых рабов, которых содержали в своих домах и воспитывали как приемников. В мамлюкскую среду в этот период стали вливаться новые этнические группы — боснийцы, греки, абхазы, мингрлы.

ды, даже арабы, потеснившие черкесских мамлюков (Хотко 1995: 253–254). Мамлюки уже не несли каких-либо специальных функций, а служили на тех должностях, какие им поручались. Знание ими страны и ее традиций, сплоченность и исполнительность делали их незаменимыми, так что они медленно, но уверенно проникали во все звенья государственного аппарата.

Со временем под османским командованием стали действовать три чисто мамлюкских армейских формирования, которые благодаря семейной организации мамлюков были более сплочены и организованны, чем имевшиеся османские части. Традиции большой семьи — мамлюкского «дома» — прощали между мамлюками отношения побратимства. Мамлюкские беи были искренне заинтересованы в продвижении членов своих домов на ключевые должности в гражданской администрации и армии, не жалея для этого ни усилий, ни средств, так как это создавало сеть семейных функционеров, способных протектировать всей семье (Marsot 1994: 42).

Таким образом, постепенно формировалась база для создания политической системы, получившей название бейликат. Бейликат — это объединение богатых и высокопоставленных мамлюкских беев, которые, как правило, были близки к губернатору Египта, но официально не входили ни в одно из семи османских военных формирований. Мамлюкский бейликат по своей природе не имел аналогов в других провинциях Османской империи, так как, по мнению И. Холта, представлял собой уцелевшую еще с мамлюкского периода структуру, именовавшуюся «эмирлат», т.е. совет высших мамлюкских лидеров при султани. Хотя фактически бейликат был сформирован в подавляющем большинстве из мамлюков, членство в нем не было исключительно мамлюкской монополией. В то же время по мере роста авторитета мамлюкских беев он в XVIII в. по существу превратился в объединение беев черкесского происхождения. Бейликат имел большой общественный вес, так как фактически именно его члены назначались на высшие государственные должности в египетской администрации. Во-первых, это должность «эмир аль-хадж» — командира ежегодного каравана паломников, отправлявшихся в хадж в Мекку, на которую назначались исключительно мамлюки. С точки зрения карьеры, эта должность считалась наиболее престижной, так как главе каравана паломников выделялись значительные денежные средства из казны для организации охранного отря-

да, численность которого нередко достигала размера армии (подробнее см.: Адамба, Кириллина 1996: 54 и далее). Второй престижной должностью, которую монополизировали мамлюкские беи — члены бейликата, была должность главы каравана, который доставлял ежегодную дань в Стамбул. Наконец, глава финансового ведомства «дефтердар» также назначался из числа мамлюкских беев. Кроме того, мамлюки назначались в большом количестве на должности «каим макамов» (глав местных администраций), кашифов (высокопоставленных чиновников), сердаров (командующих войсковыми соединениями) и правителей Верхнего Египта. Мамлюки — командиры официальных воинских формирований как правило, на эти должности не назначались. Бейликат таким образом, постепенно стал руководящей политической структурой Египта, имевшей две особенности: во-первых, бейликат был тесно связан с мамлюкской правящей элитой через систему домов-кланов; во-вторых, бейликат не входил в официальную структуру османских органов власти, а потому быстрее реагировал на меняющиеся обстоятельства (Holt 1968: 83–84).

Несмотря на беспощадное подавление Мехмед-пашой мамлюкского восстания 1609 г. и казни рядовых мамлюков, мамлюкские беи, члены бейликата, продолжали оставаться влиятельной политической силой в стране. Их авторитет был столь сильным, что вошло в практику смещать непопулярных губернаторов и на их место сажать временно исполняющих их обязанности лиц по выбору бейликата до того времени, пока из Стамбула не пришлют нового губернатора вместо смещенного. Первый прецедент такого рода произошел в 1623 г., когда войска поддержанные мамлюкскими беями отказались присягнуть на верность вновь присланному губернатору, требуя восстановить в этой должности его предшественника. В 1631 г. объединенный протест мамлюкских командиров и беев против губернатора был направлен в Стамбул, где он был удовлетворен: губернатор был отозван (Holt 1968: 79). Это было большой ошибкой османских властей, так как создало опасный прецедент, который в дальнейшем так часто повторялся, что был закреплён законодательно, вошел в традицию и стал сопровождаться определенным ритуалом. Неудобному губернатору беи посылали посланца в белом плаще и белой шапке, верхом на осле. Посланец въезжал на территорию резиденции губернатора, входил в зал для приемов, загибал край напольного ковра или

...ался края небольшого ковра, на котором сидел паша, и говорил: «Паша! Ты смещен». По другой версии, он уходил, сказав ни слова, так как уже одно его появление говорило само за себя. Поскольку у губернатора не было в прямом подчинении войск, способных его защитить, не считая нескольких десятков гвардейцев его личной охраны, ему ничего не оставалось, как собрать свои вещи и покинуть Египет — в ином случае он мог быть осужден и даже казнен (Лювишнян 1789: 21; Marsot 1994: 43).

До середины 50-х гг. XVII в. мамлюкские беи доминировали в политической жизни Египта. Это было не совсем естественно, так как между мамлюкскими группировками не было единства, а османские губернаторы, не имея возможности открыто бороться с ними, без устали интриговали, разжигая внутримамлюкские противоречия. Руководство бейликом держали в своих руках две конкурирующие друг с другом семьи: Факарийя и Касимийя. Клан Факарийя состоял преимущественно из черкесов, тогда как семья Касимийя считалась боснийской по происхождению, однако давно утрачивая этнические особенности, став обычным мамлюкским семейством». Оба семейства, стремясь к укреплению своих позиций, вступили в договорные отношения с кочевыми племенами: Факарийя составила союз с племенем Нисф Саад, а Касимийя — с Нисф Харам. Главным условием стабильности этих лет было пребывание во главе семьи Факарийя Ридван-бей-аль-Факари, который сумел удерживать пост главы каравана паломников в Мекку с 1631 по 1656 гг., вопреки интригам османских губернаторов и зависти других мамлюкских семейств» (Holt 1968: 48 и далее). Османские губернаторы в эти годы реальной властью не обладали.

После смерти Ридван-бея между семьями Факарийя и Касимийя завязалась острая борьба за власть. Османские губернаторы немедленно поняли, что появилась возможность, играя на внутримамлюкских противоречиях, добиться хотя бы небольшой реальной власти. Интригуя, организуя заговоры и даже убийства, поддерживая попеременно враждующие мамлюкские группировки, им удалось расколоть мамлюкское единство, ослабить бейликат, обезглавить наиболее влиятельные мамлюкские семьи и частично восстановить османское влияние в стране. Правда, реальной власти они не добились, так как от ослабления позиций мамлюкских предводителей выиграли командиры янычарских формирований (мустахфизан), прежде всего Кючук Мехмед, который кон-

тролировал власть в Египте с 1676 по 1694 гг. Беспощадный карьерист, жесткий прагматик в последние годы своей жизни он неожиданно проявил себя как защитник интересов простых людей, борясь со спекулянтами хлебом. Те, в свою очередь, организовали заговор и убили его.

Период правления Кючюк Мехмеда сам по себе лишен масштабных событий и значимых достижений. Однако именно в это время восстановилось влияние мамлюкского дома Факарийа, который вновь вступил в борьбу с кланом Касимийа, около сорока лет не имевшим конкурентов среди мамлюков Египта. Семью Факарийа, во главе которой стоял Ибрахим-бей аль-Факари, поддерживал сам Кючюк Мехмед, а союзником выступал другой мамлюкский клан — Каздулийа. Его основали мамлюки из регулярных османских частей, и ни один его представитель до середины XVIII в. не входил в состав бейликата и не носил титула бея. Пока мамлюкские кланы готовились к решительной борьбе за власть, разрастался конфликт внутри официального войска между янычарами, с одной стороны, и шестью другими османскими корпусами, предводительствуемыми командирами корпусов азабан, с другой (Show 1962: 191 и далее).

В стране царил хаос, борьба за власть принимала все более жестокие формы, а османские губернаторы были поставлены в положение наблюдателей, от которых требовалось лишь признавать власть победителя (Ацамба, Кириллов 1996: 14–15). Ряд восстаний был вызван конфликтом между младшими и старшими офицерами янычарских частей (1699, 1706, 1707 гг.). Последнее восстание получило название «великого возмущения» и продолжалось с 1707 по 1711 гг. По существу это была настоящая гражданская война между группировками османской армии в Египте: янычарами с одной стороны, и азабан во главе других османских формирований, с другой (Raymond 1965: 95–120). Клан Касимийа помогал войскам азабан, а семья Факарийа стояла на стороне янычар, которыми командовал Афрандж Ахмад, путь к власти и методы ее удержания которого были те же, что и у его предшественника Кючюк Мехмеда. Эти силы и принимали участие в событиях 1707–1711 гг. Победу в них одержало семейство Касимийа, нанеся чувствительный урон семье Факарийа в беспощадной вендетте, вызванной гибелью одного из лидеров-касимийцев в междоусобной стычке. Окончательную победу касимийцам принесла смерть в 1711 г. янычарского главнокомандующего Афранджа Ахмада, позво-

жившая конец сколько-нибудь заметному влиянию янычар в Египте. В дальнейшем на протяжении почти ста лет политическую власть в Египте контролировали главы крупнейших мамлюкских семей, носившие титул беев (Holt 1968: 36).

Эта полная драматизма политическая борьба проходила какого-либо видимого участия местного населения, одна денежные средства с него собираемые. Степень изоляции местного сельского населения от власти в Египте в рассматриваемый период можно признать близкой к абсолютной. Несколько иначе обстояло дело с городским населением. В этот период, когда османские воинские формирования практически были у власти, рядовые солдаты и низшие чины и прежде страдали от инфляции и стабильно низких фиксированных зарплат. Они стремились улучшить свое материальное положение за счет установления взаимовыгодных отношений с ремесленниками и купечеством, которые были втянуты в коммерческие корпорации и гильдии. Солдаты переходили в побратимские отношения с торговыми и ремесленными людьми, получая от них ежемесячное денежное вознаграждение в обмен на защиту от произвола государственных чиновников и иных чиновников. В итоге армейские формирования не давали гражданской администрации обременять ремесленников и торговцев слишком высокими налогами и принудительными займами, тогда как солдаты получали дополнительные заработки, а нередко и новую профессию. Многие солдаты стали родниться с местным населением, оказывая протекцию своим компаньонам, а порой и родственникам из числа египетских ремесленников и купцов в получении последними формального членства в янычарских и других османских армейских корпусах, дававших право на ежемесячное жалованье. К концу XVII в. стало практически невозможно по внешнему виду отделить ремесленника от солдата (Marsot 1994: 43). Постепенно произошло закрепление за определенными группами египетской военно-политической элиты источников финансирования: османские официальные армейские части создали себе экономическую базу путем эксплуатации городских ремесленно-купеческих гильдий и корпораций, тогда как мамлюки в качестве экономической основы своего существования использовали эксплуатацию сельского населения через систему илтизамов. Такое разделение сфер эксплуатации Египта устраивало и османские формирования, так и мамлюков, пока

в XVIII в. страну не захлестнула волна инфляции, обесценившая деньги за столетие (с 1688 по 1791 гг.) почти на 50 %, что наряду с неблагоприятными изменениями в сфере международной торговли, непрекращающимися внутренними междоусобицами дестабилизировало политическое положение и привело к вооруженным конфликтам 1707–1711 гг. (Marsot 1994: 44).

Результатом этих событий стало невиданное прежде ослабление позиций османских военных формирований в Египте, а следовательно, и утрата торгово-ремесленными кругами египетских городов, тесно связанных с этими армейскими частями, даже косвенных рычагов влияния на политическую жизнь в стране. Образовавшийся вакуум заполнили мамлюкские беи, установив контроль как над всеми семью османскими оджаками (корпусами), так и над всей страной, включая ее экономические ресурсы (Абд ар-Рахим 1986: 91–92 *араб.*). Созданная мамлюками система правления, известная как бейликат, еще почти на столетие исключила доступ египтян к политической власти и просуществовала до французской оккупации Египта в 1798 г.

ГОСПОДСТВО МАМЛЮКСКИХ БЕЕВ (1711–1760)

Примерно та же комбинация факторов, которая разразилась в XVII–XVIII вв. административно-бюрократическую систему в Стамбуле, привела к ослаблению эффективности этой системы и на уровне провинций. Главнейшим из этих факторов, по мнению Д. Креселиуса, стало формирование вопреки воле имперского центра мощной провинциальной военизированной элиты, имевшей по сравнению с предшествующим периодом устойчивую иерархизированную структуру. В Анатолии (Малая Азия) они назывались джабеи, в арабских и европейских провинциях — айды (нотабли) (Creselius 1981: 1, 2). В Египте этот процесс особенно стремительно и приобрел наиболее угрожающие для интересов империи формы в период правления Али-бея Кабира (1768–1773 гг.), который обратился к закланному в плен Османской империи — России в лице командующего Черноморской эскадрой во время первого средиземноморского военного морского похода (1769–1774 гг.) графа А. Г. Орлова с пр

соединением о военном союзе для борьбы против турок (ИВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 597, л. 69, 70).

Формирование непослушной центру, угрожающей империи интересам провинциальной военизированной элиты из аянынов было рано замечено в Стамбуле, однако слабая империя не могла найти в себе силы и средства бороться с этим явлением. По мнению М. С. Мейера, структурный кризис, поразивший османское общество в XVIII в., привел к появлению фундаментальных диспропорций в экономике, политике, социальной сфере, ликвидировать которые было возможным лишь на пути радикальных реформ, предпринятых уже в XIX в. Если в 20-х годах XVI в. центральное османское правительство располагалось примерно половиной общих доходов, то в 60-х годах XVII в. — четвертой частью, а к началу XIX в. Стамбул контролировал лишь малую часть всех сборов с населения. Это частично объясняется тем, что в XVIII в. государство утратило возможность жестко контролировать доходы аянынов. Подобные сбои в механизме государственного управления и контроля особенно остро ощущались в провинции, что иллюстрируется положением дел в Египте. Ослабление военного могущества империи в XVIII в., особенно ясного на фоне усиления европейских держав, прежде всего России, наряду с «великой депрессивной скудостью» лишали имперский центр действенного контроля над зависимыми территориями. Именно в XVIII в. произошло превращение Османской империи в периферийный элемент мировой капиталистической системы, благодаря чему в XIX в. заработал механизм «зависимого развития», последствия которого сказываются и сегодня как в Турции, так и в ее бывших арабских провинциях (Мейер 1991: 4, 30, 78, 154).

Наряду с общеимперскими кризисными явлениями, в египетской провинции в XVIII в. имелись дополнительные местные факторы, дестабилизировавшие общественную жизнь. Как уже говорилось выше, вооруженные конфликты между воинскими формированиями были результатом их соперничества за источники доходов. В качестве таковых османские военные корпуса имели несколько официально укрепленных за ними городских предприятий (кварталы, цехи, гильдии и пр.), с которых они имели право получать денежные средства, обеспечивавшие им достаточный уровень заработной платы. Кроме того, дополнительные средства, как говорилось выше, давало сотрудничество с ремесленными

корпорациями. До 1730 г. существенным дополнением к этим средствам были доходы от торговли кофе, контролем которой также находился в руках представителей военизованной элиты, имевших партнерские отношения с купечеством. Наряду с торговлей кофе большие прибыли приносила торговля текстилем и в меньшей степени пряностями. Товары доставлялись в Европу с Востока как правило через Аравийский полуостров, затем судами до Египта, откуда продавались в Османскую империю через Сирию, а также в Европу, Судан и Северную Африку. Египетская посредническая торговля, таким образом, имела межрегиональное значение. При этом на Османскую империю и Сирию приходилось свыше 40% ее общей стоимости, на Аравию и страны Востока — около 35, на Европу — до 15, на Северную Африку — не более 4% (Creselius 1981: 13). Несмотря на то, непосредственный объем египетских торговых операций Европой был сравнительно невысок, опосредованно Египет сильно зависел от европейского рынка, поэтому, когда в XVIII в. произошло смещение центра экспортных операций из Египта и Сирии, являвшихся прежде основными районами сбыта транзитных товаров, в Западную Анатолию (Малая Азия) и на Балканы, египетская экономика понесла ощутимые потери (Мейер 1991: 57).

Другой удар египетской торговле нанесли французы, которые к 1730 г. начали производить кофе на Антильских островах, заметно потеснив в торговых операциях знаменитый аравийский кофе «мокко», что незамедлительно повлекло на достаток тех египтян, кто занимался этой торговлей. А. Марсо, описывая эту «кофейную войну», подчеркивал, что антильский кофе, менее вкусный, чем аравийский, продавался значительно дешевле и скоро завладел европейским рынком. Даже турки, которые вначале пытались блокировать доступ антильского кофе на османский рынок, вскоре начали его покупать. Сорт «мокко», хотя и продолжал пользоваться спросом, но уже не приносил прежней прибыли.

Третье торговое поражение было нанесено Египту в области торговли текстилем. В начале XVIII в. он составлял 60% египетского экспорта в Европу, при этом одним из главных торговых партнеров Египта была Франция. Ситуация изменилась, когда французы ввели ограничения, а затем и запрет на ввоз в страну тканей меньшей ширины, чем позволял производить изобретенный французами ткацкий станок, отсутствовавший у египтян.

Потери от неблагоприятной торговой конъюнктуры стали одной из главных причин истощения подорванных жестокими междоусобицами материальных ресурсов османских военных формирований. Не отличалось стабильностью и экономическое положение мамлюкских кланов. Каждый мамлюкский «дом» стремился перевести под свой контроль как можно больше денежных поступлений от коммерции и налогообложения. Такой «перевод» можно было осуществить только в борьбе за власть с конкурирующими группировками, победа в которых была возможной при условии получения современного вооружения, производившегося в это время в Европе. Импорт оружия из Европы стал в XVIII в. важной, главное, крайне обременительной статьёй расходов мамлюкских семей. Эти возросшие в связи с усложнением и следовательно удорожанием оружия, ввозимого из Европы, расходы пришлось на то время, когда сельские налоги практически были исчерпаны и уже не могли покрывать традиционные для мамлюков расходы на предметы повседневного расхода и роскоши, не говоря уже об экстренных расходах на новейшее европейское вооружение. Общеизвестно, что мамлюки облагали сельское податное население большими суммами, но размеры их были ограничены чертой, за которую увеличение доходов могло привести к бегству крестьян, в условиях Египта было экономически возможно, так что в XVIII в. он страдал от нехватки рабочих рук и от изнурения земли. Владение землей стало приносить меньше дохода, чем прежде, и утратило роль главного источника средств существования их владельцев. Многие мамлюки стали переселяться из сельской местности, где они жили раньше, в города, превращаясь в землевладельцев-абсентеистов, которые интересовались лишь размером доходов от своих сельских владений. Мамлюки использовали в качестве представителей своих интересов в деревне местную сельскую верхушку — айянов или сельских старшин (шейхов) из среднестатистических египтян (Абд ар-Рахим, 1986: 36–41, *араб.*). Когда они решили проблему управления своими имениями, они еще больше сократили свою долю от налоговых поступлений, так как айяны, естественно, присваивали себе часть собираемых ими налоговых поступлений. Тогда в поисках дополнительных источников финансирования мамлюки обратились к финансовым ресурсам египетского города, которые в мере ослабления османских военных формирований и их

включения в мамлюкскую военно-политическую структуру также перешли под контроль мамлюков. Вытеснив османских военных из сферы контроля за налогами и понимая, что союз с ремесленниками принесет мало пользы, мамлюки вступили в альянс с крупными международными торговцами и финансовой элитой городов. Торговцы, стремясь возместить стоимость вооружений и предметов роскоши, предоставляемых им своим союзникам-мамлюкам, энергично искали новые экспортные товары, так как кофе и текстиль уже не покрывали этих расходов. Такими товарами стало сырье, потребность в котором в Европе, переживавшей индустриальную революцию, резко возросла. Союз мамлюков с купечеством позволял им проводить такую ценовую политику, при которой цены на хлопок-сырец — главную экспортную культуру, росли, а на готовые ткани оставались неизменными. Ткани стало производить невыгодно, и египетское текстильное производство деградировало, тогда как хлопок-сырец, а также сахар и рис стали главными статьями египетского экспорта. В этом, в частности, проявилось влияние европейских рыночных отношений на Египет, которые направили его экономику по пути «зависимого развития» (Marsot 1994: 46).

Материальные потребности мамлюков не могли быть удовлетворены доходами от продажи сырья. Нуждаясь в деньгах, они начали продавать свою собственность — контрибуции по сбору налогов с определенной территории в рамках системы ильтизам. Покупателями, способными выплатить им значительные суммы наличными деньгами, были купцы, высшие улемы — смотрители за благотворительной собственностью, вверенной управлению мечетей (вакуфная собственность), женщины, в основном жены, дочери, вдовы мамлюков, которые унаследовали права взимать налоги от своих родственников по мужской линии (Абд ар-Рахим 1986: 91–99, араб.; Ацамба, Кириллина, 1996: 32–36). Подобный постепенный переход налоговых контор из рук мамлюков в руки командиров военных группировок в руки новой комбинации социальной группы позволяет допустить, что к последней трети XVIII в. земля стала предметом купли-продажи, хотя официально это не признавалось. Новые землевладельцы, опасаясь, что какие-либо политические изменения могут лишить их собственности, стали срочно переводить свои земли в категорию необратимых религиозных

ертвований (вакф), доходы с которых шли на благотворительные цели. Эти земли не могли быть конфискованы государством. Формально доходы земель вакф могли идти на нужды мечетей, школ, мавзолеев, либо на различные социальные программы, например обучение на всех ступенях (Kivlin 1968: 53–56). Многие земли вакф на самом деле были переведены в эту категорию нелегально, так как теоретически перевод земли в вакф требовал согласия султана или высших должностных лиц страны. Тем не менее, более 20% всех обрабатываемых земель страны к концу XVIII в. были переведены в категорию вакуфных. Главная особенность вакуфных владений состояла в том, что они либо совсем не облагались налогами, либо взимаемый налог был незначительным (Marsot 1994: 47). Таким образом, доходы с этих земель полностью оставались в Египте.

Подводя итог, подчеркнем, что XVIII в. привел в движение механизм социального обновления египетского общества, дал предпосылки формирования влиятельных социальных групп, состоящих из этнических египтян, как в сфере земледелия, так и в сфере торговли и ремесленного производства. Доминировавшие после 1711 г. в политической жизни элита мамлюкские беи — главы крупных мамлюкских «домов», столкнулись с серьезными финансовыми трудностями, вызванными падением доходности землевладения и торговли, с одной стороны, и потребностью в дополнительных средствах для финансирования конкурентной борьбы за власть, с другой.

Поиск мамлюками альтернативных источников финансирования имел ряд важных последствий: во-первых, это привело к усилению налогообложения городского населения; его не могли защитить османские военные формирования, руководство которых также перешло к мамлюкским беям; во-вторых, мамлюки постепенно утрачивали свои права в качестве мультатазимов, продавая налоговые конторы за небольшие деньги; в третьих, значительные земельные угодья уходили из-под контроля государства, став формально вакуфными, а фактически частными владениями; в четвертых, мамлюки в союзе с крупным купечеством проводили экономическую политику, которая подталкивала египетское сельское хозяйство к производству экспортных культур — хлопчатобумажного тростника, риса в ущерб традиционным продовольственным культурам.

Полученных в результате всех этих мер средств оказалось недостаточно для удовлетворения материальных потребностей конкурирующих мамлюкских «домов», и это привело к обострению борьбы за власть между ними. Господствующей тенденцией в этой борьбе стал отход от коллективных форм внутримамлюкского управления в пользу единоличной формы деспотического правления вождя-победителя. В основе этой трансформации, по-видимому, лежали прежде всего экономические причины: невозможность получения несколькими мамлюкскими «домами» одновременно равного и соответствующего их потребностям финансирования. Однако логика политической жизни придала этой борьбе самодовлеющий и бескомпромиссный характер, что требует рассмотрения политической истории этого периода.

До вооруженных действий 1707–1711 гг. мамлюкские беи и высшие чины всех семи османских военных корпусов обладали примерно одинаковым влиянием. П. Холт подчеркивает, что уже в начале XVIII в. военная элита Египта слилась с мамлюкской системой организации. Это подтверждается происхождением трех крупнейших семейных кланов, которые вели борьбу за власть после 1711 г.: семья Факарий была основана мамлюками из черкесов; их союзники — клан Каздухли, имевший турецкие корни, возник в среде османских военных; семья Касимийа была боснийского происхождения, но уже в XVII в. стала неотличимой от мамлюков. После 1711 г. вся военная элита Египта объединилась под эгидой мамлюкского бейлика, который превратился в признанный центр власти. Примечательно, что Ибрахим Каздухья — лидер клана Каздухли (ум. в 1754 г.), не будучи сам беем и не входя в бейликат, добился того, что десять его мамлюков получили титул беев, что открыло этой семье путь к власти (Holt 1968: 87).

Постепенно бейликат, т.е. объединение лиц, носящих титул беев, превратился из клуба мамлюкской знати в центральный орган государственной власти. Главенство в бейликате именовалось термином «рийаса» (главенство, лидерство), который не имел юридического и концептуального обоснования, но был общепризнан. Борьба за первенство среди беев («рийаса») и составляла суть политической жизни бейликата. При этом право на главенство могло иметь как одно лицо, так и коалиция из двух и более беев. Смена лидера бейликата никак не регламентировалась, и борьбу за «рийасу» допускалось вести любыми средствами. К середине

XVIII в. к этому добавилось важное нововведение — лидер бейлика стал получать титул, который был официально признан османскими властями. Таких титулов было несколько: «амир Миср» — «эмир Египта»; «кабир аль-балад» — «большой (человек) страны»; «кабир аль-каум» — «большой (человек) нации». Однако общепризнанным, фактически носившим значение «правитель страны», стал титул «шейх аль-балад» — «старейшина страны», который впервые появился в 30-е годы XVIII в., и который верховные мамлюкские беи носили до 1798 г. (Holt 1968: 87–88; Люзиньян 1989: 28).

Вскоре после завоевания первенства в 1711 г. семья Касимийа распалась на враждующие группировки, что дало их противникам — тандему Факарийа-Каздухли возможность собрать силы и нанести своим противникам сокрушительное поражение в 1730 г. Клан Касимийа, хотя и сохранился как самостоятельное мамлюкское объединение, но уже никогда не обивался верховной власти. Часть разгромленного клана Касимийа нашла прибежище в Верхнем Египте, где власть захватил их давний союзник шейх Хумам из племенного союза Нисф Харам.

«Дом» Факарийа, придя к власти, также не смог сохранить внутреннее единство и распался на конкурирующие фракции, борьба между которыми ослабила лидирующие позиции этой семьи и открыла путь к власти («рийаса») главе союзного факарийцам клана Каздухли — грузину по происхождению Ибрагиму-кяхья аль-Каздухли. Ибрагим-кяхья заключил союз с одним из командиров османских частей, главой маленького мамлюкского семейства аль-Джульфия — Ридваном аль-Джулфи, с которым они удерживали власть семь лет до 1754 г., когда Ибрагим-кяхья скончался, что ввергло бейликат в очередной период междоусобиц, первой жертвой которых пал Ридван Джулфи (Аль-Джабарти 1978: 11). После нескольких лет борьбы победу одержал выходящий военный и политический деятель, последний значительный правитель из египетских мамлюков Али-бей по прозвищу аль-Кабир («Большой», «Великий»). В 1760 г. он был провозглашен главой бейликата с титулом «шейх аль-балад» (Holt 1968: 88).

АЛИ-БЕЙ АЛЬ-КАБИР И ЕГО ПРЕЕМНИКИ (1760–1798)

Али-бей — абхаз по происхождению, выходец из семьи православного священника, принадлежал к младшим мамлюкам Ибрахим-кахья аль-Каздухли (ум. 1754 г.), после смерти которого он получил титул бея (Лузиньян 1789: 43). В 1760 г., благодаря поддержке и союзу с кланом Каздухли, Али-бей был провозглашен главой бейликата с титулом «шейх аль-балад». Новый лидер мамлюков был хитер, энергичен, честолюбив и жесток. Конкурирующие мамлюкские кланы несколько раз отстраняли его от власти. Однако в 1767 г. Али-бей восстановил свое главенство в бейликате, а в 1769 г. триумфально закрепил эту победу, безжалостно расправившись с оппозицией (Аль-Джабарти 1978: 311 и далее). Придя к власти, он предпринял меры, которые отличались от общепринятых. Вместо того, чтобы поделиться конкурирующими кланами доходами от таможен и тем устоять им, он лишил своих противников всех привилегий, спровоцировав их протесты, уничтожил или заточил в тюрьму всех своих конкурентов, как мамлюков, так и османов. Али-бей, в отличие от его предшественников, обложил немусульман (иудеев, коптов и европейских купцов) грабительскими налогами и незаконными поборами. Известен случай, когда он похитил четырех христианских священников, чтобы получить за них выкуп (Creselius 1981: 38–39).

Вероломство, предательство своих бывших союзников, беспощадность к конкурентам, цинизм и лицемерие были теми «преимуществами», которые отличали Али-бея от его более щепетильных коллег и приносили ему успех в борьбе за власть. Неслучайно его часто называли Али-джин, т. е. Али-демон. За свой феноменальный рост и физическую силу его еще называли «Булут Капан» («Раздвигающий облака»). Он ввел в бейликат своих мамлюков и клиентов, обеспечив тем самым собственное единоначалие. Его ближайшими сподвижниками были два мамлюка: Ибрахим и Мухаммед, прозванный за свою щедрость Абу-з-Захаб («Отец золота»), и весь «дом» Али-бея к 1766 г. насчитывал около 3000 мамлюков. Для их содержания Али-бею требовались огромные деньги, которые он беспощадно выбивал из своих соотечественников (Livingston 1971: 221).

Али-бей не довольствовался только тем, что стал верховным правителем страны. Он стремился сделать Египет независимым от Османской империи, расширить его границы, за счет захвата Сирии и Хиджаза, как это делали прежние правители (Рафик 1968). Не имея времени ждать, когда подрастут его мамлюки, Али-бей формировал армию из наемников, часто принимая к себе на службу целые отряды. Подобная неразборчивость ослабляла сплоченность и надежность его армии по сравнению с традиционной мамлюкской, где приверженность семье, дому, лидеру, стране воспитывались годами и передавались из поколения в поколение. Компенсировать это должен был новый централизованный политический режим, который пришел на смену децентрализованной гибкой системе клановых союзов, характерных для бейликата.

Новая система требовала новых мировоззренческих установок, которые насаждались сверху вместе с новыми административными принципами. Али-бей назначил своих людей в качестве наместников во все 14 египетских провинций. Система вертикального подчинения, введенная Али-беем, должна была беспрекословно претворять в жизнь его команды.

Важным элементом внутренней политики Али-бея было его стремление найти поддержку мусульманского духовного сословия, состоявшего преимущественно из этнических египтян и обладавшего огромным влиянием на своих сограждан. Важным достижением на этом пути стала безусловная поддержка со стороны признанного главы египетского мусульманского духовенства — шейха Шамс ад-Дина Мухаммада аль-Хифни (1688–1767 гг.). Он возглавлял суфийское братство халватийя, в которое входила элита богословского сословия Египта. Кроме того, он занимал пост ректора богословского университета аль-Азхар — крупнейшего центра по подготовке религиозных кадров Египта и всего мусульманского мира (подробнее см.: (Ессел 1984)). Его преподаватели занимали почетное место в составе высшего слоя египетских богословов. Это делало аль-Хифни непререкаемым авторитетом не только в вопросах религии, но и в политике. По словам летописца аль-Джабарти, ничто в деятельности правительства Египта не воплощалось в жизнь без его одобрения. Сторонниками Али-бея были также влиятельный имам и шейх Мухаммад аль-Халбави ад-Дамахари (ум. 1778–1779 гг.), ученый и религиозный деятель Хасан Бурхан ад-Дин аль-Джабарти (ум. в 1774 гг.), который являлся отцом

упоминавшегося летописца той эпохи Абд ар-Рахмана ал Джабарты (Ацамба, Кириллина 1996: 40–43). По-видимому, начиная со времени правления Али-бея, египетские богословы, прежде всего шейхи аль-Азхара и лидеры суфийских братств, стали играть в политической жизни страны все более растающую роль, которая достигла своего апогея в период борьбы против французского вторжения (1798–1801 гг.), также накануне и в начальный период правления Мухаммеда Али с 1801 по 1808 гг. (Ессел 1984: 196–199).

Утвердив таким образом свою безоговорочную власть, Али-бей начал борьбу против арабских племенных шейхов в Верхнем Египте, чтобы обезопасить доставку зерна для обеспечения столицы и северных провинций продовольствием. В 1769 г. Али-бей выполнил эту задачу. Шейх Хумам — предводитель племен Верхнего Египта, умер в нищете. Али-бей поставил под свой контроль международную торговлю. Далее он заменил на сирийцев-эмигрантов прежних руководителей налоговой службы, главным образом евреев, которым Али-бей не доверял, ибо у них имелись прочные связи с воинскими формированиями. С их помощью была введена новая, более эффективная система налогообложения и контроля за источниками денежных поступлений (Marsot 1994: 47–48). Торгово-коммерческие интересы Египта требовали установления египетского влияния над Хиджазом (Аравия) и Сирией (Рафик 1968: 372–374, *араб.*). Хиджаз удалось захватить легко в 1770 г. В том же году началось египетское наступление на Сирию, которую османы не хотели отдавать, справедливо считая ее ключевой геополитической территорией (Шалаби 1990: 307–310, *араб.*; Лузиньян 1789: 63). Общеизвестно, что из Европы и Азии в Африку ведет по суше только один путь — через Сирию. Существование Египта, как справедливо отмечал Н. Н. Муравьев, «не было зависимо от внешних стран», поэтому он всегда был готов отделиться от Османской империи, и первым шагом на этом пути было установление египетского контроля над Сирией, что защищало египетские владения от внезапного нападения через сирийскую территорию и создавало плацдарм для египетского вторжения в Малую Азию. Отметим, забегая вперед, что значение Сирии как гаранта египетской независимости и безопасности признавали и Наполеон Бонапарт, предпринявший в 1799 г. свой знаменитый сирийский поход (Слоо 1997: 389), и Мухаммад Али, сделавший Сирию после

1832 г. плацдармом для египетского наступления на Стамбул (Муравьев 1874, ч. 1: 108).

Сознавая стратегическое значение сирийских территорий для османских интересов в этом районе, османские султаны прилагали значительные усилия, чтобы не допустить египетского проникновения в Сирию. Главнейшим результатом османской административной политики в завоеванных Сирии и Египте было то, что османам удалось сломить историческое, политическое и экономическое единство этих арабских провинций. Сирия и Палестина были разделены на несколько независимых друг от друга административных единиц, ни одна из которых не могла противодействовать в одиночку османскому политическому и экономическому диктату или препятствовать на себя объединение всего сирийского региона. Эти территории не смогли освободиться от османского влияния до начала первой мировой войны. Египет, благодаря уникальным географическим условиям, был сохранен как единая территория, но традиционные связи между ним, Сирией и Палестиной оказались разрушенными. Палестина, естественный мост, соединяющий Египет с Сирией в единый политический союз, находясь под османской юрисдикцией, эффективно использовалась как барьер для египетского проникновения на север в направлении к османской столице. Али-бей осломал этот барьер, заключив союз с османским наместником в Палестине Дахиром аль-Омаром (Creselius 1981: 4).

Период правления Али-бея полностью совпадает с одной из наиболее значительных по своим результатам русско-турецких войн 1769–1773 гг. Воспользовавшись ослаблением Стамбула, потерявшего флот в сражении при Чесме (25–26 июня 1770 г.), Али-бей объявил о своей независимости от турок. То же сделал Дахир аль-Омар в Палестине, поддержав интитурецкий курс египетского лидера. Заручившись поддержкой русского флота под командованием графа А. Г. Орлова (1771 г.), Али-бей предпринял серьезную подготовку к войне против турок, обучая свою армию владению всеми видами огнестрельного оружия. Приобретенные у России суда он оснащал корабельными пушками, готовясь к борьбе не только на суше, но и на море. В 1771 г. египтяне, поддержанные войсками Дахира, развернули наступление в Сирии, взяли Дамаск, Сайду и осадили Яффу, но все оказалось напрасным. Османы пошли по тому же пути, который принес им победу над мамлюками в 1516 г. Они подкупили ближайшего сподвижника Али-бея — Мухаммада

Абу-з-Захаба, который в решающий момент борьбы за Сирию вел вверенных ему мамлюков из Дамаска в Верхний Египет и начал вооруженную борьбу против своего бывшего командира. Преданный людьми из своего ближайшего окружения Али-бей ради спасения собственной жизни вынужден был искать защиты у своего союзника Дахира, который сам после потери Дамаска и ухода мамлюков из Сирии находился в критическом положении. В этот момент по просьбе сирийских и египетских союзников к берегам Сирии пошла русская эскадра под командованием Ризо и овладела Бейрутом, над которым был поднят российский флаг (май 1772 г.). Осенью 1772 г., заключив перемирие с турками, русский десант был выведен из Бейрута, и он опять перешел под контроль турок. Граф Орлов направил Али-бея своего представителя лейтенанта Плещеева с уверениями в поддержке Россией антитурецкой политики египтян, сопроводив эти слова большим количеством оружия и боеприпасов. Собранный шеститысячный корпус, Али-бей двинулся против мятежных мамлюков, однако в сражении при Самихин (северо-восточная часть египетской дельты) он понес поражение, был тяжело ранен, взят мятежниками в плен и 8 мая 1773 г. скончался в Каире. Трагически завершилась и судьба его союзника Дахир аль-Омара. Выполняя свои союзнические обязательства, российская эскадра после трехмесячной осады комбинированным ударом с суши и с моря вторично захватила Бейрут. Ливанский эмир Юсеф Шехаб, известный своим прагматизмом, в очередной раз перешел на сторону победителей и обратился к Екатерине II с просьбой принять его в русское подданство и установить русский протекторат в Ливаном. Однако после заключения Кючук-Кайнарджийского мира между Россией и Османской империей (1774 г.) эта просьба была отклонена, русские войска покинули сирийское побережье, открыв путь для османского наступления на Палестину. Шейх Дахир был осужден османскими войсками в Акке и в 1775 г. погиб (Луцкий 1965: 30).

После смерти Али-бея верховная власть в Египте вместо титулом «шейх аль-балад» перешла к проосмански настроенному бывшему союзнику, а затем непримиримому врагу Али-бея — Мухаммаду Абу-з-Захабу, смерть которого в 1776 г. вновь открыла период междоусобной борьбы внутри клана Каздухли за верховную власть в бейликате. Главными участниками этой борьбы были, с одной стороны, Исмаил-бей

Исходный сподвижник Али-бея, с другой, два мамлюка покойного Абу-з-Захаба — Мурад-бей и Ибрахим-бей. В итоге по дуумвирату Мурад-бей и Ибрахим-бей: Ибрагим-бей, младший из двоих, получил титул «шейх аль-балад» и возглавил бейликат, а младший — Мурад-бей, закрепил за собой должность командующего караваном паломников. Кроме того желания сохранить свою власть, между этими лидерами не было единомыслия. В 1786 г. Стамбул предпринял попытку восстановить свою власть над Египтом. Специальный корпус под командованием адмирала Гази Хасан-паши был выслан для мамлюкских беев высадился в Александрии и начал наступление на Каир. Ибрахим-бей сразу же покинул Каир со своими мамлюками и устремился на юг в Верхнюю Египет, где он был недосыгаем для османов. Мурад-бей, оставив, двинулся на север и сразился с османами в дельте, но был разбит и также присоединился к бежавшему на юг Ибрахим-бею.

Хасан-паша захватил власть в Каире и начал проводить реформы, призванные ослабить позиции мамлюков, прежде всего дуумвирата Ибрахим-бея и Мурад-бея. Своей опорой новый османский губернатор сделал противника дуумвирата Ибрахим-бея. Однако загнанные османскими карательными войсками далеко на юг мятежные мамлюки дуумвирата немедленно восстановили свои позиции в качестве правителей Египта после ухода османских войск, вызванного опасностью новой войны Османской империи с Россией (Holt 1966: 99–101, Адамба, Кириллина 1996: 48 и далее). Правление Мурад-бея и Ибрахим-бея продолжалось до июля 1798 г., когда высадился в том же месте, где за десятилетие до того высадились войска османов, на египетский берег вступили войска Наполеона Бонапарта.

Османская попытка восстановить свое влияние в Египте провалилась. В очередной раз мамлюкский политический режим и вся египетская социальная система продемонстрировали удивительную стабильность. Внутренних кризисных факторов даже при наличии внешнеполитического давления не хватало для разбалансировки системы. Самоохранительные силы действовали компенсаторно по отношению к группам противоречий. Однако конфликт выявил ряд новых тенденций во взаимоотношениях Египта с Османской империей. Османское вторжение было первой попыткой Стамбула ликвидировать автономию местных провинциальных властей, которая существовала в Египте с момента османского завое-

вания. Обращение к ценностям ислама с целью привлечения симпатий египтян к османскому султанату предвосхищало панисламскую политику османских властей в XIX в. (об этом см.: (Фадеева 1985)). Наконец, эти события показали, насколько трудно будет сломить власть мамлюкской корпорации в Египте. Первым шагом на этом пути стала структурная перестройка, которая произошла под влиянием французского вторжения, когда армия французов, имевшая опыт войны в Европе, возглавляемая опытным и талантливым полководцем — Наполеоном Бонапартом, высадилась в Египте с намерением сделать его своей колонией.

Французское вторжение явилось логическим результатом вовлеченности Египта в комплекс международных проблем контексте так называемого Восточного вопроса. Появление термина Восточный вопрос не имеет точной датировки. Известный российский историк С. М. Соловьев утверждал, что Восточный вопрос «появился в истории с тех пор, как европейский человек осознал различие между Европой и Азией» тогда как военно-политическое противостояние Османской империи европейским державам он рассматривал как частное проявление глобального конфликта между Азией и Европой (Соловьев 1882: 294). М. Н. Покровский и некоторые другие современные ему авторы определяли возникновение Восточного вопроса «естественным образом с момента появления турок в Европе в середине XIV в.», а в узком смысле — как вопрос о турецком наследстве, с Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. (Покровский, 1929: 309, 321–322). В англоязычной историографии возникновение Восточного вопроса чаще всего связывают с русско-турецкой войной 1768–1774 гг., а также возникшим тогда же египетско-османским противоборством, достигшим кульминации в 30-е годы XIX в. (Anderson 1970: 9). Авторы работы «Восточный вопрос во внешней политике России», полагают, что под Восточным вопросом следует понимать международную проблему середины XVIII–начала XX вв., появление которой связано с военно-политическим ослаблением Османской империи борьбой крупных европейских держав за колониальный раздел ее территорий (Восточный вопрос 1978: 4–5). Большинство авторов рассматривает Египет и Сирию в качестве объектов политической борьбы в рамках Восточного вопроса, подчеркивая возрастающее значение внешнеполитического фактора на их историю на протяжении XIX в.

ВТОРЖЕНИЕ АРМИИ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА В ЕГИПЕТ (1798–1801)

Французскому вторжению в Египет предшествовали несколько лет, отличавшихся недостаточным разливом Нила. Это вызвало неурожай, голод, за которыми традиционно следовали эпидемии вирусных болезней. Вновь хроники упоминают случаи каннибализма и трупоедения животных. А Марсо, описывая эти события, подчеркивает, что феллахи покинули из деревень в город в поисках пропитания, но в городе еды было недостаточно, то они умирали прямо на улицах. Сельхозугодья оказались покинутыми, так что некому было сажать следующий урожай. Из-за отсутствия рабочих рук часть земель превратилась в пустоши. В городах некоторые группы ремесленников были разорены купцами, которые стремились развалить местное производство, чтобы получить возможность вывоза сырья за рубеж. Это произошло, например, с текстильным производством. Ремесленники разоренных отраслей превратились в безработных и частично деклассировались. Торговля, по выражению самих египтян, «дремала» («тигяра кянат наима»). Для ее развития не хватало капиталов. Резко возросла конкуренция со стороны европейских товаров. На этом фоне становится понятно, почему французское вторжение, одно из многих подобных вторжений, которые пережил Египет за века своей истории, оказалось той недостающей силой, которая привела в движение механизм египетского социального обновления.

В исторической карьере Наполеона Египетский поход, по словам Е. Тарле, играет особую роль (Тарле 1996: 71). Из-за отсутствия фактических доказательств причины экспедиции в Египет можно понять только в контексте анализа личности Наполеона. Это было его изобретение. Отправляясь из Тулона в 1798 г., сам Наполеон заявил, что экспедиция эта представляла собой правое крыло армии, предназначенной действовать против Англии. С присущей ему афористичностью и убежденностью в правоте своего дела Наполеон говорил, что «уже недалеко то время, когда мы почувствуем, что для того, чтобы в самом деле разгромить Англию, нам нужно овладеть Египтом» (Тарле 1996: 72). В то же время эта экспедиция, по словам В. Слоона, гармонизировала со старинной французской

политикой и с восточным романтизмом, составлявшим выдающуюся черту самого Бонапарата. Не случайно современники сравнивали наполеоновский поход в Египет с религиозными войнами французских крестоносцев XI–XIII вв. Кроме того, экспедиция давала Наполеону шанс выждать с честью для себя, как будут развиваться события в Париже, где для него обстоятельства складывались неблагоприятно (Слоон 1997: 375 и далее). Одним из внешних поводов для французского вторжения послужили систематические нарушения мамлюками положений франко-турецкого договора 1785 г., по которому французские купцы имели право беспрепятственно перевозить свои товары к Красному морю (Крымский 1971: 145).

Масштаб этого похода поразил даже посвященных в дела профессионалов. В экспедиции принимал участие самый многочисленный флот, какой Франция когда-либо имела на море. Четыреста тяжело нагруженных транспортных судов прикрывали пятнадцать линейных кораблей, пятнадцать фрегатов, семь корветов и тридцать военных судов меньших размеров. На них было погружено 40 тыс. человек, составлявших цвет вооруженных сил республики во главе с такими прославленными генералами, как д'Иллье, Вобуа, Дезе, Клебер, Мену, Ренье, Дюгуа и др. Совершенно необычным было то, что в составе экспедиции находилась миссия из более чем ста ученых, призванных «собирать сокровища древних фараонов». По собственному признанию Наполеона, 19 мая 1798 г., в день отплытия эскадры из Тулона, ум его был полон грезами об империи на трех континентах (Слоон 1997: 377–378).

Спустя много лет, имея неограниченное время для размышлений, находясь в изгнании на острове Св. Елены, Наполеон продиктовал следующее объяснение своего похода: «Если бы Египет находился под французским управлением лет 50, население его значительно бы увеличилось, и он явился бы рынком для наших мануфактур, что способствовало бы развитию нашей промышленности... Франция же со своей стороны получала бы из Египта хлеб, рис, соль и другие продукты Африки и Азии... Если бы французы обосновались в Египте, англичане не сумели бы удержаться в Индии. Флот, построенный у берегов Красного моря, сделал бы нас неожиданно для англичан, хозяевами Индии...». Соединив воедино ранние и поздние взгляды автора этого проекта и его детище, можно, видимо, составить объективное представ-

ление об истинных целях похода, обусловленных политическим прагматизмом, экономическим расчетом, геополитической стратегией и, конечно, личными амбициями самого командующего.

Поход начался с выхода французской эскадры из Тулона. Без особых трудов был взята город-крепость Мальта, после чего французам удалось счастливо избежать встречи с английской эскадрой адмирала Нельсона, которому были даны строжайшие инструкции во что бы то ни стало завязать сражение с неприятелем. Уже 1 июля 1798 г. началась высадка французского экспедиционного корпуса в 12 км к востоку от Александрии, в которую французы вступили вечером 2 июля после непродолжительного сопротивления мамлюков и горожан. В воззваниях, расклеенных на стенах города, Наполеон отобразил все дурные стороны правления мамлюков, заявив, что французы прибыли в Египет как друзья турецкого султана, чтобы покарать мамлюков и защитить ислам (Anderson 1970: 19–20).

Далее последовал поход французских солдат из Александрии к Каиру, явившийся для них тяжким испытанием. Нобо над ними казалось раскаленной печью, ноги вязли в горячем песке, летучие мамлюкские конные отряды тревожили французов своими нападениями (Слоон 1997: 382). Однако после скоротечного боя близ деревушки Шубра-Хит (на левом рукаве Нила), во время которого французы были поражены блестящим внешним видом и доблестью мамлюкской кавалерии, а мамлюки — неприступностью французского боевого построения — знаменитого каре по шесту человек в глубину, состоялось генеральное сражение, так называемая «битва при пирамидах» (21 июля 1798 г.). Солдаты! — обратился Наполеон к стоящим перед ним каре гвардейцам непосредственно перед боем. — Сорок тысяч смотрят на вас с вершин этих пирамид!» В этом сражении мамлюкская армия была полностью разбита, погибла почти вся египетская пехота, многие египтяне утонули в Ниле. Французы вступили в Каир. Только небольшой части мамлюков во главе с Мурад-беем удалось уйти в Верхний Египет, где они могли контролировать поставку пшеницы в дельту. Ирахим-бей с остатками войск начал отходить к сирийской границе в район Газы (История 1976: 103; Клот-бей 1845: 40 и далее).

Французам никогда не удалось установить свою власть над всей территорией страны. Как только они поднимали вверх по Нилу, мамлюки уходили южнее в Судан, а после ухода французов вновь устанавливали контроль над Верхним Египтом. Французы не имели сил и средств для закрепления своего военного присутствия во всех крупных египетских городах, без чего управлять Египтом было невозможно. Фактически Наполеон контролировал Каир и прилегающую к нему часть дельты Нила, включая города-порты Александрию и Дамиетту. Военно-политическое положение французов было нестабильным в принципе. 21 октября 1798 г. вспыхнуло первое антифранцузское восстание в Каире, которое стоило жизни сотням французов и тысячам египтян. Примерно тогда Наполеон произнес свои знаменитые слова: «Повиноваться для них — значит бояться» (Ал-Джабар 1962: 26). Головы мятежных египтян привозили в Каир в мешках и высыпали на базарных площадях для устрашения населения. Личный секретарь Наполеона писал в своих воспоминаниях: «Каждый вечер я писал приказы казнить заключенных. Казни совершались ночью. Трупы клали в мешки и бросали в Нил. Так продолжалось несколько ночей. Было казнено и много женщин» (Саид 1964: 28).

Непрочность французского положения резко возросла после разгрома английским флотом адмирала Горацио Нельсона великопленной французской эскадры в бухте Абу-Кир восточнее Александрии 1 августа 1798 г. С этого времени французский корпус в Египте оказался в ловушке. На острове Св. Елены Наполеон утверждал, что неудачный исход египетской экспедиции стал ему ясен сразу же после абукирской победы Нельсона (Слоон 1997: 400). Стремясь сорвать турецко-мамлюкское наступление на Египет из Сирии, Наполеон предпринял военный поход в г. Акку (современный Израиль), который закончился катастрофой: нанесла невосполнимый ущерб французской армии, и Наполеон впервые в жизни отдал приказ отступить и вернуться в Египет (Слоон 1996: 393). В этой критической для французов обстановке, через 11 месяцев после высадки на египетской земле Наполеон решает вернуться во Францию, где ему предстоит организовать переворот 19 брюмера и занять пост Первого консула, а затем и императора Франции. Египетский «трамплин» сыграл, таким образом, историческую роль в судьбе Наполеона: он вернулся во Францию за

телем Египта, скрыв от соотечественников безнадежное положение оставленной им там армии.

После всего отъезд Наполеона из Египта именуют бегством. Французская армия осталась в Египте без флота, без снабжения, практически без надежды на то, чтобы быть эвакуированной. Генерал Клебер, которого Наполеон оставил в Египте, сделал довольно много. Он, в частности, договорился с мамлюками Верхнего Египта о поставках его армии продовольствия в обмен на признание мамлюкских лидеров правителями этой части страны. Однако соглашение было сорвано восстанием, которое произошло в Каире весной 1800 г. (Фильштинский 1958).

К этому времени уже определился баланс военно-политических сил. Французов безоговорочно поддерживали египетские копты (христиане-монофизиты) во главе с Якубом Хана. Сторону французов принял также известный религиозный деятель Абдаллах Шаркави, возглавивший либеральную группу городских нотаблей. Его примеру также следовали Мухаммад аль-Махди (1737–1815), который играл роль связующего звена между оккупантами-французами и верхушкой каирского духовенства, и Халиль аль-Бакри (ум. 1809 г.), получивший из рук французов горячо желаемый пост накиб аль-ашрафа — главы сословия шерифов — ведущих свое происхождение от пророка Мухаммада; после французской капитуляции он был лишен этого звания и прожил жизнь в нищете и позоре (Ацамба, Кириллина 1990–91). Эти мусульманские религиозно-политические деятели были в явном меньшинстве, так как большинство из них принадлежало к мусульманскому религиозно-учебному центру (университета) аль-Азхар, который стал своеобразным штабом борьбы против французских оккупантов, поддержало французов. Мамлюкскую сторону приняли также главы египетских суфийских религиозных братств Ахмадийя, Рифаийя, Кадырийя, Бурхамийя и др., которые имели огромное влияние на египтян (Ат-Тавиль 1988: 54–57, араб.). Антифранцузскую оппозицию возглавлял Омар Макрам аль-Маджиди. Вооруженную борьбу с французами вели различные фракции мамлюков во главе с Мурад-беем, Ибрахим-беем, Мухаммад-беем Эльфи, отряды Мулайя Мухаммада — сына египетского султана, вооруженные части османского наместника в Сирии Ахмада Джаззар-паши, османские войска во

главе с Несиф-пашой, которых поддерживала Англия, и многие другие.

Суровое подавление генералом Клебером второго каироского восстания (март-апрель 1800 г.) не осталось для него без последствий: 14 июня 1800 он был убит при выходе из собственного дома четырьмя ударами кинжала мусульманским террористом Сулейманом аль-Халяби, сирийцем из Алеппо (Халеб). Французский военный трибунал, желая умиротворить антифранцузскую оппозицию, постановил сечь аль-Халяби правую руку, а затем посадить его на кол. Аль-Халяби без звука вытерпел сожжение руки на костре, затем так же мужественно в течение четырех с половиной часов умирал, воздетый на кол (Луцкий 1965: 40). Убитого Клебера на посту главнокомандующего французской армии сменил генерал Жак Мену — способный администратор, который всерьез принялся за реорганизацию административного управления Египта с целью превращения его во французскую провинцию, как этого хотел Наполеон. Мену еще при Бонапарте принял ислам, получил имя Абдаллах и женился на дочери владельца бани из Розетты, ошибочно полагая, что женится на представительнице египетской аристократии. В итоге он стал посмешищем как для своих собственных солдат и офицеров, которые желали только одного — скорейшего возвращения на родину, так и для египтян, которые потешались над его обращением со своей женой как с французской, что было дико даже для нее самой. Ошибка Мену состояла не в том, что он с уважением относился к своей жене, а в том, что он публично демонстрировал ей свое внимание в европейских формах, которые считались неприличными для египтян (Marsot 1994: 50–51).

Эпидемии, голод, раздоры в руководстве французской армии и ее бурное разложение ускорили крах французской экспедиции. 8 марта 1801 г. в Абу-Кире высадились английские войска во главе с Ральфом Эберкромби. Одновременно с ними со стороны Синая в Египет вступили турки. С юга на Каир двинулись мамлюки. Французская армия была распущена и перестала существовать как единое целое. 27 июня 1801 г. сдался французский гарнизон Каира, а 31 августа того же года — Александрии. Французский экспедиционный корпус капитулировал и впоследствии был эвакуирован. Разгром и изгнание французов из Египта стало возможным благодаря исключительно благоприятной международной обстановке, когда против Наполеона воевали одновременно

инигом Англия, Россия и Османская империя, а поддерживали все мусульманские страны Северной Африки и Ближнего Востока (История 1976: 171).

Египет формально вернулся под юрисдикцию Османской империи, что было закреплено в Амьенском мирном договоре 1802 г. В Египте дислоцировались три воинских контингента: османские войска, английский корпус и мамлюкские отряды. Между ними существовали сложные и противоречивые отношения. Мамлюки получили от Стамбула уверение, что в случае лояльного по отношению к туркам поведения им будет возвращено господствующее положение в Египте. Англичане поддерживали эти надежды мамлюков, полагая, что им удастся манипулировать мамлюкскими беями и главствовать через них в стране. Османы рассчитывали, что их военное присутствие в Египте положит конец мамлюкскому влиянию, в противном случае они уничтожат мамлюков, а затем выдворят из страны и англичан. Будущее показало, что никто из этой «коалиции врагов» не добился желаемого.

Французская экспедиция явилась мощнейшим потрясением для египетского общества. Наряду со страшными бедствиями, вызванными французским вторжением, в Египте эти годы произошли большие изменения. При французах стала выходить первая газета на французском языке, было введено оборудование для трех типографий (Абдуль Азиз 1976: 15). Благодаря ученым, в составе французской экспедиции было составлено многотомное описание Египта, заложены основы новой науки — египтологии, получившей дальнейшее развитие как в Европе, так и в самом Египте. Появились новые виды вооружений, тактики ведения боя и многое другое. Однако главное — это новые идеи, которые овладели умами египтян. Французская экспедиция разорвала связь местного населения с мамлюками. Главная причина, позволявшая мамлюкам удерживаться у власти в Египте, более важная, чем отсутствие у населения достаточной организованной военной силы, чтобы бороться с ними, была уверенность, что мамлюки могут защитить египтян от внешних врагов. Это заблуждение было развеяно полной военной несостоятельностью мамлюков в борьбе с французами. В то же время египтяне, сотрудничавшие с французами, выполняя ряд административных поручений, вынесли из этого уверенность, что мамлюки могут быть заменены, если найдется лидер, способный объединить антимамлюкские

силы. К сходным выводам пришли и лидеры антифранцузской оппозиции из числа мусульманской богословской элиты. Такой человек вскоре появился. Им оказался молодой офицер, прибывший в Египет в составе албанского янычарского контингента. Его имя — Мухаммад Али. Ему было суждено изменить ход египетской истории XIX в.

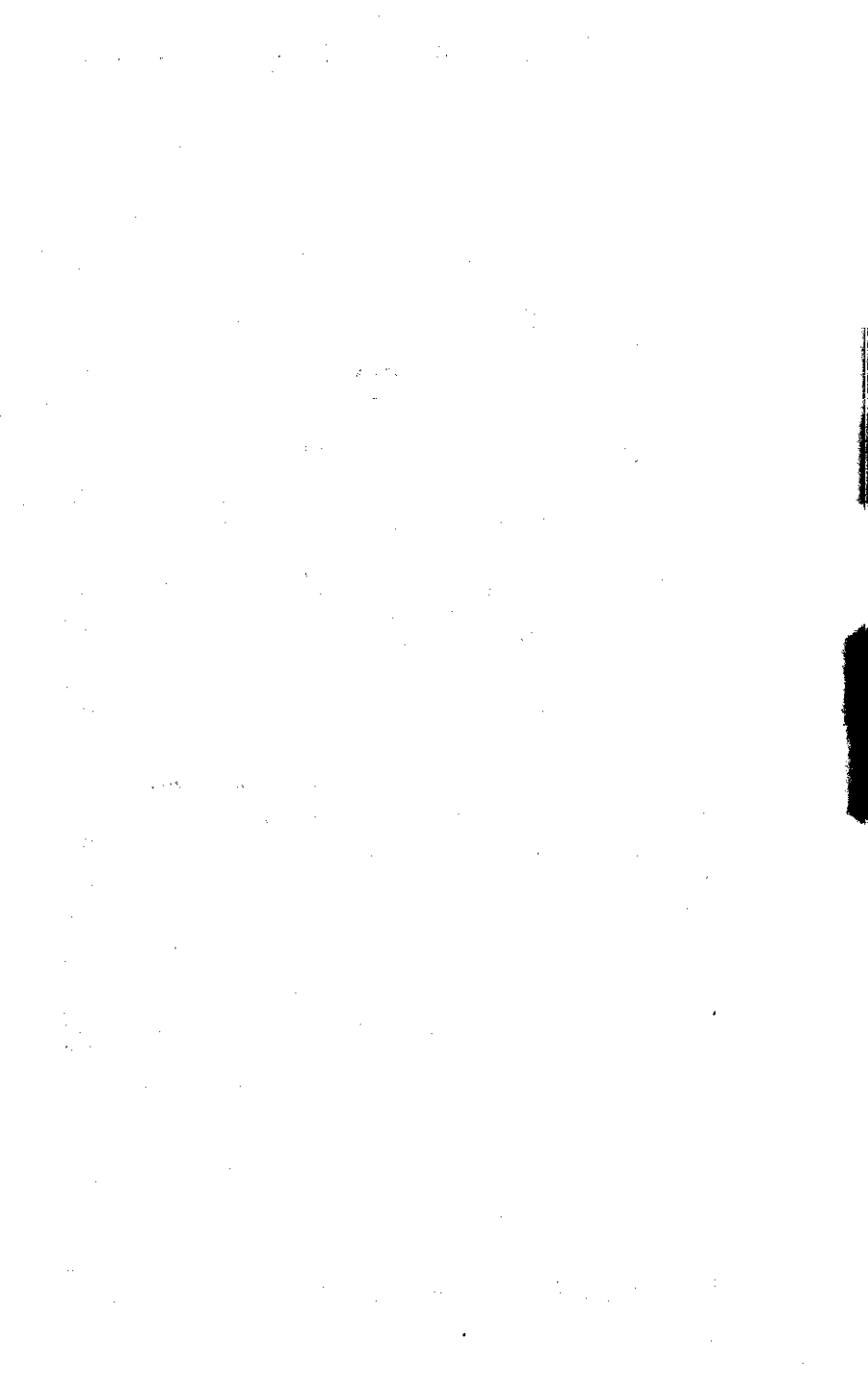
ГЛАВА 7

**ИСТОКИ
ЕГИПЕТСКОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
(1801—1854)**

*Не стоит говорить о вечном союзе. Вечных союзников
и вечных противников не существует.*

Вечными могут быть только интересы страны.

Генри Пальмерстон

ОСНОВАТЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО ЕГИПТА

Своеобразие истории Египта XIX в. состояло в том, что почти вся первая половина столетия была отмечена печатью яркой личности, давшей свое имя этому периоду. Это время правления в Египте Мухаммада Али (1805–1848 гг.), которое по меткому определению Г. Додвелла нередко именуют «основателем современного Египта» (Dodwell 1931). Об этой эпохе и об этом человеке написано огромное количество работ на различных языках, однако за последние 30 лет единственной фундаментальной и содержательной монографией по данной теме была книга профессора Калифорнийского университета Афаф Лютфи ас-Сайид Марсо (Marsot 1984), а также краткое изложение выводов этого исследования в более общей работе того же автора, посвященной истории Египта (Marsot 1994). Материалы и выводы этих исследований и положены в основу данной главы.

Традиционный подход к эпохе правления Мухаммада Али строится на утверждении, что в этот период в Египте возникла новая экономическая система и новая структура ударственных органов, что в совокупности и дает основание говорить о создании в Египте современной государственности. В соответствии с этой концепцией реформаторская деятельность Мухаммада Али привела к разрыву с мамлюкским прошлым и знаменовала вступление Египта в новую историческую эпоху, сутью которой являлся «переход из традиционного времени в Новое, от традиционного общества к современному», а способом такого перехода выступала модернизация в различных ее формах (о модернизации см.: Козловский 1995: 132 и др.)).

А. Марсо, отмечая, что в этой точке зрения есть большая доля истины, все же полагает, что Мухаммад Али не был осознанным реформатором. Во всяком случае в том, что касается экономической системы Египта, он скорее усовершенствовал и распространил на всю страну ту модель экономического развития, которая сложилась в Египте на протяжении веков. Что же касается новых централизованных форм египетской государственности, то они обуславливались египетской экономической системой и были призваны ее обслуживать. В экономической области генеральная линия развития страны определялась мощной структурой сельского хозяйства, существовавшей наряду с весьма эффективным мануфактурным производством (Хурайди 1985: 11 и далее, араб.). Политическое развитие Египта зависело от его уникального географического положения на стыке европейского, африканского и азиатского регионов, а также его статуса как части Османской империи.

Различные обстоятельства, в том числе и личностные особенности правителей, могли замедлить или ускорить развитие Египта, но радикально изменить парадигму его экономической и политической эволюции, обусловленную вышеприведенными факторами, было крайне затруднительно. Египетское общество не было настолько аморфным и бесструктурным, чтобы являть собой поприще для неограниченного экспериментирования. Напротив, оно обладало ярко выраженной самобытностью, имело неповторимое социальное и экономическое своеобразие, единственно в рамках которого возможно было действовать. Иными словами, Египет имел определенную социальную и экономическую структуру, в которой кипучая деятельность Мухаммада Али, пришедшая на период раннего индустриализма, придала бесспорное своеобразие.

Мухаммад Али был, вероятно, уроженцем Албании курдского происхождения, из небогатой и незнатной семьи потомственных османских военных. Точный год его рождения неизвестен, но уже в зрелые годы Мухаммад Али вошел в качестве такового 1769 г., возможно под влиянием того, что именно в этот год родились такие выдающиеся военачальники как Наполеон, Веллингтон, Ней. На эту дату указывает надпись на надгробной плите на могиле Мухаммада Али, находящейся в мечете каирской Цитадели. Историки обычно подчеркивают албанское происхождение Мухаммада Али.

ли, однако семейные предания возводят начало его рода к мурдским корням: его предки были выходцами из деревни Бик в Восточной Анатолии. Местом рождения Мухаммада Али был город-порт Кавалла в прибрежной Македонии (на берегу залива недалеко от Афона), а его родным языком был греческий (Крымский 1971: 149). А.Марсо полагает, что турки и длительное связь его семьи с османской армией позволяют считать Мухаммада Али османом или даже «крытым турком», что наложило неизгладимый отпечаток на всю его политическую деятельность: прожив почти 50 лет в Египте, он никогда не отождествлял себя с арабами или египтянами, считая последних «животными, способными только к пустопорожней болтовне, которых поэтому необходимо систематически наказывать»; турки в его представлении всегда были выше египтян (Marsot 1984: 24, 29, 30).

О детстве и юности Мухаммада Али сохранились весьма скудные и противоречивые сведения, что, видимо, объясняется тем, что после своего прихода к власти он сознательно разрывал все связи с прошлым, справедливо полагая, что его скромная родословная и отсутствие каких-либо достижений в молодые годы не прибавят ему авторитета в глазах египетских подданных. Официальной пропагандой был взят на вооружение тезис о том, что Мухаммад Али сам сформировал себя как личность. Тем не менее известно, что он не получил систематизированного образования и даже не научился в совершенстве читать. С десяти лет по настоянию отца он занимался торговлей, участвовал в табачной торговле. В юношеские годы был в приятельских отношениях с неким М. Лео из Антверпена, французским консулом в Кавалле и одновременно купцом-мерсантом, который, видимо, пробудил в мышлении отрока юноше инстинктивное уважение к европейской науке и культуре, особенно французской. В 17 лет Мухаммад Али, продолжая семейную традицию, поступил на османскую военную службу в иррегулярные наемные формирования. В Египет он попал в 1799 г. в составе албанского отряда османской армии, которая была направлена против вторгшихся в Египет французов. Наполеона. Мухаммад Али быстро вырос по службе от младшего офицера до заместителя командующего албанским корпусом наемников. Когда в мае 1803 г. предводитель египетских беев был убит османами в борьбе за власть, Мухаммад Али занял его место во главе корпуса (Holt 1966: 176).

К этому времени, видимо, и относится идея его албанского происхождения.

С 1801 по 1803 гг. Египет оказался во власти османских, английских и мамлюкских воинских частей, отчаянно боровшихся между собою за господство, выдвигая и поддвигая своих кандидатов на пост египетского наместника. Формально по англо-французскому Амьенскому мирному договору 1802 г. Египет возвращался под сюзеренитет турецкого султана (Миллер 1948: 45). Фактически Османская империя не имела сил установить в стране прямое турецкое правление. Опасаясь прихода к власти сильной личности, Стамбул назначал на должность египетских наместников как правило, малоспособных и неавторитетных, даже среди собственных османских воинских формирований, ливанов.

Пользуясь безнаказанностью, османские солдаты вели себя в Египте как в завоеванной вражеской стране. Их вымогательства приобрели такие экстравагантные формы, как хождение солдат по домам сколько-нибудь состоятельных египтян и требование у них денег под угрозой применения оружия, а иногда и прямой вооруженный грабеж, похищение женщин на улицах и даже в общественных банях, а затем возвращение их за выкуп и, наконец, бесплатное присвоение того, что им понравится, там где они это увидят. Оправданием служило то, что простые солдаты не получали от своих офицеров жалованья и могли добывать средства к существованию только преступным путем.

Османская администрация и мамлюкские беи попеременно собирали налоги с населения, обнищая при этом друг друга в нарушении законности. Все это происходило на фоне стремительно угасающей коммерческой деятельности, связанной с общим кризисом торговли и крайней политической нестабильностью, постепенно сменяющейся хаосом. Выдвиженцы той или иной военной группы, претендовавшие на посту губернатора, погибали от рук конкурентов, когда занимали их место, чтобы вскоре тоже быть убитым. Ситуация достигла критической точки, когда очередному османскому губернатору Хуршид-папе оказался не в состоянии контролировать своих солдат и вызвал на помощь войска из Сирии, которые состояли из представителей шиитских общин: друзов, нусейритов и метуаллиев. Эти отряды, известные своими каракулевыми шапками и недисциплинированностью, были хуже всех других иностранных войск.

с которыми сталкивались египтяне в это время, и получили свой беспримерный произвол прозвище сумасшедших (муджнуун).

В этой обстановке Мухаммад Али добился известности и общественного признания как политик, заключив союз с одной из влиятельных мамлюкских группировок, возглавляемой Осман-беем аль-Бардисси. Затем он привлек к себе симпатии естественных лидеров страны — мусульманских богословов и прежде всего неформального главы «клуба» местных религиозных деятелей страны — Омара Макрама, носившего титул «накиб аль-ашраф» (глава шерифов — потомков пророка Мухаммада). В 1805 г. Мухаммад Али договорился с ним, что высшие богословы Египта от имени народа попросят его стать правителем страны в обмен на обещание с его стороны, что, придя к власти, он будет руководствоваться их советами. Мухаммад Али безоговорочно принял эти условия и, опираясь на восставших каирских горожан, поднявшихся по призыву своих мусульманских духовных лидеров, организовал осаду османского наместника Египта в его резиденции — Цитадели Каира. Поначалу османский наместник Хуршид-паша пытался оказывать сопротивление, заявив, что он назначен на свою должность волей султана и не подчинится требованиям городской черни и бедных крестьян. Однако, когда в июле 1805 г. султан Салим III (1789–1808) под давлением обстоятельств вынужден был утвердить решение египетских богословов, назначив Мухаммада Али правителем Египта, прежнему губернатору не оставалось ничего иного, как собрать вещи и 3 августа покинуть страну, передав свои полномочия командиру албанцев (Holt 1966: 177).

Таким образом османы признали политическое главенство Мухаммада Али в Египте, основными противниками которого в борьбе за сохранение власти остались мамлюки и англичане, заключившие между собой стратегический союз. Лидером мамлюков в это время становится Мухаммад-бей аль-Эльфи, умный, образованный и талантливый военачальник. В 1804 г., вернувшись из Англии, где он заручился обещаниями британской военной и финансовой поддержки в борьбе с Мухаммадом Али, он начал подготовку наступления на Каир (Holt 1966: 162). Опираясь на бедуинов и зажиточную часть аянтурецки настроенных египтян, им была выдвинута не религиозная, а национальная программа освобождения «сынов Египта от власти неотесанных турок, евреев

и подлых арнаутов (албанцев)» (История 1976: Аль-Джабарты 1963: 112). Военный успех аль-Эльфи был полным, но 28 января 1807 г., находясь на подступах к Каиру, он неожиданно скончался от сильного желудочного кровотечения, причиной которого могло быть отравление. Смерть лидера безусловно ослабила позиции мамлюков, что было еще важнее, привела к утрате ими поддержки мусульманской религиозной верхушки страны, которую они неизменно пользовались начиная с наполеоновского вторжения. Лишившись поддержки богословов, мамлюки потеряли формальное основание на законное возвращение себе власти и вынуждены были вступить в изнурительную и бескомпромиссную борьбу против укрепляющейся диктатуры Мухаммада Али. Эта борьба началась сразу после приглашения Мухаммада Али наместником в 1805 г. и завершилась в 1811 г. полным и окончательным поражением мамлюков.

Провалом завершилась также попытка свергнуть Мухаммада Али, предпринятая англичанами, которые высадили в Египте 20 марта 1807 г. пятитысячный десант под командованием генерала Фрэйзера. Англичане оказались в полной изоляции: против них выступила мусульманская богословская верхушка во главе с Омаром Макрамом, с ними отказались сотрудничать мамлюки, их возненавидело население. После нескольких чувствительных поражений от верного Мухаммаду Али частей англичане осенью 1807 г. эвакуировали свои войска, тем более что заключение Тильзитского договора 7 июля 1807 г. сделало Турцию потенциальным союзником Англии, что лишало египетскую экспедицию англичан всякого политического смысла (подробнее см.: [Энциклопедия 1983: 132–165, араб.]). Политические интересы Англии в Египте в это время формировались под влиянием англо-французской борьбы в Европе в эпоху наполеоновских войн.

Провал мамлюкского наступления под командованием аль-Эльфи и победа над его союзниками-англичанами ухудшили положение Мухаммада Али в качестве единоличного правителя Египта. Оба эти события произошли уже после того, как он был провозглашен таковым мусульманским духовенством и получил утверждение на должность наместника со стороны султана. Иными словами, поддержка мусульманской верхушкой, так же как и снисходительное отношение Стамбула, не могли оградить его от опасности быть свергнутым.

Как духовенство, так и османы, соглашаясь на признание Мухаммада Али в качестве правителя, исходили из реального положения вещей, когда Мухаммад Али уже фактически являлся сильнейшим и авторитетнейшим претендентом на власть и мог ее добиться сам, став независимым как от общественного мнения богословов, так и от политической воли султана (Ар-Рафии 1979: 76–77, *араб.*).

Богословы и султан, таким образом, действовали в соответствии с традиционной политикой поддержки сильнейшего, чтобы в случае его победы иметь возможность влиять на него, апеллируя к его чести и чувству благодарности. Необходимо подчеркнуть, что египетские богословы во главе с шейхом Макрамом не были выразителями общественного мнения всего Египта, более того, в обычных обстоятельствах их мнение не имело решающего значения. Авторитет мусульманской богословской верхушки Египта резко вырос благодаря состоянию гражданской войны и вакуума влияния других политических сил, а их союз с Мухаммадом Али следует рассматривать как отчаянную попытку с их стороны сохранить свое политическое влияние и в условиях политической нестабильности, которая должна была рано или поздно наступить. Столь же прагматичным и традиционным было решение султана Селима III, который в полном соответствии с политической традицией Стамбула, признал реально противостоявшего власти провинциального политического лидера Мухаммада Али, чтобы немедленно начать против него борьбу, поддерживая его конкурентов, тем более что официальный срок полномочий губернаторов ограничивался одним годом, после чего для его продления на очередной годичный срок требовалось новое султанское разрешение. Ни богословы, ни султан не могли предположить, что случайно оказавшийся в Египте низший выходец из Албании курдского происхождения, командир всеми презираемой наемной части османского войска — албанского корпуса в Каире, не только утвердится у власти почти на 50 лет, но и станет основателем династии правителей Египта, которая будет находиться у власти до 1952 г., на несколько десятилетий пережив саму Османскую империю.

ВХОЖДЕНИЕ ВО ВЛАСТЬ

Политическую биографию Мухаммада Али можно условно разделить на четыре периода: 1803–1805 гг. — завоевание Египта; 1805–1831 гг. — от момента прихода к власти до окончания войны в Греции и начала войны с Османской империей, показавших слабые и сильные стороны реформ, введенных Мухаммадом Али египетской политической, административной и военной систем; 1831–1840 гг. — от завоевания Сирии до поражения от антиегипетской коалиции европейских держав (Англии, Австрии, Пруссии и России); 1840–1848 гг. — отход от активной политической деятельности под влиянием прогрессирующей болезни мозга.

Приходу к власти в Египте Мухаммада Али предшествовала цепь событий, которые выявили его выдающиеся политические, дипломатические и военные способности, сошедшие в нем с непреклонностью воли и ясным видением конечной цели своей деятельности. В то же время Мухаммад Али сопутствовала удача, без которой его путь к власти был, вероятно, значительно более трудным.

Прежде всего, ему помогла борьба между главными мамлюкскими кланами, которая разгорелась после смерти лидеров Осман-бея аль-Бардисси (ноябрь 1806 г.) и Мухаммад-бея аль-Эльфи (январь 1807 г.). Мухаммад Али использовал ее для подчинения мамлюкских семей своему влиянию, действуя где подкупом, где лестью, а где силой (Vatil 1969: 54). Так продолжалось, пока власть Мухаммада Али упрочилась настолько, что он смог радикально покончить с мамлюкской опасностью. Это произошло 1 марта 1811 г., когда последние влиятельные мамлюкские беи со своими отрядами (всего около 500 человек, включая 24 бея) участвовали в параде в каирской Цитадели по случаю начала военной кампании против ваххабитов Аравии, были блокированы внутренними и внешними воротами крепости. По условному сигналу, которым был хлопок ладонями Мухаммада Али, они были полностью уничтожены специально подготовленными к этой операции албанскими частями, которые уже после резни в Цитадели рассеялись по Каиру, врываясь в дома только что убитых ими мамлюков и расправляясь с ними.

ими их семей (Хусайн, т.3: 930-932, *араб.*; ар-Рафии: 108-116, *араб.*).

Остатки мамлюкских войск были загнаны верными гуситору войсками, которыми командовал его старший сын Ахим-паша, на крайний юг Египта, где они были истощены в борьбе с кочевниками племенного союза Шайкийя и прекратили существование. Последний выдающийся мамлюкский лидер, герой войны против Наполеона Ибрахим-бей скончался в 1816 г., после чего корпорация мамлюков Египта, почти шесть столетий приводившая в трепет египтян, прекратила свое существование, став достоянием истории (И. 1966: 179).

При всей видимой жестокости этой акции, она, очевидно, действительно была минимально необходимой мерой по защите интересов нового правителя от мамлюкской оппозиции, что не противоречило нормам внутривластной борьбы, принятым в мамлюкско-османской среде того времени. Истребление мамлюков было политической необходимостью, аналогичной той, которая привела к казни стрельцов в России при Петре I в конце XVII в. (Соллогуб 1871: 6). Новый верховный правитель сделал лишь то, что сделали бы с ним убитые им мамлюки, если бы они поменялись политическими ролями. Наряду с очевидными политическими выгодами, разгром мамлюков Мухаммаду Али необходимый для укрепления своей власти и начала реформ стартовый капитал, который был получен от продажи англичанам захваченных в Верхнем Египте мамлюкских запасов зерна.

Как уже говорилось выше, напряженная, кропотливая политическая работа Мухаммада Али на пути к власти несколько подкреплялась благоприятным стечением обстоятельств. К факторам политического везения можно отнести такое изменение политической ситуации в Европе в связи с заключением мирного договора между Францией и Россией, в результате которого Англия в 1807 г. сравнительно легко отказалась от продолжения войны с Египтом. Укреплению политической власти Мухаммада Али способствовало также ослабление давления на него со стороны Стамбула, вызванное острым политическим кризисом, в результате которого султан Селим III был низложен и казнен, а его место занял гораздо менее способный в политических делах Махмуд II (см.: Миллер 1947:).

Сравнивая двух правителей, двух современников, двух политических противников и конкурентов, двух государственных реформаторов — Мухаммада Али (1805–1848 гг.) и Махмуда II (1808–1839 гг.), А. Е. Крымский подчеркивал, что Мухаммад Али, человек твердой воли, был много решительнее Махмуда II в реформах, чем неуравновешенный султан Махмуд II, вхождение которого во главе Османской империи облегчило Мухаммаду Али путь к вершине власти в Египте (Крымский 1971: 148).

Этапным и показательным событием, свидетельствующим о возросшем авторитаризме политической власти Мухаммада Али, стало устранение им оппозиционных религиозных деятелей. Начало этому положило отстранение от политической жизни и ссылка в 1809 г. Омара Макрама, одного из его же собственных коллег-богословов, стремившихся ограничить Мухаммаду Али, обвинили во взяточничестве, клевете, подлогах, нарушениях религиозного закона, а именно, фальсификации реестра потомков Пророка путем внесения в него имен коптов и евреев, принявших ислам, и, наконец, в покушении на верховную власть. Лишь 10 лет спустя Омара Макраму было позволено побывать проездом в Каире в соответствии с его желанием отправиться к святым мусульманским местам в Аравии (Аль-Джабарти 1963: 235–244; Ацамба, Кириллин 1996: 105).

В 1812 г. после смерти непримиримого конкурента Мухаммада Али, немало способствовавшего его опале, религиозного богословского университета аль-Азхар Абдаллаха Шамси (1737–1812), Мухаммад Али заменил избранного на этот чрезвычайно влиятельный пост собственноручно назначенными лицами. Добившись с помощью репрессий устранения дееспособных и авторитетных религиозных лидеров, Мухаммад Али, как справедливо замечает С. А. Кириллина, лишил исламское духовенство возможности выступать как организованная политическая сила, способная оказывать сопротивление тем акциям, которые непосредственно затрагивали их интересы. Благодаря этому Мухаммад Али беспрепятственно осуществил аграрно-налоговую реформу (1808–1815 гг.), связанную с беспрецедентной по масштабам конфискацией земельной собственности, в том числе земельных владений мусульманских учреждений (вакуфных владений) не имевших должного юридического оформления. Это, наряду с потерей политического влияния богословской верхушки, подорвало и ее экономический потенциал.

агат 1977: 21 и далее, *араб.*; Ацамба, Кириллина 1996: 9). Полученные в результате реформы материальные средства дали Мухаммаду Али бесконтрольную возможность использовать собственную единоличную деспотическую власть, осуществить задуманные экономические и политические преобразования, а также предпринять завоевания, способные породить египетскую империю со столицей в Каире.

ИМПЕРАТОР-РЕФОРМАТОР

Имперские амбиции Мухаммада Али были важнейшим фактором его внешней политики. В то же время, будучи опытным прагматиком, не отягощенным грузом морали, он никогда не давал эмоциям выйти за рамки, очерченные критериями полезности для страны и себя лично. Иллюстрацией этого является его многолетняя кровопролитная борьба за восточные земли ислама, которая стала первой военной кампанией, предпринятой им после утверждения у власти и обуздания внутренней оппозиции (Кириллина, Родригес 1995: 166).

Формально эта война, продолжавшаяся с 1811 по 1818 гг., была начата по поручению османского султана, который повелел Мухаммаду Али двинуться с войсками в центральную часть Аравийского полуострова и подавить андалусское восстание религиозно-политического движения ваххабитов (Васильев 1966; Абу Али 1983: 59–62). Ваххабиты — сторонники Ибн Абд аль-Ваххаба (1703/1704–1792), религиозного реформатора фундаменталистского толка, захватив обширные территории Аравии, включая священные мусульманские города Мекка и Медина (Васильев 1982: 92 и далее; Абу Али 1983: 11–41, *араб.*).

По мнению известного дипломата Н. Н. Муравьева, представителя русской военной миссии в Константинополе, война против ваххабитов во главе с эмиром Сауд ибн Абд аль-Ваххабом, завершившаяся завоеванием Аравии, принесла египетскому паше значительные выгоды. Важнейшей из них была приобретенная им слава избавителя и попечителя арабских священных мест, веками считавшаяся атрибутом величия сильнейшего мусульманского правителя (Муравьев 1944, ч.1: 9).

Освобождение от ваххабитов Мекки (1812 г.) и Медины (1813 г.) сделали Мухаммада Али героем ислама и дали ему моральное право обвинять османского султана, вассала которого он формально являлся, в неспособности защитить исламские ценности не только перед угрозой европейского давления, но и от внутренних врагов. Эта критика была справедливо расценена общественным мнением империи как открытая претензия египетского губернатора на верховную власть султана, что привело к расколу турецкой армии на две враждебных фракции: сторонников египетского паши и приверженцев османского султана (Rustum 1981: 31–34).

К выгодам, полученным Мухаммадом Али от аравийской кампании, можно отнести осуществленное под предлогом подготовки к ней уничтожение корпорации мамлюков; восстановление египетского речного и морского флотов; возрождение в тесном сотрудничестве с британским флотом египетской морской торговли по Средиземному морю; установление контроля над торговлей индийскими товарами и йеменским кофе, которая шла через захваченный египтянами арабский порт на Красном море — Джидду; наконец, удаление Египта значительных масс солдат, ставших после прихода Мухаммада Али к власти опасной для него политической силой, стеснявшей его свободу. Если к этому добавить, что неофициальных переговорах Стамбул пообещал в случае освобождения Мекки и Медины от ваххабитов передать в управление одного из сыновей Мухаммада Али сирийскую провинцию со столицей в Дамаске, то становится очевидно, что наместник Египта, вступая в эту свою первую крупную войну, действовал не как инструмент в руках султана и не как бескорыстный рыцарь ислама, а как практически самостоятельный правитель, решающий прежде всего собственные задачи (Васильев 1982: 152).

Такой же подход будет характерен для всех внешнеполитических акций Мухаммада Али. За свою долгую политическую жизнь в качестве правителя Египта Мухаммад Али неоднократно менял своих союзников как внутри страны, так и на международной арене. В союзе с мамлюками он боролся против османов, а затем, опираясь на поддержку Стамбула, громил мамлюков, воевал на стороне Англии против французов Наполеона, а позднее, используя помощь Франции, боролся с англичанами, воевал против арабов Аравии, формально выполняя приказ османского султана, а по

как увидим ниже, против него самого, опираясь на поддержку своих союзников — арабов Сирии. Быть может, стремления захватить и удержать власть, логику политического поведения Мухаммада Али могут объяснить слова современника и политического противника, министра иностранных дел, а позднее — премьер-министра Великобритании Генри Пальмерстона (1784–1865) о том, что вечных врагов не бывает, вечными могут быть только интересы страны.

После аравийского похода Мухаммад Али перенес свое внимание на Судан. Османы перестали направлять в Египет воинские пополнения для его воюющей армии, а казна нуждалась в золоте. Именно эти две задачи Мухаммад Али намеревался решить завоеванием Восточного Судана, который он покорил в 1820–1822 гг., но сразу же прекратил дальнейшие усилия, когда стало ясно, что ни золота, ни людей экспедиция не даст: золотые прииски, которые разрабатывались еще в эпоху фараонов, оказались с незначительным содержанием золота, непригодным для промышленной разработки, а суданцы, привлеченные для военной службы, гибли в огромном количестве, так как не могли привыкнуть к египетскому климату и пище (Шукри 1947: 17 и др.; Смирнов 1968: 30–40). Тем не менее, завоевание в 1822 г. не присоединило к Египту огромную территорию, что, наряду с захваченными ранее землями в Аравии, дало основание считать Египет империей. Это, впрочем, не было признано формально, так как официально Египет продолжал числиться османской провинцией, а Мухаммад Али именовался вали — губернатором. Для того чтобы ликвидировать эти унижительные признаки формальной зависимости от Стамбула, Мухаммаду Али необходимо было иметь мощную армию и флот, по крайней мере, не уступавшие по своей силе османским.

После того как Стамбул перестал направлять в Египет солдат и Судан не дал необходимого количества сильных воинов, первоочередной задачей египетского правителя стала реформа армии. Ранее армия состояла из мелких подразделений, которыми командовали свои командиры, они же платили жалованье своим солдатам. При такой организации не могло существовать единого командования, твердой дисциплины, даже единого языка общения. Магрибинцы, албанцы, оснийцы, мингрелы, черкесы и прочие служили в египетской османской армии компактными национальными груп-

пами, делая ее этнически гетерогенной. Имевший опыт войны с французами и англичанами Мухаммад Али понимал преимущества европейской военной организации по сравнению с традиционной, а также регулярной современной армией по сравнению с наемной.

Задумав привить египетской армии европейскую организацию и боевые навыки, Мухаммад Али пригласил в Египет французских офицеров, таких как «полковник» Сев (Sev) — известный после принятия им ислама под именем Сулейман-паша, которые и начали практическое осуществление военной реформы в армии. Важнейшим шагом на этом пути стало их предложение отказаться от принципа наемности и перейти к формированию египетской армии из крестьян (феллахов) по примеру Наполеона, который набирал в армию французских крестьян. Первоначально Мухаммад Али ужаснулся от мысли, что в армии могут служить египтяне, потом понял, что выбора нет, и согласился (Шалаби 1988; и далее, *араб.*).

В 1816 г. по примеру Селима III и Мухаммад-бей аль-Эльфи он создал первые укомплектованные этническими египтянами батальоны регулярной армии, построенной по французскому образцу. В 1823 г. он ввел рекрутскую повинность и стал пополнять свои войска за счет египетских феллахов. Крестьян призывали в армию силой. Французские военные советники предлагали применять в Египте те же методы набора в армию, что и во Франции: вербовщики получали денежное вознаграждение за каждого призванного в армию даже силой. Рекруты, уклонявшиеся от службы в армии, подлежали насильственному призыву, а за повторное или злостное уклонение следовало наказание: клеймение железом, каторга на галерах, смертная казнь. Наказанию подвергались кроме того все члены семьи уклоняющегося, а также все те, кто предоставлял несчастному приют или пищу. Эту жестокую систему, введенную Наполеоном во Францию, нуждающийся в солдатах Мухаммад Али распространял на Египет. Армейская служба стала наименее популярной формой занятости. Если работу на государственных мануфактурах, о которых будет сказано ниже, не любили, то службы в армии боялись. Лица призывного возраста калечили себя, чтобы избежать воинского призыва. Чаще всего выбивали себе передние зубы, чтобы невозможно было откусывать пороховые заряды, отрезали верхнюю фалангу указательного пальца, чтобы невозможно было стрелять, отрубали

нашей палец на ноге, чтобы невозможно было бегать. Эти войны, когда они приняли массовый характер, также становились следствием закона: уличенный в умышленном членстве в бегстве мог быть подвергнут порке, тюремному заключению и даже казни. В деревнях за рекрутский набор шли сельские шейхи — омды. За срыв набора или недостаточную численность рекрутов, омды несли наказание: недостающее число рекрутов в армию должны были идти сыновья, братья или родственники омды, если таковых не находилось, то он сам (Marsot 1984: 128–130; Муравьев 1874, ч.2: 72–75).

Столь грубыми методами рекрутский набор осуществлялся практически постоянно, ибо в период правления Мухаммада Али Египет непрерывно находился в состоянии войны: война в Аравии (1811–1818 гг.), в Судане (1820–1822 гг.), на Крите, Кипре и в Морее (1824–1828 гг.), две сирийские кампании (1831–1833 и 1839–1840 гг.). Все эти войны, кроме первой, вели войска, сформированные из призывников, число которых составляло сотни тысяч человек.

К 1833 г. египетская армия, по мнению ряда авторов, достигла численности 180 тыс. человек, распределенных в 14 пехотных, 5 артиллерийских, 36 пехотных и 15 кавалерийских полков с инженерными подразделениями и интендантскими службами (Луцкий 1965: 49; История 1976: 177). Эти цифры кажутся несколько преувеличенными по сравнению с данными, приводимыми генералом Н. Н. Муравьевым: по его сведениям, в 1831 г. в армии по спискам числилось 70 тыс. человек (Муравьев 1874, ч.2: 64). Старшие офицеры были турками-османами или мамлюками, младшие до капитана включительно — египтянами. Даже много позже в 1882 г. в египетской армии звание полковника имели только этнических египтянина, и не было ни одного египтянина-генерала. Массовый приток младших офицеров-египтян в армию начался с 1829 г., когда в армию пришли первые выпускники новых военных учебных заведений, преимущественно — арабы-египтяне (Marsot 1984: 132).

Следуя примеру Петра I, опыт которого он изучал и с которым любил себя сравнивать, Мухаммад Али возродил мощный египетский флот, закупая для этого суда за границей. В 1829 г., после гибели египетского флота в Наваринском сражении (1827), была заложена верфь в Александрии, где ускоренными темпами стали строиться военные суда, причем главным образом силами арабских рабочих, число

которых превышало 8 тыс. человек. Для заново построенного флота в кратчайшие сроки было подготовлено около 15 тысяч моряков из числа египтян (Тусун 1990: 65–68, *араб.*; Хурриди 1985: 161–190, *араб.*).

С этого времени начинается массированная египетизация вооруженных сил. Они впервые за несколько столетий возвращаются из института утверждения у власти этнически инородной группировки (арабы, фатимидские исмаилиты, мамлюки, османы и др.), в инструмент формирования патристических чувств египтян по отношению к государству, возглавлявшемуся Мухаммадом Али.

Горячим сторонником продвижения египтян на высшие офицерские должности с присвоением им соответствующих званий был старший сын и любимец Мухаммада Али Ибрахим-паша¹. В молодости в возрасте 16 лет Ибрахим послан в Стамбул в качестве живого залога лояльности Мухаммада Али по отношению к османскому султану и гарантии, что тот будет исправно посылать в Стамбул ежегодную дань — плату за признание его правителем Египта. Год, проведенный в качестве заложника в Стамбуле, придал мировоззрению Ибрахим-паши устойчивый антиосманский характер. Будучи выходцем из Албании, скорее всего курдского происхождения, не помнивший своей настоящей родины, он объявлял себя египтянином и всю жизнь был верен этому чувству, говоря, что приехал в Египет маленьким мальчиком, а жаркое египетское солнце перекалило его кровь, сделав арабской (об Ибрахим-паше подробнее см.: Crabites 1983).

В этом отношении Ибрахим-паша был противоположен своему отцу, который, как уже говорилось, никогда не чувствовал себя египтянином и, даже начав войну против султана Османской империи, продолжал считать себя османским подданным. Если Мухаммад Али, ведя свои войны против османского султана, стремился к экономической и военной независимости от Стамбула при сохранении культурно-политического единства Османской империи, то Ибрахим

¹ Существует точка зрения, что он был не родной, а приемный сын Мухаммада Али, женившегося на вдове своего брата, который к этому времени была уже беременна Ибрахимом. По этой широко распространенной версии Ибрахим никогда не видел своего родного отца, а был воспитан усыновившим его дядей — Мухаммадом, считавшим его ближе родных сыновей (Муравьев 1874, ч.2: 5).

он хотел полной и окончательной независимости египетского государства со столицей в Каире. Если для Мухаммада египтизация армии была вынужденной мерой, которой он хотел, но не мог избежать, то для Ибрахима это было национальной необходимостью, вытекавшей из его проегипетского мировоззрения. Встав во главе сирийской провинции после 1833 г. и непосредственно воюя против турецкой армии, он успокоил своего отца просьбами о назначении египтян на должности капитанов и майоров, убеждая его, что египтяне ближе к их семье и более надежны в войне с османами, чем турки, которые служат в египетской армии и вынуждены воевать против таких же турок, но находящихся на службе у султана.

В письме отцу Ибрахим-паша писал, что удивлен, почему Мухаммад Али против присвоения египтянам офицерских должностей старшего капитана — юзбаша, так как чем выше их положение, тем больше они любят своего правителя. «За 20 лет военной службы, — писал далее Ибрахим-паша, — я понял, что из 1000 турок верны 300, то из 1000 арабов-египтян верны 700». Мухаммад Али был раздражен взглядами сына, возмущаясь их проявлением плебейства. Его мировоззрение таково, как практическая деятельность, строилось на убеждении, что существует культурно-лингвистическое различие между управляемыми и управляющими в Египте: первые говорят и пишут по турецки, это османы, они — господа, другие — по арабски, это — египтяне, являющиеся грязными крестьянами, даже если они живут в городах (Marsot 1984: 131). Так отец и сына, основателя династии и его преемника, разделил конфликт поколений, означивший начало перехода Египта в новое историческое качество: усилиями Ибрахим-паши в египетской армии были заложены основы формирования состоящего из египтян офицерского корпуса, из которого со временем вышли выдающиеся лидеры египетского национального движения (1879–1882 гг.), объединившиеся вокруг полковника Ораби-паши, а в более далекой перспективе — все президенты республиканского Египта — Мухаммад Нагиб, Гамаль Абдель Насер, Анвар Садат и Хосни Мубарак.

Образ Ибрахим-паши дополняет характеристика, данная ему современником и участником описываемых событий, упоминавшимся выше генералом Н. Н. Муравьевым. По его мнению, Ибрахим-паша, длительное время являвшийся вторым лицом в государстве, не имел природных дарований

Мухаммада Али. Наружностью хотя и был с ним схож, в отличие от славившегося обходительностью и умением нравиться Мухаммада Али, видом и манерами был грубым, ярым, груб, неловок. Если Мухаммад Али ходил неслышимо смеялся тихо, почти беззвучно, то Ибрахим-паша при своем появлении возвещал о своем приближении громкою поступью и раскатистым смехом. Он был «сложения великого, силен, необыкновенно деятелен, лично храбр, жаден до сластолюбия». «Диким и свирепым нравом своим» умел он своих подчиненных в покорности; не терпел ни роскоши, в военное время довольствовался немногим младшего офицера; некоторое время предавался пьянству, неотступно находившийся при нем француз Сулейман (полковник Сев), умирал его «буйные стремления» (Муравьев 1874, ч.2: 78-79). Мухаммад Али ценил в Ибрахиме талант военачальника, личную преданность и способность неукоснительно исполнять даваемые ему распоряжения и доверял ему выполнение самых сложных военных операций, полагаясь на него в нелегком деле реформирования и реорганизации армии.

Наряду с реформированием армии, Мухаммад Али осуществил полное ее перевооружение современным на то времени оружием. Часть его закупалась за рубежом, значительное количество стало производиться в самом Египте. С этой целью параллельно военной реформе были предприняты первые шаги в направлении индустриализации страны, чтобы заменить максимально большее количество вооружения, ввозимого из-за границы, товарами египетского производства. Начиная с 1816 г., на деньги казны создавались государственные фабрики-мануфактуры, часть которых для более строгого контроля над ними была расположена непосредственно в пределах резиденции Мухаммада Али — каирской Цитадели. Все, что ранее ввозилось, было скопировано на новых фабриках, которые оказались в состоянии производить ружья, пушки, порох и холсты, оружие в достаточно крупных количествах. Было развита кожевенное и текстильное производства, которые позволили обеспечить армию военной обувью, скобяными изделиями, обмундированием (Хурайди 1985: 116 и далее, араб.).

Модернизация армии и флота и связанная с ней индустриализация повлекли за собой серию новшеств в системе образования: стране нужны были квалифицированные кадры.

ные специалисты в самых разных областях знаний, так силами только иностранцев обеспечить столь масштабную программу реформ не представлялось возможным. По инициативе Мухаммада Али на государственные средства создавалась сеть светских общеобразовательных и специальных учебных заведений по европейскому образцу. Главная часть этих учебных заведений готовила специалистов нужд армии и флота. В 1822–1828 гг. были основаны сухопутное училище, военная офицерская школа в Каире и, кроме того, военно-морская — в Александрии. В 1831 г. открыты артиллерийское и кавалерийское училища, в 1825 г. — училище генерального штаба. В 1844 г. правительством Египта были основаны высшие военные курсы — Мадраса аль-Исмаилия, находившиеся в Париже, во Франции, так как для Египта было выгоднее для казны было доставить учащихся во Францию, чем обеспечить пребывание квалифицированных французских специалистов в Египте. Это учебное заведение существовало до 1867 г. Кроме военных учебных заведений, были созданы и гражданские училища и школы: медицинская (1827 г.), ветеринарная (1827 г.), политехническое — «Мухаммадия» (1828 г.), сельскохозяйственное (1833 г.), иностранных языков и переводческое — «Дар аль-алсун» (1833 г.) (см.: Аззат Абд аль-Карим 1938: 386–421, араб.; Mikiotis 1969: 60–63).

Перасчлененность военного и гражданского управления привела к тому, что некоторые военные училища готовили гражданских чиновников, тогда как гражданские специалисты находили применение в армии. К 1840 г. в светских учебных заведениях Египта обучались 2761 человек. Обучение в училищах было бесплатным, учащиеся за казенный получали питание и одежду, а также небольшую стипендию. Для того чтобы сделать обучение в специальных учебных заведениях более привлекательным, оно приравнялось к обязательной службе в армии, причем первый год засчитывался за первый год военной службы, а последующие три-четыре давали выпускнику офицерское звание (Черновская 1979: 20–21; Аззат Абд аль-Карим 1938: 422–453, араб.). Постепенно реформы распространились на всю систему начального и среднего образования.

Большое значение в подготовке квалифицированных отечественных специалистов сыграли «учебные миссии», в составе которых египетские молодые люди отправлялись за

государственный счет в страны Европы для изучения технических дисциплин, медицины, военного дела, юриспруденции, экономики и других наук, необходимых реформирующейся стране. В составе первой подобной миссии, командированной во Францию в 1826 г., в качестве муллы находился 25-летний Рифаа ат-Тахтави (1801–1873), выпускник Аль-Азхара. После шестилетнего пребывания в Париже он вернулся в 1831 г. в Египет, где плодотворно трудился в «Школе иностранных языков», выполнившей перевод около 2000 европейских книг, и содействовал распространению европейских знаний среди египтян. Его книга о пребывании в Париже оказала глубокое воздействие на умы современников и по праву считается выдающимся произведением эпохи раннего просветительства в Египте (см.: (Кахира, 1968)).

Другим стипендиатом, обучавшимся в Париже, был выходец из крестьян Али Мубарак (1823–1893), который прославился благодаря фундаментальному (20 томов) историко-географическому описанию Египта, а также как организатор торжеств по случаю открытия Суэцкого канала (июль 1869 г.) и основатель Национальной библиотеки (1870) (Крымский 1971: 196 и далее). С 1826 по 1882 гг. в европейских странах получили образование свыше тысячи египтян, причем более половины из них обучались во Франции, 16% — в Англии и 23 % — в других странах (Чернов 1979: 28).

Неправильно думать, что столь бурное развитие государственного образования имело идеологическую обусловленность и ставило целью сделать египтян образованной нацией. Реформа образования была вызвана прежде всего нуждой реформирующейся армии, а в более широком плане — потребностью в образованных людях, способных заимствовать и внедрять на египетской почве достижения европейской цивилизации. Вдохновителем и инициатором реформ был Мухаммад Али, который не умел читать и писать до 45, а даже 47 лет, но обладал необъяснимой, почти маниакальной страстью к образованию (Абд аль-Карим 1938: 28–30, и др.). Он постоянно советовал своим сыновьям и дочерям, когда было 30, учиться во имя собственного будущего. Говорил о плохих результатах учебы и отлынивании от занятий как единственными причинами, способными вызвать гнев Мухаммада Али к собственным детям (Marsot 1994: 57). Реформа

ны образования имели революционное значение для будущего Египта, так как открывали египтянам доступ, по крайней мере теоретически, ко всем ступеням образования, в том числе и самым высшим, что, в свою очередь, открывало им путь к ранее недоступным должностям в государственном аппарате.

Грандиозная программа преобразований в Египте требовала для своего осуществления значительных финансовых средств, которых разоренная междоусобицами и иностранными интервенциями страна как раз и не имела. Первично необходимый для начала реформ капитал был получен от продажи конфискованного у мамлюков зерна, которое было продано Великобритании и питало английскую армию, воевавшую с Наполеоном в 1808–1812 гг. Часть полученных доходов была направлена на развитие ирригации, дав возможность собирать два и три урожая в год там, где раньше собирали один. Циклическое, привязанное к разливам Нила земледелие постепенно было переведено на искусственное орошение. Новые посевные площади были использованы прежде всего для выращивания экспортных культур, таких как хлопок, сахарный тростник, индиго, лен.

Тенденция перевода египетского сельского хозяйства на производство экспортных культур в ущерб традиционным появилась уже в XVIII в. Новое руководство страны во главе Мухаммадом Али усилило эту тенденцию, установив свой контроль за сельскохозяйственными средствами производства, применяя все то, что могло принести дополнительный доход. Например, в 1821 г. французом Жюмелем был получен длиноволокнистый хлопок, который был немедленно внедрен в производство.

Аграрная реформа 1808–1815 гг. сделала Мухаммада Али главным распорядителем практически всей сельхозпродукции страны, владельцем через систему административных отношений огромных земельных угодий (Rivlin 1961: 46–74). В примере османского султана Селима I он этатизировал сельское хозяйство страны. С 1809 по 1815 гг. он ликвидировал незаконные вакфы, поставив под контроль государства вакуфные земли и взяв на государственный счет содержание мечетей и духовенства. В 1811–1812 гг. он конфисковал икта и другие земельные владения мамлюков, а в 1814 г. окончательно ликвидировал систему ильтизмов (условные земельные пожалования). С этого времени крестьяне стали платить налоги не мультазимам (откупщикам), а непосред-

венно государству (Аль-Атар 1989: 99 и далее). Не желая обострять отношений с состоятельным слоем мултиазимов Мухаммад Али распорядился выплачивать им ежегодно пособие в счет компенсации за понесенный ущерб (Cuno 1994: 103–120).

Конфискованные в 1811–1812 гг. у мамлюков земли перешли в руки новой политической элиты, в которую входил сам Мухаммад Али, члены его многочисленной семьи, ближайшее окружение из числа военных, а также те египтяне, которые оказались вовлечены в реформированную административную систему. В первую очередь, это египетская сельская знать — айяны, которые еще при мамлюках были сельскими старейшинами — шейх аль-балад или омда. Сам термин «омда» получил официальное признание к середине XIX в. По мнению А.Марсо, его можно отнести даже к 1823 г., когда он был впервые упомянут в официальном документе — приказе главнокомандующего. По мнению Марсо термин «омда» относится к наиболее влиятельным сельским шейхам (омда аль-машаих), тогда как менее влиятельные из них именовались просто «шейхи» (Marsot 1984: 115). В новой администрации они заняли нижний уровень, взяв на себя сбор налогов и в общем плане представление интересов государства в деревне. В качестве вознаграждения они получали земли в размере 5% с каждых 105 фелданов, которых они контролировали как сборщики налогов. Именно эти местные сельские старейшины, получившие земли при Мухаммаде Али, составили к концу XIX в. слой крупных землевладельцев, ставший господствующим в Египте. К массовым раздачам земельной собственности своим родственникам и приближенным Мухаммад Али приступил 1 декабря 1829 г. и в короткий срок сумел создать на месте старой землевладельческой аристократии новую, зависимую от себя личную (Луцкий 1965: 47–48; Cuno 1994: 147–149).

Изменение формы землевладения вызвало к жизни перемены в сельском хозяйстве, которое переориентировалось с производства продуктов питания на производство экспортного сырья. Труд крестьян оказался жестко регламентирован. Если раньше феллах был предоставлен самому себе и трудился около 150 дней в году, а остальную часть года, когда земля находилась под водой во время сезонных разливов Нила, он мог заниматься ремеслом, работать по дому или не работать вовсе, то при новом режиме ему предписывали, что он должен выращивать, когда сеять и снимать урожай, который

он должен был продавать только государству, причем по фиксированным ценам. Возросло количество рабочих дней и объем принудительных работ. На орошаемых землях, где выращивались экспортные культуры, такие как хлопок и ирригационный тростник, феллахи работали не менее 250 дней в году. Государственные ирригационные проекты создали возможность для освоения новых сельскохозяйственных земель, которые на условиях выплаты поземельного налога получали в пользование крестьянин, желающий их обрабатывать. Льготные условия получения земель способствовали оседанию на них евреев (Rivlin 1961: 137 и далее; Rutherford 1975: 47).

Постепенно реформированное промышленное, ремесленное и сельскохозяйственное производство попало под полный административный контроль, который осуществлялся через систему государственных монополий, представлявшую собой, по мнению В. Луцкого, «своеобразный аппарат централизованного регулирования и управления экономической жизнью» (Луцкий 1965: 51). Система монополий сформировалась в 1816–1820 гг. и выражалась в бюрократическом контроле и государственной регламентации всех этапов как сельскохозяйственного, так и ремесленного производства, включая обязательную продажу государству готовой продукции по официальным государственным ценам, минуя свободный рынок. В обиход стал входить обязательный к исполнению «государственный заказ» на определенные виды сельскохозяйственной и ремесленной продукции: крестьянину предписывалось, сколько и какой сельхозпродукции он должен посеять, сколько ее и по каким ценам обязан сдать государству; еще более жесткая регламентация существовала на государственных мануфактурах и фабриках (Cuno 1994: 121–146).

Система государственных монополий фактически ликвидировала мелкое частное хозяйство, работавшее на свободном рынке как в городах, так и в сельской местности. Монопольное право государства заказывать, скупать и распоряжаться продукцией сельскохозяйственного и ремесленного производства к 1820 г. было дополнено монополиями в области торговли: египетское государство становилось единственным поставщиком египетских товаров на внутренний рынок и единственным экспортером за рубеж этой продукции. Государство монополизировало скупку и сбыт таких видов продукции, как пряжа, ткани, платки, селитра, мыло, сода,

сахар и др., что давало казне значительную прибыль. Таким образом, государственный монополизм в Египте до 1868 г. представляла собой торговлю, приносящая египетской казне большую прибыль. О ее размахе можно судить по тому, что в 1839 г. из Судана в Египет было вывезено более 200 тысяч чернокожих невольников (Лущий 1965: 84).

Примечательно, что государственный контроль за экономикой существовал в Египте еще в древности, этатизированное ремесленное и сельскохозяйственное производство было воссоздано при Фатимидах в X–XII вв., однако введен Мухаммадом Али тотальный государственный контроль над экономикой страны в условиях реформированной по европейскому образцу государственно-бюрократической структуры, дополненной системой государственных монополий, восхитил грандиозный социальный эксперимент эпохи империализма, происходивший на огромных территориях Ближнего Востока в XX в. Применение выработанных европейским капитализмом средств и инструментариев для управления полнокровно-экономической системой Египта, который до начала XIX в. являлся классической моделью немодернизированного восточно-азиатского общества, составляет суть эпохи преобразований Мухаммада Али.

Модернизаторские преобразования Мухаммада Али затронули все сферы египетской жизни — политическую, экономическую, социальную и духовную, коснувшись в той или иной степени большинства населения страны. После нескольких столетий изоляции и имобильности политической и социальных форм жизни, характерных для эпохи мамлюкского правления, Египет первой половины XIX в. претерпел радикальные перемены с далеко идущими последствиями. Зависимый характер проводимых реформ, вызванных давлением всего военно-политическим и экономическим давлением европейских держав при очевидном недостатке необходимости для них внутриегипетской обусловленности, приводил к неожиданным для самих реформаторов последствиям, а в долгосрочном плане оказывал реструктурирующее влияние на египетское общество. Эти преобразования положили начало эпохе модернизации, которая имеет в исторической литературе название «Нахда» («Возрождение») и охватывают последние четверти девятнадцатого и большую часть двадцатого веков (о термине «ан-Нахда» см: Левин 1972: 30; Котлов 1975: 137 и далее; Долинина 1973: 4; Sharabi 1976: 6–7).

ИМПЕРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Наименее изученную, с точки зрения долгосрочных последствий для развития Египта, часть реформ Мухаммада Али составляет реорганизация государственного аппарата, и не только в существе и всего режима политической власти, административного управления провинциями, государственного регулирования в сфере экономики, культуры, образования, идеологии и т.д. По воле губернатора в Египте по европейскому образцу были созданы органы, близкие по своему характеру министерствам, но носившие, однако, традиционное название — диваны. К 1837 г. имелись следующие основные диваны: диван финансов, иностранных дел и торговли, просвещения, военный, морской, фабрично-заводской и промышленности, иностранных дел, диван хедива. При них были учреждены советы и коллегии по специальным вопросам, например по морским делам, здравоохранению и т.д. (Rivlin 1961: 75–79; Ayubi 1980: 102–104; Шалаби 1989: 24–53, *ср.* с 46).

После 1825 г. было произведено новое районирование Египта, в результате которого страна была разбита на 24 района (кысы), преобразованные в дальнейшем в 7 областей (мухалимы), которые в свою очередь были реорганизованы в мушаррифы (округа). К 1833–1834 гг. насчитывалось 10 мушаррифов (7 — в Дельте, 3 — в Среднем и Верхнем Египте), во главе которых были поставлены главы местных администраций — мушаррифы. В их обязанности по сравнению с прежней системой наряду со сбором налогов и обеспечением порядка входило управление государственными предприятиями, поддержание в рабочем состоянии ирригационных систем, мостов и дорог, освоение новых земель и многие другие хозяйственные функции, которым Мухаммад Али придавал первостепенное значение (Rivlin 1961: 87–88).

При Мухаммаде Али старая административная система, ключевым лицом которой были «кашифы» — главы областных администраций, располагавшие в рамках своих провинций широчайшими полномочиями, была полностью перестроена на принципах административной централизации. Кадровая политика Мухаммада Али заключалась в том, что высшие государственные должности занимали лично предан-

ные ему офицеры или ближайшие родственники. Их профессиональные качества играли при назначении на пост второстепенную роль, поэтому реорганизованная по европейскому образцу государственная система сохраняла как и прежде личностный характер, а взаимоотношения центральных местных властей были окрашены духом патриархальности, являлись перенесенными на государственный уровень отношениями отца с его детьми, а также другими младшими родственниками.

Подавляющее большинство египетской высшей бюрократии при Мухаммаде Али состояло из турков, черкесов и албанцев. Они презирали египтян и смотрели на них как на представителей неполноценной расы, призванных служить средством обогащения своих господ и правителей. Подобное настроение разделял и сам губернатор, однако он, его семья и окружение сознавали, что без Египта они ничего не значат, тогда как, опираясь на Египет как на базу, могут создать империю. Мухаммад Али, которому принадлежат слова: «Египта — два господина: султан Махмуд и феллах», пытался смягчить потребительское отношение созданной им элиты к египтянам, прежде всего к многострадальному и забитому египетскому крестьянству — главному производителю материальных благ.

Губернатор был настойчив в своем желании навести в стране законность и порядок: он приказывал, чтобы о злоупотреблениях в отношении крестьян последние сообщали мудиру (главе местной администрации), а если это не давало результатов, то непосредственно ему лично (Marsot 1984: 110). Однако принципиально новые требования к административной системе, продиктованные значительным расширением ее функций и задач по управлению огромной государственной собственностью, вынудили Мухаммада Али, как и в случае с армией, допустить египтян к гражданским административным должностям. Первоначально это был уровень сельских старейшин — омд, затем египтяне стали занимать и более высокие должности. А. Марсо утверждает, что к концу правления Мухаммада Али все должности в гражданской администрации, начиная с поста помощников глав областных администраций — мудиров и ниже, занимали этнические египтяне.

Только мудиры отдельных египетских провинций оставались турками, но уже при следующем поколении и они были

мещены египтянами (Шалаби 1989: 42, *араб.*). Поскольку египтяне все в большем количестве набирались на административную службу, турецкий язык в качестве официального языка делопроизводства стал постепенно заменяться арабским, к концу XIX в. полностью вытеснив турецкий. Именно при Мухаммаде Али после нескольких столетий полной оторванности от государственной власти этнические египтяне и числа мусульман стали играть активную роль в управлении страной и даже получили возможность занимать должности финансовых чиновников и делопроизводителей, которые прежде были исключительной монополией египетских христиан-коптов.

Независимо от того, были ли чиновники египтянами или иностранцами, губернатор требовал от них честности, компетентности и доброго отношения к людям. Поскольку эти его требования чаще всего не получали отклика, то за ними следовали письменные обращения другого рода, которые начинались словами «Осел!» или того хуже «Свинья, сын свиньи». Из этого видно, что Мухаммад Али не питал иллюзий в отношении своих чиновников, но при этом не был излишне требовательным, относясь к ним как к проказливым детям: он их не бранил, угрожал страшными наказаниями, но почти никогда не осуществлял своих угроз на практике.

Несмотря на внешний радикализм реформ, государственный аппарат не стал институтом гражданского общества. Отбросив свою патриархальную традиционность, он остался «семейным предприятием» «вице-короля» (хедива), как называли Мухаммада Али иностранцы. Он поддерживался в таком состоянии бранью, угрозами, обещаниями вознаграждения или наказания. Действительная министерская система европейского типа стала вводиться в Египте только при хедиве Исмаиле после 1878 г., а окончательно сформировалась к 1923 г., завершив тем самым переход египетской государственности к авторитарно-бюрократической модели с элементами соревновательной олигархии (Hanna 1995: 97).

Примечательно, что в отличие от европейских стран, где с возникновением бюрократической государственности предшествовало появление чувства гражданской корпоративности населения, в Египте при Мухаммаде Али сначала возникла структура государственных органов, а затем по мере ее законченности египтянами стало формироваться чувство их граждан-

данской солидарности. Тогда же впервые со времен фараонов верховная власть позволила египтянам до некоторой степени почувствовать себя частью государства, хотя полное отождествление пришло лишь сто лет спустя в 30-е годы XX в., когда административный аппарат был организован египтянами, а в армию и из него были вытеснены все неегипетские элементы (Marsot 1996: 60).

НОВЫЙ ЭТАП ИМПЕРСКИХ ВОЙН

Грандиозная и результативная реформаторская работа осуществлявшаяся в Египте при Мухаммаде Али, естественно накладывалась на крупные военные кампании, которые египетский лидер предпринимал, стремясь создать независимую империю, контролирующую все Восточное Средиземноморье. С этой целью, начиная с 1821 г., он прилагал немалые усилия, чтобы получить от Стамбула под свое управление Сирию и Морею. Эти области были необходимы для обеспечения египетского контроля над торговыми путями в Восточном Средиземноморье, а следовательно, и во всем регионе, что открывало перед египетской экономикой возможность для проведения агрессивной экспортной политики, подкрепленной захватом колоний. Поэтому Мухаммад Али в 1822 г. без колебаний принял предложение османского султана послать войска для подавления антитурецкого восстания, вспыхнувшего в Греции в 1821 г., а также согласился взять под свое управление пашалык Морею, острова Крит и Кипр. В случае успеха этих завоевательных усилий султан Махмуд II обещал передать под его управление Сирию.

Существует точка зрения, согласно которой обращение османского султана с требованием, а по существу с предложением египетскому наместнику, высадить десант в Греции объяснялось тем, что османы боялись посылать свою армию в Морею, так как это могло оставить без прикрытия сам Стамбул. Если бы войска Мухаммада Али двинулись на него. Чтобы отвлечь египетского пашу от этих мыслей, ему и было предложено захватить Крит и Кипр, что он легко сделал. Затем оставалось ничего лучшего, чем послать его армию под командованием уже опытного и талантливого полководца, младшего сына Ибрахим-паши в Морею в Грецию, обещая успех операции и наместничество над Сирией. Ибрахим-паша

вился и с этим поручением, 5 июня 1827 г., захватив
Египет. Однако препятствием на пути установления египет-
ского господства над Восточным Средиземноморьем стала
коалиция европейских держав — Англии, Франции и Рос-
сии. Англия поддерживала независимость Греции, так как
хотела с помощью греческого купечества установить тор-
говое господство на Черном море, а при благоприятных об-
стоятельствах и во всем Восточном Средиземноморье, кроме
того, она была напугана ростом российского влияния в этом
регионе. Россия, поддерживая греческую революцию, рассчиты-
вала сохранить свой контроль над этой страной, имевшей
очень благоприятное географическое положение в
ключе, важном для российской геополитической доктрины
о выходе ее к теплым морям. Франция вступила в вой-
ну с намерением вернуть себе хотя бы отчасти позиции в
Средиземноморье, которое после разгрома флота Наполеона
было превращено в «британское озеро».

Особого внимания заслуживает феномен общественного
мнения европейских стран, которые в этой войне были все-
гда на стороне греков-христиан. Европейская пресса пред-
ставляла эту войну как истребительную со стороны мусуль-
манов против христиан. Распространялись слухи о зверствах,
убийствах, обращении в рабство христианского населения
со стороны войсками Ибрахим-паши. Вольшая часть этих слухов
недостоверна: варварские действия имели место, но это
соходило с обеих сторон, их позволяли себе как египтяне,
так и греки, то же самое в то время делали и другие армии
того времени. Поэтому участники этой пропагандистской кампа-
нии играли роль гуманистов, руководствовались на самом
деле интересами собственных стран, отягощенных нередко
ксенофобскими и националистическими предрассудками.
Составляли только греки, которые сражались за
независимость (Marsot 1994: 61–62). За антиосмански-
ми, антиегипетскими, антиисламскими настроениями евро-
пейских стран, которые столь ярко проявились в этой войне,
подобных которым не было, пожалуй, со времен крестовых
походов, закладывался новый баланс политических сил, в
котором Запад выступал носителем новых цивилизационных
ценностей, противостоящих традиционным ценностям Восто-
ка, под которым подразумевалось фактически все остальное
чужество.

8 октября 1827 г. в бухте Наварино (на Юге Греции) флот союзников — Англии, Франции и России под командованием адмиралов Э. Кодрингтона, де Риньи и Л. П. Гейдена — силами 26 кораблей уничтожил весь египетско-османский флот численностью почти в сто судов (История 1900, 489). После этих событий разразилась русско-турецкая война (1827–1829 гг.), завершившаяся Адрианопольским миром, которому Греция получила независимость, а египетские корабли, блокированные в Греции, были эвакуированы на родину. Эта бесплодная война стоила Египту 30 тысяч убитых и потерей всего флота. Мухаммад Али потребовал от Стамбула в качестве компенсации Сирию и Палестину, но натолкнувшись на твердый отказ, так как Сирия должна была быть ему отдана в случае победы в Греции, а победы не было.

Однако Мухаммад Али при любых условиях решил овладеть Сирией и после двухлетней подготовки в 1831 г. объявил войну своему формальному господину — турецкому султану. Союзником Мухаммада Али в этой войне была Франция, отношения с которой за прошедшее после греческой войны время у него полностью нормализовались. В 1827 г. французы предложили египтянам финансировать экспедицию в Северную Африку для завоевания Алжира, Туниса и Ливии, но это направление не укладывалось в стратегические планы Мухаммада Али. После некоторого колебания он отказался от сотрудничества с Францией в деле завоевания Алжира, которое французы осуществили собственными силами, и полностью сосредоточился на сирийском направлении.

Поводом для начала конфликта со Стамбулом послужило требование 6 тыс. египетских крестьян, которые, спасаясь от призыва в армию на греческую войну, бежали в Сирию, где нашли убежище у османского наместника Акки — Абдаллаха. В ответ на отказ Мухаммада Али разделить со Стамбулом затраты контрибуции, султан отказал ему в депортации в Египет дезертировавших от военной службы крестьян, заявив, что они как османские подданные могут жить в любой провинции империи. Это наносило чувствительный удар престижу Мухаммада Али, и он начал войну, объявив при этом, что она направлена не против султана, а против наместника Акки.

Вскоре малая война переросла в большую — турецко-египетскую (1831–1833 гг.), в которой османские армии, дислоцированные в Сирии, были разгромлены в ряде сражений.

новыми, хорошо обученными войсками Мухаммада Али. Он сдался египтянам без боя, а 21 декабря 1832 г. 30-тысячный египетский корпус под командованием Ибрахим-пашы окружил и уничтожил 60-тысячную турецкую армию в г. Конья. Стамбул фактически остался беззащитным перед наступающей египетской армией. Султан Махмуд II обратился за помощью к европейским державам (Муравьев, ч. 2: 124 и далее).

В этой критической ситуации Франция поддержала Мухаммада Али, а Великобритания была занята своими проблемами в Европе и не спешила втягиваться в затяжной конфликт на Ближнем Востоке. Когда египетские войска шли от Стамбула один дневной переход, неожиданно в конфликт вмешалась Россия. Она выступила на стороне своего законного врага — османского султана, предложив поехать в обмен на помощь подписать соглашение, по которому в соответствии с секретной статьей Россия получала во время войны монопольное право прохода через пролив Дарданеллы, тогда как проход через него судов других стран не разрешался (Россия 1915: 43). Это требование, выдвигавшееся Екатериной II, получив удовлетворение, открывало России доступ к теплым морям и позволяло участвовать в Средиземноморской политике.

Дипломатическое прикрытие военных мероприятий Россия осуществлял посланный сначала в Стамбул, а затем в Петербург глава специальной миссии генерал Н. Н. Муравьев, который прибыл в Александрию 13 января 1833 г. Результатом работы этой миссии стало обещание Мухаммада Али прекратить военные действия. Свой ультиматум Россия подкрепила прибытием в Босфор русской военной эскадры (20 января 1833 г.) и высадкой русского десанта под командованием А. Ф. Орлова численностью 5 тыс. человек на азиатский берег Босфора рядом с султанской резиденцией в долине Искелеси (23 февраля 1833 г.). В апреле русский военный корпус достиг 13 тыс. человек, но в литературе приводятся и другие цифры (Розен 1872: 192; Еремеев, Мейер 1992: 206; Новичев 1965: 79; История 1996: 492). Одновременно другой русский корпус численностью около 24 тыс. человек под командованием Киселева двигался к османской столице со стороны Дуная. Испуганные столь стремительным и активным подключением России к турецко-египетскому конфликту Англия и Франция вынуждены были посредниками между Мухаммадом Али и султаном Махмудом II, добив-

шись заключения между ними мирного договора в Киа от 4 мая 1833 г. По этому договору Мухаммад Али признавал себя вассалом побежденного им османского султана, выводил войска из Анатолии, в обмен на что султан признавал его право быть правителем Египта, Аравии, Судана, Крита, Сирии и Палестины (Салим 1989: 33–48, *араб.*; закарат б.д., *араб.*).

Таким образом, русские войска спасли Стамбул от неизбежного захвата войсками Мухаммада Али. Граф К. В. Сельероде, тогдашний министр иностранных дел России, пояснил российское вмешательство во внутрисосманские желания «избавить Константинополь от возможности «ворота», который повредил бы российским интересам, «приведя к падению слабой, но дружественной державы, заменив ее державой более сильной, которая под руководством Франции стала бы для нас источником тысяч заведений» (подробнее см.: (Луцкий 1965: 92–93)).

С 1832 по 1840 гг. Сирия и Палестина входили в состав египетского государства Мухаммада Али, и на них были распространены реформы, которые проводились в Египте. Той лишь разницей, что их проводил проарабски настроенный сын Мухаммада Али — Ибрахим-паша, который был назначен наместником этих областей. По форме реформы должны были привести к созданию централизованного государства, что имело в Сирии значительно меньше, чем в Египте, внутреннюю обусловленность, а потому реформы встречали значительно большее противодействие со стороны пестрого по этноконфессиональному составу сирийского общества. По существу же эти реформы обеспечивали коммерческие интересы Египта и распространяли на Сирию и Палестину принципы торгового обмена и торговые эмбарго уже принятые в Египте, что, очевидно, не нравилось сирийско-ливанскому купечеству (Салим 1990: 65 и далее *араб.*).

Кроме того, египетская коммерческая политика наносила заметный вред английским торговым интересам в регионе. Английский дешевый текстиль, заполнявший прежде египетский и сирийский рынки и разорявший местных производителей, был запрещен к ввозу. Это был прямой вызов Англии, которая повсеместно боролась с протекционистскими мерами в отношении своих товаров, насаждая принципы свободного товарообмена и рыночной демократии даже недемократиче-

ими военными методами (опиумные войны в Китае), так и эти принципы наилучшим образом отвечали характеру и интересам английской экономики. При этом у себя дома Англия использовала защитительные тарифы в интересах собственных промышленников, не стесняясь применять двойной стандарт морали: один — для внутреннего, другой — для международного пользования.

Экономический кризис, который пережила Англия в 30-е годы XIX в., побудил английский кабинет во главе с Пальмерстоном проводить агрессивную экспортную политику, направленную на то, чтобы «максимально большое число белых и чернокожих жителей Азии носили английскую одежду». Это противоречило экономической стратегии Мухаммада Али, который вытеснил английские товары из Египта, приступил к этому в Сирии и Палестине и грозил осуществить это во всем Восточном Средиземноморье. Хотя на практике этого не произошло, даже напротив, английская торговля в 30-е годы в этом регионе переживала подъем, но угроза ей со стороны египетского правителя постоянно существовала. Стремясь снять ее, Англия убедила Стамбул 16 марта 1838 г. заключить знаменитый англо-турецкий торговый договор. Он был исключительно выгоден для Англии, так как обеспечивал ей возможность, минуя османскую казну, закупать сырье по низким ценам непосредственно у османских производителей.

Официальные британские чиновники доказывали необходимость заключения этого договора тем, что он отменяет турецкие монополии, введенные Мухаммадом Али, а без отмены монополий последний не сможет финансировать свою армию и, следовательно, станет неопасным для Стамбула. При этом английские дипломатические чиновники прекрасно понимали, что в первую очередь выполнение этого договора разрушит собственно турецкую экономику, но об этом они предсудомостительно ничего не говорили османской стороне.

Параллельно с осуществлением этой экономической империи, английская дипломатия активно подталкивала османского султана к развязыванию военных действий против Египта, обещая всемерную помощь и поддержку. Еще до того, как положения договора 1838 г. стали известны в Египте, вызвав законный гнев, между ним и османской империей разразилась вторая война: турки атаковали египетские позиции в Сирии (21 апреля 1839 г.). Вновь египетские войска под командованием Ибрахим-паши доказали

свое превосходство. В битве под Незибом 24 июня 1839 г. египтяне разгромили турецкую армию и, как и в 1832 г., получили беспрепятственную возможность двигаться на Стамбул. Султан Махмуд II, узнав о поражении, не смог оправиться от потрясения и через шесть дней скончался. Еще через две недели весь османский флот во главе с адмиралом Ахмедом Февзи-пашой перешел на сторону Мухаммада Али, подведя неутешительный для турок итог начатой самими военной кампании: за три недели войны Османская империя потеряла государя, армию и флот (Розен 18326—328).

На этот раз за османов вступилась Англия и предотвратила их полный разгром. Англичане убедили ведущие европейские державы, включая союзника Египта — Францию, поддержать коллективный демарш держав против Ибрагима-паши в Сирии. Англичане и османы содействовали возникновению антиегипетских мятежей в Сирии и Палестине, которые отвлекли силы египтян и дали возможность 11 сентября 1840 г. высадить английский и турецкий десанты в районе Бейрута. Эта акция была предпринята в соответствии с Лондонской конвенцией (15 июля 1840 г.), которую подписали Англия, Австрия, Пруссия, Россия и Турция. Египтянам пришлось воевать на два фронта: против англичан и османов, с одной стороны, и против внутреннего антиегипетского восстания сирийцев — с другой. Если к этому добавить политическое давление, оказанное коллективным демаршем четырех европейских стран, бездействием Франции, где правящий египетский кабинет Тьера был заменен противоположно настроенным правительством, а также демонстрацией сил, когда перед окнами спальни Мухаммада Али в его резиденции в Александрии прошел мощный британский флот во главе с адмиралом Нэпиром, угрожавшим открыть огонь по египетским кораблям, стоявшим на александрийском рейде, становится ясно, что побудило Мухаммада Али принять ультиматум своих врагов и вывести войска из Сирии. Выход войск, начавшийся 29 декабря 1840 г., проходил в сложных условиях и стоил египтянам огромных потерь — около 36 тыс. человек, что было равнозначно поражению в крупном сражении.

Благодаря вмешательству Англии планы Мухаммада Али на создание империи были сорваны, а практически все, что он сделал, было разрушено. Из всех прежних владений только Египет и Судан остались в наследственном управлении

Мухаммада Али, переходя к старшему по возрасту. Освоенные территории, включая аравийские, Сирию, Палестину и Крит, возвращались под власть султана. Положения Турецкого договора 1838 г., дополненные султанским указом от 1 июля 1841 г., были перенесены на Египет, и должны были впредь подчиняться все правители этой страны. Это означало отмену государственных внешнеторговых монополий и эмбарго, что делало египетский рынок беззащитным перед экспансией европейских товаров. Была ликвидирована большая часть предприятий военно-промышленного комплекса под предлогом их нерентабельности, а мелкие промышленные предприятия, лишённые государственной защиты и поддержки, были брошены на произвол судьбы и разорились, так как не могли конкурировать с дешёвыми европейскими товарами, наводнившими египетский рынок благодаря низким налоговым ставкам. Индустриализация страны была отложена на сто лет, а чтобы у египетских правителей даже не возникало мысли о возможности противодействия этой политике, египетская армия подверглась более чем десятикратному сокращению: Египет потерял право иметь под ружьём не более 18 тыс. человек, ему запрещалось иметь военный флот, а османский флот, перемещённый на египетскую сторону, подлежал возвращению туркам. Восстанавливалась дань, которую Египет обязан был ежегодно платить Стамбулу. Вновь, уже в который раз за свою многовековую историю, Египет утрачивал статус центра империи и превращался в заурядную провинцию, экономические функции которой не шли дальше понятий «рынок сбыта» и «сырьевой придаток».

До настоящего времени нет общепризнанной исторической оценки личности Мухаммада Али и периода его правления в Египте. Во многом это объясняется критериями, которыми для этого применяются. Для Европы Мухаммад Али был не только политическим противником, но и стратегическим

врагом, деятельность которого претендовала на создание альтернативного европейскому цивилизационного пути разви-

тия. Индустриализму и национализму, которые, по словам Дж. Тойнби, примиряются демократическими институтами западного общества, Мухаммад Али противопоставил индустриализм и подданический корпоративизм, обрамлённые точной деспотической государственностью (Тойнби 1996:

160). Он подошел с европейским прагматизмом к использованию восточно-азиатских возможностей завоеванных им тер-

риторий для создания жизнеспособного и самодостаточного государственного организма.

Европейские авторы пишут о значительных материальных потерях, которые понес Египет из-за неудачной индустриализации, сорванной вмешательством европейских держав, что в ретроспективной оценке событий выглядит в их глазах фактом исторической неизбежности. Другие подчеркивают значительные людские потери Египта во время амбициозных войн, которые вел Мухаммад Али, не учитывая при этом, что историческое и экономическое единство завоеванных им территорий получило по крайней мере одно безусловное подтверждение: в колониальный период практически все они вошли в состав британской колониальной системы, управляемой из столицы метрополии — Лондона. Подчеркивается, что Мухаммад Али заимствовал и внедрил в Египет европейские по форме государственно-политические институты, но при этом недостаточно изучен вопрос, в какой мере эти нетрадиционные по форме институты были нетрадиционными по содержанию и так ли сильно они отличались по характеру функционирования от традиционных политических структур.

Бесспорной заслугой Мухаммада Али считается реорганизация системы образования, заимствование новых европейских технологий и методов организации производства, и в этом вопросе Мухаммад Али не был осознанным реформатором и действовал чаще исходя из потребностей момента, чем по заранее разработанному плану. Это в первую очередь касается индустриализации, которая была для него не целью, а средством достижения государственного могущества и независимости.

Особого внимания заслуживает политика Мухаммада Али в области сельского хозяйства. Это особенно важно в условиях аграрной страны, каковой являлся Египет. Сельское хозяйство при Мухаммаде Али претерпело значительные изменения. Практически все сельскохозяйственные культуры, которые произрастают сейчас в Египте, были введены в употребление при Мухаммаде Али или благодаря его реформам. Он же дал возможность развиваться тем тенденциям, которые наметились еще в XVIII в. В первую очередь — это переориентация египетского сельского хозяйства на производство экспортных культур для вывоза их из страны и продажи на европейском рынке. В отношении последнего у Мухаммада Али практически не было выбора;

или поздно Египет, как и вся Османская империя, должен был утратить свою экономическую замкнутость, подчиниться потребностям мирового рынка, где господствовали европейцы. Это было неизбежно при экономике, ориентированной на производство товарной продукции и экспортных культур.

Процессу включения Египта в европейский рынок сопутствовали изменения в характере сельскохозяйственного производства: прежде всего это было связано с отделением крестьян от результатов их труда и лишением их прав собственности на землю, которое перешло к государству. В этой новой системе государство стало на некоторое время крупнейшим земельным собственником, присваивающим себе львиную долю прибавочного продукта, а затем перераспределяющую его исходя из общегосударственных интересов. Во всем этом трудно не усмотреть аналогию с теми преобразованиями, которые получили название социалистических и происходили уже в XX в. на территории СССР и стран Восточной Европы, да, собственно, и в Египте времен президентства Насера (1952–1970 гг.). Едва ли эти аналогии случайны, так как мощный государственный сектор в промышленности, государственный контроль над землевладением, торговлей, образованием, сильные и социально активные вооруженные силы, преобладание авторитарных методов государственного управления над демократическими — все это типично для восточно-азиатской государственности и роднит современный Египет с эпохой Мухаммада Али, который, желая этого и так никогда и не узнав о совершенном, подготовил почву для египтезации страны. Он допустил египтян на должности в гражданской администрации и армии, им испытать чувство гордости за военные победы над турками и чувство причастности к созидательной государственной работе, без чего формирование позитивной самоидентификации в рамках национального государства было бы невозможно.

Последние годы своей жизни Мухаммад Али провел в упорной борьбе за получение от Стамбула как можно больших привилегий для себя и своих преемников. Однако ценный державами армии и флота он был обречен на беспрестанное и вассальную зависимость от султана. Подлинным хозяином Восточного Средиземноморья становится Англия, влияние которой в регионе, в том числе и на Египет, с этого времени неуклонно возрастает.

Что же касается России, которая приложила столько усилий к военному и политическому разгрому египтян, то она в этой дипломатической игре с англичанами явно проиграла. По настоянию англичан, российско-османский Ункяр-Искелесийский договор, восьмилетний срок которого истек в 1841 г., не был продлен. Вместо него в Лондоне в том же 1841 г. под английским нажимом пятью европейскими государствами, включая Россию, и Турцией была подписана новая конвенция о проливах, по которой закрывалось право прохода военных судов, в том числе и российских, через Босфор и Дарданеллы (подробнее см.: Россия 1916). Российский черноморский флот утрачивал доступ в Средиземное море, а Россия — средство влияния на политику в этом регионе, что делало неизбежной очередную русско-турецкую войну. Она разразилась спустя чуть больше десятилетия, получив название Крымской (1853–1856 гг.). В России, вынужденная как когда-то Египет, бороться против Турции, поддержанной коалицией европейских государств, понесла сокрушительное поражение (об участии Египта в Крымской войне см.: Тусун 1993, *араб.*; Фахми 1995: 40–44, *араб.*)).

Завершая изложение истории Египта периода правления Мухаммада Али, приведем характеристику, данную египетскому правителю упоминавшимся выше генералом Н. Н. Муравьевым, лично его знавшим. По его словам Мухаммад Али имел довольно обыкновенную наружность: был мал ростом, одевался по-старинному, «в приемах соблюдал важности, свойственной туркам, напротив того был скор и беспокоеен; если у него не все тело, то руки, голова и, наконец, глаза в непрерывном движении». Разговор его был занимателен, но часто несвязен; он был чрезвычайно болтлив и вообще не так любопытен, как рассказывали иностранцы. Несмотря на старые лета, в глазах его блистала пылкость; неестественный, короткий смех без душевной глубины часто прерывал его слова. «К лести он доступен настолько, что сим средством можно из него все извлечь», очевидно когда лесть исходила из уст иностранцев; любил, когда его сравнивали с Филиппом Македонским, а Ибрахим-пашу — с Александром Великим. Столь же благосклонно принимал, когда его называли Александром Великим, и с «ребяческим удовольствием» внимал такой грубой лести. Излагая свои мысли, бывал страстен, стремясь «посравнить

приятностью ума;... в обхождении прост», представляя тем самым «необыкновенное между турками явление»; необыкновенно трудолюбив, однако грамоте выучился в 45 лет от роду; вспыльчив до жестокости, но великодушен. «Беспрерывное беспокойство обнаруживается в нем и в краткие часы: он беспрерывно сбрасывает с себя покрывало, для поправления коего две женщины неотлучно при нем в это время находятся; чадолюбивый отец, попечителен о родных, жизнь ведет воздерженную» (Муравьев 1874, ч.2: 22–23). Последние годы своей жизни до самой кончины в 1849 г. Мухаммад Али пребывал в состоянии глубокого маразма, когда приступы безумия сменялись кратковременными периодами прояснения. Некоторые историки связывают это с воздействием на нервную систему и мозг Мухаммада Али нитрата серебра, который врачи давали ему в надежде вылечить его от хронического колита.

В 1848 г., когда состояние его здоровья ухудшилось, он, даже не сознавая этого факта, был заменен у власти старшим сыном и сподвижником Ибрахим-пашой, который скончался спустя несколько месяцев после этого от туберкулеза. Во главе страны встал внук Мухаммада Али — Аббас-паша (1849–1854 гг.), консервативное проосманское правление которого прервалось в 1854 г., когда ряд лиц из его ближайшего окружения устроили заговор и убили его. Новым правителем стал его дядя, сын Мухаммада Али — Сид-паша (1854–1863 гг.). Ему было суждено принять историческое решение о строительстве Суэцкого канала, прервавшего единственную сухопутную перемычку между Азией и Африкой, соединив бассейны Атлантического и Индийского океанов (Хамид 1973: 72, *араб.*; Фахми 1995: 40–44, *араб.*).

Это решение и последовавшее за этим осуществление проекта строительства канала привели к совершенно новой политической ситуации, когда судьба Египта оказалась нераздельно связанной с существованием Суэцкого канала, который в свою очередь стал стратегически важным геополитическим объектом для крупнейших морских держав того времени, и прежде всего Англии. Сбылись прозорливые слова Мухаммада Али, который задолго до появления геополитики как науки, интуитивно ощутив связь географических и политических факторов, отверг план строительства Суэцкого канала, не желая, чтобы Египет был при канале, но не видя

политической возможности сделать так, чтобы канал был при Египте. Позднее эта мысль в афористической форме была сформулирована внуком Мухаммада Али хедивом Исмаилом, возглавившим страну в 1863 г. При нем строительство канала было завершено, и он в полной мере испытал на себе груз геополитических проблем, вызванных его открытием (Waterfield 1967: 109).

ГЛАВА 8

УТРАТА СВОБОДЫ (1854–1922)

*Обладание постоянной позицией в Египте является
решающим для сохранения британской империи на
Востоке.*

Полковник Фуллертон

Египет для египтян.

(Лозунг египетских националистов)

СУЭЦКИЙ КАНАЛ: ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ

Исторический пафос Египта второй половины XIX—начала XX вв. выражен в лозунге «Египет для египтян», который выдвинули в 1876 г. сторонники Ахмеда Ораби (1839–1911), объединившиеся в Партию Отечества («Хизб аль-Ватан») и получившие название ватанистов (араб. ватанийун), т.е. патриотов» (Луцкий 1965: 176). В отличие от многих других стран, где патриотические лозунги значительно опережали реальные предпосылки их осуществления, в Египте призыв к египтизации страны в 1870-е гг. был уже выстрадан насущной необходимостью ряда предшествующих десятилетий общественной эволюции, по сравнению с которой как английское вторжение 1882 г. и последовавшая затем колонизация могут рассматриваться как явления вторичные, политическое производное от органической неспособности египетской государственности отстаивать интересы страны с национальных позиций (не имперских, не политических, не религиозных и пр.). Мухаммад Али, заложивший основы ускоренной модернизации Египта, оставил своим наследникам сильное централизованное государство со значительным потенциалом саморазвития и комплекс трудноразрешимых международных проблем. Важнейшей из них была проблема сохранения египетского суверенитета, борьбе за который он, незаурядный государственный деятель, отдал столько сил.

Саид — наследник и сын Мухаммада Али, пришедший к власти в 1854 г., продолжил модернизаторский курс своего отца, придав ему, однако, ярко выраженный зависимый, прозападный, порой исключительно профранцузский характер не только в том, что касается целей модернизации, но и в

том, какими средствами она осуществлялась. Мысли о свободе и суверенитете родины не были доминирующими в его сознании. В то же время он болезненно дорожил личной свободой и правом принятия самостоятельных решений, которого был лишен все годы, пока был жив его отец.

Детство Саида, страдавшего избыточным весом, было сущим кошмаром из-за придирок Мухаммада Али, который хотел, чтобы мальчик похудел, и с этой целью отправил его служить во флот. Ненавидевший ожирение, Мухаммад Али еженедельно слал сыну письма, в которых выражал свои возмущение его полнотой и требовал, чтобы он сбросил вес, соблюдая строгую диету и занимаясь гимнастикой. Тучному наследнику было приказано по несколько раз в день подниматься и спускаться по вантам корабельной мачты, бегать вверх и вниз по дворцовой лестнице или бегать трусцой по кругу стен его александрийской резиденции. Но ничего не помогало — ребенок рос толстым и вялым. Его жизнь скрашивала дружба с французским консулом Фердинандом де Сессем (1805–1894) который, как злословили современники, нашел путь к сердцу будущего монарха через желудок, кармливая его макаронами. Между ними установились жесткие отношения, которые после прихода Саид-паши к власти позволили Лессепсу без труда убедить своего царственного друга в том, чтобы он подписал документы о создании концессии по строительству Суэцкого канала и уже одобрившим этим увековечил бы себя в истории (Барро 1893: 32 и др.). Однако подлинную известность Саид-паше принес не факт принятия решения о строительстве канала, а его доверчивость и наивность при подписании концессионного соглашения на крайне невыгодных для Египта условиях. Строительство Суэцкого канала осуществлялось на египетской земле, силами египетских рабочих, практически без механизации и наполовину на египетские деньги.

В октябре 1858 г. Лессепс объявил о создании акционерной «Всеобщей компании Суэцкого канала», а в апреле 1859 г., полагаясь только на согласие своего друга Саида, без официального разрешения султана начал строительство канала. Лессепс надеялся, что его племянница императрица Евгения, жена французского императора Наполеона III, окажет давление на султана и побудит его согласиться с осуществлением проекта. Ходили слухи, что императрица и император оба получили тайные доли в пакете акций Суэцкого канала. Поэтому неудивительно, что Фран-

имея во главе проекта своего соотечественника Лессепса, к тому же приходившегося родственником императорской семье, настаивала на одобрении султаном проекта (о Ф. Лессепсе и строительстве Суэцкого канала см.: Барро 1893; Суэцкий канал 1959; Виноградов 1991: 18–42)).

Британское правительство, побуждаемое железнодорожным лобби, напротив, высказалось против проекта строительства канала, так как это могло неблагоприятно сказаться на работе египетских железных дорог, находившихся под контролем Великобритании. Особое значение имела железная дорога из Александрии, проходившая через Каир в Суэц, концессию на строительство которой Англия получила в 1851 г. и ввела её в эксплуатацию в 1857 г. Английские суда приходили из Англии в Александрию, а из Индии в Суэц. Связь между этими двумя египетскими портами поддерживалась по железной дороге, принадлежавшей Великобритании, которая поэтому, а также из опасения, что канал попадет в руки французов, официально настаивала, чтобы Стамбул не дал согласия на реализацию проекта (об англо-французских противоречиях в связи с Суэцким каналом см.: Профеев 1957)).

Испытывая на себе поочередно давление то Англии, то Франции, султан после длительных проволочек все же согласился на строительство, однако к этому времени канал был наполовину построен, и работы велись полным ходом. Ежедневно на строительстве было занято более 20 тыс. рабочих, которые трудились в три смены. Все они были крестьянами, оторванными на время работ от своих сельскохозяйственных занятий и принудительно направленными на строительство. Лишь в 1863 г. пришедший к власти после смерти своего дяди Саид-паша (1863 г.) Исмаил-паша отменил принудительный труд на строительстве канала, что грозило Лессепсу разорением, но ловкий предприниматель, используя международный арбитраж, роль арбитра в котором играл его родственник (и, возможно, компаньон Наполеон III), добился выплаты себе компенсации из египетской казны, покрывавшей все издержки и потери возглавляемой им Всеобщей компании Суэцкого канала (Соллогуб 1871: 39). Этот удивительный арбитраж дал средства, необходимые для окончания строительных работ, которые завершились 17 ноября 1869 г. официальным открытием судоходства по Суэцкому каналу. Это произошло уже при новом правителе Исмаил-паше (1863–1879 гг.), который, строя грандиозные планы преобра-

зований Египта, хотел заручиться благосклонностью Нил она III и поэтому не протестовал против вынесенного им страстного решения (Виноградов 1991: 38–39).

Для понимания личности Исмаил-паши важны обстоятельства его прихода к власти. Дело в том, что наследник его предшественника — Саид-паши должен был быть мянник последнего, старший сын Ибрахим-паши, Ах унаследовавший, как говорили, от своего отца ум, полит ский талант, волевые качества и чувство патриотизма, к ро го явно не хватало другим членам правящей семьи. Од этот способный и подававший большие надежды претен на египетский престол трагически погиб во время желе дорожной катастрофы. Ахмад в числе других членов пр щего дома был приглашен на торжественную церемонию крытия новой железнодорожной ветки, часть которой пр дила по подвесному мосту через Нил. По чьему-то недоо ру поезд с гостями был пропущен на этот еще недостроен мост и рухнул с него в Нил. Погибли практически все нитые пассажиры поезда, в том числе почти все стар претенденты на египетский престол за исключением младш го сына Мухаммада Али — Халима, сидевшего у окна и мевшего выплыть из упавшего в реку поезда. Исмаил, к рый был младшим братом Ахмада, сославшись на незд вье, не прибыл на эту церемонию, что спасло ему жизнь. После смерти Саида-паши он занял его место во главе Ег та. Семья Ахмада всегда подозревала Исмаила в том, что он, стремясь к власти, подстроил этот несчастный слу открывший ему путь к престолу, но доказательств у ни было (Marsot 1994: 67).

Исмаил-паша (1863–1879 гг.) имел репутацию «жадо до денег, но равнодушного к интересам Египта хитрого, разованного, хорошо воспитанного фермера», личные мельные угоды которого могли служить образцом органи зации сельскохозяйственного производства. Параллельно строительством Суэцкого канала при Исмаил-паше пров дились значительные ирригационные работы, расширил районы поливного земледелия, что позволило собирать них по 2 и даже по 3 урожая в год. Одной из главных с с сельскохозяйственных культур в это время становится хлопок, так как Египет получал значительные прибыли от его экспор тации на международном рынке, когда спрос на него во вре мя гражданской войны в США очень возрос. Осуществление этого проекта потребовало больших финансовых средств.

Исмаил-паша пошел по пути своего предшественника, беря ссуды в долг у европейских банков. Однако сельскохозяйственный проект не дал ожидаемой прибыли, а с учетом взятых кредитов, принес убытки. Это произошло, во-первых, потому, что спрос на хлопок после окончания гражданской войны в США упал, и многие крестьянские хозяйства, специализировавшиеся на выращивании хлопка, разорились; во-вторых, потому, что эпидемия уничтожила практически все поголовье крупного рогатого скота в Египте, и новых животных пришлось покупать за границей, что также потребовало значительных средств. Кроме того, при Исмаиле были осуществлены следующие проекты: расширены и углублены морские и речные гавани, построены маяки, вымощены дороги, сооружены мосты. Страна была обеспечена инфраструктурой шоссейных и железных дорог, по насыщенности которыми на одного человека Египет к концу века вышел на 10-е из первых мест в мире, что, в свою очередь, ускорило экспортировку экспортных грузов — главного источника благосостояния страны (Marsot 1994: 68).

На долю Исмаил-паши, как уже говорилось, выпала миссия открытия Суэцкого канала. Торжества по этому поводу начались 17 ноября 1869 г. В Египет съехались представители крупнейших европейских королевских домов, сотни политических деятелей и множество международных авантюристов (Виноградов 1991: 39–40). Специально для первого представления во вновь созданной Каирской опере, первой на Ближнем Востоке и в Северной Африке, по заказу Исмаил-паши на сюжет, заимствованный из работ известного композитора Жана Франсуа Шампольона, Джузеппе Верди написал оперу «Аида», которую, впрочем, не успели поставить из-за задержки с подготовкой театральных костюмов, и вместо первого спектаклем прошла опера «Риголетто».

Для именитых гостей были построены дворцы, оборудованы яхты. На главных улицах Порт-Саида и Суэца, двух городов по обе стороны канала, появилось электрическое освещение. Празднества продолжались несколько недель и были щедро оплачены из египетской казны, так как Исмаил-паша больше всего боялся прослыть скупым в глазах своих именитых гостей из Европы (Ар-Рафии 1987, т.1: 99–107, *приб.*). Уже позже была определена цена, которую Египет выплачивал за строительство канала — более 300 млн франков. Через шесть лет обанкротившийся из-за этого проекта Египет

был вынужден продать принадлежавшие ему 44% акций канала за 100 млн франков, что определило чистые убытки в 200 млн франков. В. Б. Луцкий доводит эту цифру до 300 млн франков (Луцкий 1965: 139; Marlowe 1964: 2242). К этому следует добавить, что во время строительства умерло и погибло примерно 100 тыс. египтян. Тогда же в 1862 г. Саид-паша под обеспечение египетской доли строящегося канала взял первый внешний заем, что положило начало огромному египетскому государственному долгу, приведшему страну к банкротству (Landes 1958: 117).

Благодаря Суэцкому каналу, политическое значение Египта резко возросло, особенно в глазах англичан, живших и заинтересованных в установлении контроля над этой транспортной артерией, через которую проходил кратчайший путь в Индию — английскую колониальную собственно Индию. Прорытие Суэцкого перешейка, по словам Н. Я. Данилевского, должно было снова перенести главный центр торгового движения на берега Средиземного моря и не могло не уменьшить торгового значения самой даже Англии» (Росов 1915: 51). Поэтому англичане сначала приложили максимум усилий к тому, чтобы не допустить строительства канала, а затем, чтобы завладеть контрольным пакетом его акций и иметь возможность претендовать на роль его владельцев. Это осуществил британский премьер-министр лорд Дизraeli, выкупивший акции канала у египтян. Когда же в Египте вспыхнуло национальное восстание во главе с Ораби-пашей, англичане применили испытанный метод защиты своих зарубежных интересов — прямую интервенцию (1882 г.), которая более чем на 70 лет поставила Египет под английский контроль, включив его в состав британской колониальной империи.

ПОРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Авторитаризм, прозападный характер мировоззрения, склонность к реформаторству — вот те три особенности, которые характеризовали период правления Исмаил-паши. При нем в Египте начинает формироваться авторитарно-бюрократический политический режим, горячим сторонником которого в Европе был Наполеон III, пользовавшийся

ной симпатией Исмаил-паши (Аль-Айуби 1990, т.1: 364, и далее, *араб.*).

Стремление Исмаил-паши к неограниченной власти проявилось в его безуспешных попытках добиться от Стамбула фактического признания независимости Египта. В обмен на прекращение египетских ежегодных выплат Стамбулу османский султан Абд аль-Азиз (1861–1876 гг.) — двоюродный брат Исмаил-паши (их матери были родными сестрами), 27 мая 1869 г. согласился на изменение порядка престолонаследия в Египте: отныне власть стала переходить не к старшему в роду, а к старшему сыну, что соответствовало принятому в европейских монархиях принципу первородства. 8 июля 1869 г. Исмаил получил наследственный титул хедива (от турецкого «повелитель»), который неофициально носил его дед Мухаммад Али, подчеркивая тем самым особое значение Египта и его правителя по сравнению с другими османскими провинциями и их губернаторами. В 1873 г. по указанию Исмаила султан издал указ о финансовой автономии Египта, с одной стороны, ослаблявший его зависимость от Стамбула, а с другой — открывавший путь для иностранной финансовой интервенции в страну, что имело роковые последствия (Аль-Айуби 1990, т.1: 384–450 и далее, *араб.*).

Действуя в духе реформаторских начинаний Мухаммада Али и Саид-паши, Исмаил-паша закрепил введенный еще его предшественником статус арабского языка в качестве единственного официального языка в Египте. Кроме того, при Исмаиле более чем в 20 раз увеличилось количество начальных школ, возросло число средних и специальных учебных заведений, возникли такие известные по настоящее время учреждения как Национальная египетская библиотека, Национальный музей, Каирская опера, появились первые научные просветительские общества (Аль-Айуби 1990, т.1: 186–228, 243–246 и др., *араб.*).

Вся реформаторская деятельность Исмаил-паши, будь то реорганизация судебной системы, строительство железных дорог и совершенствование транспортной инфраструктуры, миллиоративные работы и развитие национального образования, имела целью трансформировать Египет в современное государство. Обратной стороной этих реформ была их высокая стоимость, которая покрывалась за счет внешних займов. Иностранные инвесторы и подрядчики, которых так стремился привлечь Исмаил-паша, откровенно наживались

на египетских экономических проектах, действуя заодно с египетской бюрократией и иностранными банковскими группами. Так, из 325 млн франков, ассигнованных на железнодорожное строительство, по прямому назначению было использовано только 75 млн франков, судьба остальных осталась неизвестна (История 1976: 190). В. Н. Гуклягин назвал историю колонизации Египта классическим примером финансового завоевания (Гуклягин 1923: 116). До середины XIX в. Египет практически не имел государственной задолженности, то к началу 1880-х гг. его долг главным образом англо-французским банкам, составил по одним данным 94, по другим — более 98 млн фунтов стерлингов (Кошелев 1984: 12). Непосредственными кредиторами хедива Исмаила и связанных с ним финансовых корпораций были банкирские дома Ротшильдов (парижский, лондонский, французский), «Кредит фонсье де Франс», «Лионский кредит», «Парижский банк», «Оппенгейм», «Флюринг и шен», «Бишофсгейм», Англо-египетский и Франко-египетские банки и др. (Нерсесов 1979: 25, 257). В сумму египетского долга входили как долгосрочные займы (консолидированный долг), чаще всего английского происхождения, так и краткосрочные займы (вексельный долг), предоставлявшиеся на срок от одного месяца до одного года преимущественно французскими кредиторами.

Египетские займы приносили европейским финансовым группам фантастические прибыли, дав основание называть Египет «Клондайком на Ниле». Удержания по займам в виде «комиссионных», «курсовой разницы», «гарантий по обещанию риска» и др. достигали от одной трети до половины номинального размера. При средней процентной ставке кредитам в Европе того времени 3,5–5%, Египет платил кредиты под 12–26, а порой и под 30%. В результате большая часть средств, получаемых Египтом по кредитам, фактически оставалась у кредиторов или возвращалась им в качестве оплаты по процентам за предыдущие займы. Практически удержания и проценты составили свыше двух третей суммы, записанной в египетский долг — 70 млн фунтов стерлингов (Нерсесов 1979: 25).

Тяжким бременем на египетский бюджет легли бесплодные военные акции, большинство из которых было предпринято по политическим мотивам: Египет участвовал в Крымской войне (1853–1856 гг.) против России, в мексиканской экспедиции Наполеона III (1862–1867 гг.), в подавлении греческого восстания (1821–1829 гг.).

ского восстания на острове Крит (1866–1869 гг.), в военных экспедициях в экваториальную Африку (1869–1871 гг.), Умбуро (1872–1873 гг.), Дарфур (1874 г.), а также в абиссинской кампании (1875–1876 гг.) и русско-турецкой войне (1877–1878 гг.) (История 1976: 190). Беря в долг у иностранных банкиров больше, чем страна могла вернуть, Исмаил-паша обнаружил, что не может расплатиться даже по процентам от взятых кредитов. Стремясь найти выход из финансового тупика, он принял решение созвать первый в истории Египта парламент — Консультативное собрание депутатов (аджлис шура ан-нувваб), которое часто называют «Палата нотаблей» (1866 г.) (Ар-Рафии 1987, т.1: 109 и далее, араб.; аль-Айуби, т.1: 68–73, араб.). Официально этот орган создавался для поиска оптимальных путей выхода из финансового кризиса, но по существу он имел чисто консультативные функции, занимаясь исключительно изысканием возможностей получить дополнительные налоги с населения. В частности, через него в 1871 г. проходило утверждение закона о мукабале (возмещении), смысл которых состоял в том, чтобы в обмен на последующее бессрочное сокращение налога на 50%, выплатить государству, начиная с 1873 г., дополнительно шестикратную сумму годовой земельной ренты. Справ с крестьянских хозяйств за 1871–1878 гг. свыше 1 млн франков, египетское государство так никогда и не исполнило своих обязательств по этому закону. Аналогичная участь постигла и все другие государственные займы, которые с 1874 г. стали уже принудительными, что также санкционировалось Палатой нотаблей. Палата состояла из 75 членов, которые выбирались на три года шейхами деревень, нотаблями Каира, Александрии и Дамьетты (Луцкий 1965: 145). Почти все члены палаты были представителями крупного землевладения, зависимыми от воли правителя и потовали стремившимися сделать карьеру на государственной службе и тем самым обезопасить себя от случайностей политической конъюнктуры (Кошелев 1991: 180–200).

Исчерпав возможности дополнительного налогообложения, в конце 1875 г. Исмаил-паша, чтобы покрыть очередные платежи по займам, в отчаянии, решил продать принадлежавшие Египту акции Суэцкого канала — единственного оставшегося в распоряжении хедива доходного предприятия египетской экономики. Соответствующие предложения были направлены правительствам Англии и Франции. Быстрее

среагировали Англия и проанглийское лобби в окружении хедива: тогдашний британский премьер-министр Дизей (лорд Биконсфилд), не уведомив даже членов собственной кабинета, на взятые в долг у его друга банкира Лайон Ротшильда 4 млн фунтов стерлингов купил египетскую компанию акций Суэцкого канала для Англии, которая благодаря этой сделке овладела 45% акций этого выгоднейшего предприятия. Хотя французская сторона владела большим количеством акций, но в отличие от Англии, где они были в руках правительства, французская часть акций была распределена между несколькими акционерами. Усиление английских позиций в Египте было связано также с деятельностью лондонских банкиров Фрюлинг, Гошена, Бишофсгейма и Оппенгейма, которые поставили Египет в финансовую зависимость от британского банковского капитала через систему займов и кредитов (Landes 1958: 261–318).

Приобретение Англией акций Суэцкого канала означало первый шаг к колониальному захвату ею Египта. Сам по себе канал значил мало, но он дал Англии право требовать контроля над Суэцким каналом и включения двух английских представителей в совет директоров компании канала. Второй шаг к этому сделал сам хедив Исмаил, который обратился за помощью к европейским державам, просил содействовать выходу из финансового тупика. Это было стратегической ошибкой, так как открыло неограниченные возможности для вмешательства европейских держав в дела Египта. В 1876 г. с целью помощи в преодолении египетского финансового кризиса был создан международный орган — Касса хедивского долга. В нее вошли представители крупнейших кредиторов Египта — Англии, Франции, Австро-Венгрии и Италии. Англо-французские противоречия в этом органе привели к его ликвидации и к учреждению вместо него 1 ноября 1876 г. системы так называемого двойного контроля для руководства государственными расходами и доходами. Были назначены два контролера — англичанин и француз. Между ними и хедивом Исмаилом, отчаянно боровшимся за остатки египетского суверенитета, возник непримиримый конфликт, который разрешила Международная комиссия расследования, работавшая под европейским контролем (1878 г.). На основании ее рекомендации хедив Исмаил фактически отстранен от управления государством, и 28 августа 1878 г. он передал управление страной вновь образованному

международному кабинету министров, получившему в Египте название «европейского кабинета» (Marsot 1994: 69–71).

Во главе этого марионеточного правительства в качестве премьер-министра был поставлен бывший египетский министр иностранных дел, порвавший с Исмаилом и эмигрировавший в Лондон, сторонник Англии, армянин-католик Нур-паша (о нем см: (Заки 1991, *араб.*)). Он совершенно не знал арабского языка, ненавидел хедива и настаивал на неограниченном установлении британского протектората над Египтом (История 1976: 192–1930). Министром внутренних дел в этом кабинете был назначен проевропейски настроенный Рийаз-паша. Министром финансов стал англичанин Риверс Уильсон, а министром общественных работ — француз Блиндьер. Европейцы заняли ключевые посты практически во всех министерствах.

В своем желании сэкономить средства европейские министры прибегли к увольнению офицеров из армии: «европейский кабинет» принял решение уволить из армии 2,5 тыс. офицеров, остальным в два раза снизить жалованье и не платить прежней задолженности (Луцкий 1965: 176). Узнав о своем увольнении, группа армейских офицеров во главе с Лабеем Салимом, поддержанная солдатами и горожанами, 1 декабря 1879 г. остановила кареты премьер-министра Нур-паши и министра финансов Ривера Уильсона, заключив их под стражу в здании министерства финансов. Хедив Исмаил, который, возможно, стоял за всеми этими событиями, продемонстрировал, что только он один может контролировать ситуацию в стране: «пленников» удалось освободить только благодаря его личному вмешательству и поддержке верных ему войск. Этот незначительный по своим масштабам инцидент, был замечателен тем, что в нем впервые в новой истории Египта проявилась активная политическая роль армии и ее значительный потенциал в политической борьбе. В то же время реакцией на эти события держав-кредиторов стали опасения, что возрастающий авторитаризм хедива Исмаила и внутривластная нестабильность могут сорвать выполнение Египтом его долговых обязательств. В 1879 г. эти опасения подтвердились: Исмаил отверг финансовый план Р. Уильсона, направленный на сворачивание египетских долговых обязательств перед населением по внутренним займам, выдвинул собственный проект финансового плана антикризисных мероприятий, добился от-

ставки «европейского кабинета» во главе с Нубар-пашой и назначении на должность премьера своего старшего сына Тауфик-пашу (Аль-Айуби 1990, т.2: 467–494, *араб.*).

В ответ на эти шаги, прежде всего, Англия и Франция стали угрожать Исмаилу низложением, если он не проявит большую уступчивость перед требованиями европейских держав. Наряду с Англией и Францией, в политическую игру вокруг отстранения Исмаила от власти включились Германия в лице канцлера О. фон Бисмарка и Австрия, опротестовавшие действия хедива. 19 июня 1879 г. Англия и Франция обратились к Исмаилу с ультимативным требованием об отречении от власти в пользу старшего сына Тауфика. К ультиматуму наряду с Англией, Францией, Германией и Австрией поддерживали Россия и Италия.

Столь единодушное желание европейских стран сместить египетского правителя, которого они еще совсем недавно превозносили как европейски просвещенного монарха, объяснялось только тем, что он выступил против политики европейских банкиров. Исмаил обратился за решением своей судьбы к султану Абдул-Хамиду II, который, в свою очередь опасаясь противоречить воле европейских держав, 25 июня 1879 г. уведомил Исмаила о его низложении и назначении в качестве его преемника его старшего сына, 27-летнего Тауфика. Столь единодушное желание видеть его смещенным сломило волю Исмаила к сопротивлению, и 30 июня он покинул Египет, отправившись в Италию, где и провел остаток своей жизни (Ар-Рафии 1987, т.2: 251–256, *араб.*).

Примечательно, что деятельное участие в отстранении от власти хедива Исмаила принял английский финансовый тролер в Египте сэр Ивлин Бэринг, член крупного британского банковского семейства, которое владело значительными долями египетских долговых бумаг. И. Бэринг и его соратники оказали значительное давление на английское правительство с тем, чтобы оно сместило Исмаила. Примечательно, что сколько позднее, уже после английской оккупации Египта, И. Бэринг был назначен генеральным консулом Англии в Египте, занимал этот пост с 1883 по 1907 гг., 25 лет являясь фактически неограниченным правителем страны. В исторической литературе он известен под именем лорда Кромера. Время его пребывания на посту британского генерального консула именуется эпохой Кромера, и его по праву можно назвать создателем системы колониального капитализма и колони-

альной администрации в Египте. Меньше известно то, что лорд Кромер добился платежеспособности Египта, фактически осуществив план, предлагавшийся хедивом Исмаилом, который ранее был им отвергнут как нереалистичный (Marsot 1994: 69).

Новый хедив Тауфик первыми же своими шагами показал, что англичане получили послушного, безвольного, легкоуправляемого правителя: была распущена Палата нотаблей (июль 1879 г.), восстановлен режим двойного англо-французского финансового контроля, новым премьер-министром страны был назначен проанглийски настроенный Рийаз-паша, который, по словам лорда Кромера, подписывал одобренные последним важнейшие государственные акты и документы, даже их не читая. В 1880 г. были отменены государственные обязательства перед населением по мукабале, введены дополнительные налоги, хронически не выплачивалась зарплата офицерам и солдатам, практически все высшие офицерские должности в армии занимали выходцы из старых мамлюкских семей, которых в Египте именовали черкесами, тогда как продвижение по службе офицеров — этнических египтян всячески тормозилось. Наконец, 17 июля 1880 г. новый хедив дал согласие на издание закона о ликвидации египетского государственного долга, в соответствии с которым этот долг определялся в размере более 98 млн фунтов стерлингов, намечались пути и сроки его ликвидации, причем египтяне лишались возможности предпринимать в финансовой области что-либо без ведома и согласия иностранцев (Луцкий 1965: 183; ар-Рафии 1983: 32–66, араб.). Этот закон завершил юридическое оформление утраты египетского суверенитета, начало которой положили права, полученные европейцами по так называемым капитуляционным соглашениям, заключавшимся между османскими султанами и европейскими державами, начиная с XVI в. Эти соглашения делали иностранцев соответствующих стран неподсудными египетским судам, а консулам этих стран позволяли вмешиваться во внутриегипетские дела.

В условиях общего ослабления Османской империи эти привилегии стали использоваться иностранцами для того, чтобы избежать налогообложения и подчинения местным законам. Действуя под покровительством консулов своих стран, европейцы в Египте могли совершать любые преступления и уклоняться от ответственности за них. Единствен-

ным наказанием была высылка из страны, а на практике препровождение в любой морской порт для отъезда на родину. Но уже следующим кораблем высланные лица могли вернуться в страну и, как говорится, начать жить сначала. Таким образом, вся тяжесть налогов ложилась на плечи египтян, преимущественно крестьян, которые, не имея возможности их выплатить, вынуждены были пользоваться услугами ростовщиков. Ссудный процент доходил до 20% в месяц, а когда крестьяне не могли расплатиться, то теряли права собственности на землю, которая переходила во владение ростовщика. Наряду с огромным внешним долгом, долговая зависимость крестьян от ростовщиков стала еще одним бедствием, приведшим страну к гибели (Marsot 1994: 70).

В наследство от периода правления Исмаил-паши Тауфика осталось мощное оппозиционное движение, которое возникло в последние годы правления его отца. После прихода к власти проанглийского консервативного кабинета Рийаз-паши (1879 г.) оппозиционное движение приобрело египетский националистический характер, что было принципиально новым явлением внутриегипетской политической жизни. Три важнейших составных группы этого движения были тесно связаны с процессом египтизации страны. Первая группа — это «либеральные паши», крупные землевладельцы, преимущественно этнические египтяне, которые составили свои состояния в период правления Мухаммада Али или под влиянием его реформ. Их либерализм носил односторонний характер: они требовали ограничения авторитаризма правителя по отношению к ним самим, но сохранения авторитарных прав для себя в отношении зависимых от них крестьян. Вторая группа оппозиции — это молодые интеллектуалы, выпускники светских учебных заведений, видевшие в конституции средство ограничения автократии в целом как со стороны хедива, правительства и государственных органов, так и со стороны богатых землевладельцев. По своему происхождению многие из этих людей были связаны с крестьянством и отражали его интересы. Третья группа — преимущественно египетский по происхождению слой младшего и среднего офицерства в армии, который болезненно переживал монополизацию высших офицерских должностей выходцами из турецко-черкесской среды. К 1880 г. во всей египетской армии было лишь 4 египтянина-полковника остальные высшие офицеры и весь генеральский корпус был турецкого и черкесского происхождения. Эти четверо египтян выдвину-

... по службе до чина полковника в период правления Саид-паши, который в отличие от его преемников содействовал централизации офицерского корпуса.

При хедивах Исмаиле и Тауфике ситуация изменилась: армяно-черкесская группировка в армии получила поддержку правителей в ущерб интересам египетской части офицерского корпуса. Военный министр при Тауфике Осман-бей демонстративно повысил в чине ряд офицеров из армяно-черкесской знати, обойдя офицеров-египтян. Это послужило поводом для открытого протеста против дискриминационной политики военного руководства в отношении армянских египтян. 17 января 1881 г. командир 4-го пехотного полка Ораби-бей в сопровождении двух других полководцев-египтян — Абд аль-Аля и Али Фахми собственноручно вручили премьер-министру Рияз-паше петицию протеста против действий военного министра. Ответом на эти действия стал их арест в здании военного министерства, куда их вызвал сам военный министр якобы для обсуждения их жалоб. Однако подчиненные им воинские части освободили своих командиров, силой ворвавшись в здание министерства, смыв его охрану и едва не арестовав самого военного министра, который, спасаясь, бежал из своего кабинета через окно (Луцкий 1965: 184).

Эти события сделали до того времени мало кому известного полковника Ахмеда Ораби (1839–1911) лидером патристического движения, вокруг которого объединились основные силы оппозиции. Ораби был выходцем из крестьянской среды, его отец был сельским шейхом — омдой, из селения Хиярия-Рузна в Нижнем Египте. До армии Ораби некоторое время учился в университете аль-Азхар — крупнейшем богословском учебном центре Египта, в котором от природы пылким и любознательному юноше привили склонность к чтению, развили память и навыки ораторского мастерства. Позднее, уже оказавшись на службе в армии, он продолжал много читать, с интересом изучал опыт французской революции, наполеоновских войн, итальянской национально-освободительной борьбы. Его незаурядные способности были замечены, и он сделал стремительную карьеру, став адъютантом правителя Египта Саид-паши. При хедиве Исмаиле наряду с другими офицерами-арабами он попал в опалу и более 12 лет не получал очередного воинского звания. В 1876 г. после неудачной Эфиопской войны возглавил тайное общество офицеров-египтян в армии, члены которого именовали се-

бя «ватанийун», т.е. патриотами. Некоторые авторы высказывают мнение, что первоначально во главе общества стоял Али ар-Руби, а Ораби примкнул и возглавил его несколько позже. Все члены общества были офицерами египетского происхождения, недовольными засильем черкесской знати генералитета в египетской армии. По-видимому, они изначально не считали себя членами тайной организации, а просто требовали национального равноправия и улучшения условий службы в армии (Кошелев 1984: 26). Позднее узкопрофессиональные требования были дополнены общенациональными, антииностранными. Именно в окружении Ораби-паша родился знаменитый лозунг, ставший лозунгом всего египетского национального движения: «Египет для египтян». В 1881 г. Ораби и его приверженцы как из числа радикально настроенных офицеров, так и из среды образованных гражданских лиц сформировали «Партию Отечества» (Хизб аль-Ватан), сторонники которой настаивали на ликвидации института хедивства и господства турецко-черкесской верхушки в армии и гражданской администрации (Ар-Рафии 1983: 82-87; 447-452, *араб.*).

Термин «партия» (*араб.* хизб) не имел в то время своего современного значения и скорее применялся для обозначения больших и малых групп людей, обладавших известной общностью социальных, политических и национальных устремлений. Примечательно, что термин «Партия Отечества» впервые появился в египетской и европейской прессе для обозначения лиц, подписавших 2 апреля 1879 г. «Национальный манифест» («Аль-Ляиха аль-ватанийа»), декларирующий патриотические требования оппозиции. Современник и активный участник описываемых событий Адиб Исхак воспринимал «Партию Отечества» как часть населения Египта, которая выступала за независимость страны под лозунгом «Египет для египтян». Ей противостояла «Партия интервенционалистов» («Хизб ат-тадаххулийун»), т.е. прозападно настроенных египтян, которые сотрудничали с европейскими консулами. «Военная партия» («Аль-Хизб аль-аскари», или «Аль-Хизб аль-джихади») объединяла группу египетских офицеров-патриотов во главе с Ахмадом Ораби, а также поддерживавших их гражданских лиц. К ним примыкали сторонники «Партии Аллаха» (Хизб Алла), объединявшей египтян, готовых участвовать в «священной войне» против агрессоров-иноверцев (Кошелев 1984: 22-24). Названные выше

Объединения единомышленников можно определить как движения, в рамках которых постепенно складывались политические организации партийного типа, организаторами которых были представители различных групп политической оппозиции. Наряду с военный крылом «Хизб аль-ватан», примерно в это же время возникло либеральное гражданское крыло партии, носившее то же название. В него входили землевладельцы, предприниматели, недовольные зависимостью страны от иностранцев. Председателем партии был Мухаммад Султан-паша, а духовными лидерами — Али аль-Шукри — накиб аль-ашраф, глава корпорации потомков пророка Мухаммада и фактический глава мусульманского духовенства Египта, Исмаил Рагед-паша — бывший министр финансов, один из крупнейших землевладельцев страны, а также бывший премьер-министр, смещенный хедивом Тауфиком, фаворит хедива Исмаила — Шериф-паша. Партия выступала за установление в Египте конституционной монархии при сохранении прав и привилегий землевладельческой знати и крупного купечества.

Большим влиянием в оппозиционных кругах пользовались группы либеральных молодых интеллектуалов, к которым примыкали радикальные клерикалы, сторонники реформации и модернизации ислама. Признанным лидером этого направления был знаменитый религиозно-политический деятель Джамаль ад-Дин аль-Афгани (1839–1897), выходец из Афганистана, а также его египетские единомышленники — Мухаммад Абдо, Абдаллах Надим, Ибрахим аль-Ласкани и др. В 1879 г. аль-Афгани организовал «Национальную ложу» («Махфала ватанийя») — патриотическую организацию, напоминавшую по форме масонскую ложу (Ауд 1986, *араб.*; Кириллина 1989; Нагм 1987, *араб.*; Крымский 1971; Богусевич 1961). Масонский по форме характер этой первой политической партии Египта объясняется активным участием масонских организаций в политической жизни Египта того времени. Известно, что проникновение масонства в Египет начинается во время египетской экспедиции Наполеона Бонапарта, когда в 1798 г. французскими офицерами была основана первая масонская ложа под названием «Исис». К концу 1860-х гг. в Египте действовали французские, итальянские, немецкие масонские организации, но наибольшую активность проявляли англичане, которые в период с 1862 по 1868 гг. основали восемь лож, находившихся

ся под контролем «Объединенной Великой ложи Англии». Среди них особую известность приобрела ложа «Звезда Востока», членами которой были представители египетской политической элиты: наследный принц Тауфик, Мухаммад Шариф-паша, Бутрус-паша Гали, Сулейман-паша Абаза, Мухаммад Абдо и, конечно, Джамаль ад-Дин аль-Афгани. Последнего участие в масонской ложе подтолкнуло к мысли создать политическую партию, близкую по форме к масонской ложе, но решающую сугубо политические задачи.

В начале 1879 г. в Александрии возникло тайное политическое общество «Миср аль-Фатат». Его члены, преимущественно молодые христиане, евреи и итальянцы, проживавшие в Египте, требовали гражданских и политических свобод, равенства подданных перед законом, независимости вероисповедания, парламентарных форм правления. Своим названием общество было обязано, по одним данным, «Молодой Италии» Мадзини, по другим — «Молодым османам» в Турции (Кошелев 1992: 70–72). Личность главы общества точно не установлена, но известно, что его заместителем являлся чиновник Асьютского суда Мухаммад Амин. Возможными лидерами этой партии называют известных молодых интеллектуалов Адиба Исхака и Абдаллаха Надима. Немногочисленные мусульмане — члены «Миср аль-Фатат» в апреле 1879 г. вышли из состава партии и образовали собственную организацию «Аль-Джамийа аль-хайрийа аль-исламийа» («Мусульманское благотворительное общество»), положившую начало «египетскому революционно-националистическому народничеству, исходившему из принципов мусульманской справедливости» (История 1976: 193–194; Шульш 1990: 20 и далее, *араб.*).

Эти и другие политические организации, возникшие в Египте на рубеже 1870–1880-х гг. XIX в., свидетельствовали о переходе египетского национального движения к новым формам политической жизни — политическим организациям партийного типа (Нагм 1987: 21–41, *араб.*). Однако реальной силой оппозиционного патриотического движения стала армия. Во главе армейской офицерской оппозиции стоял офицер-«черкесс» мамлюкского происхождения, поэт и махмудист Махмуд Сами аль-Баруди (1839–1904 гг.), который в описанных выше событиях, связанных с арестом и освобождением Ораби и его товарищей, был назначен на должность военного министра (1881 г.) (Ар-Рафии 1984: 452–

араб.). С этого времени в оппозиционных кругах, как светских, так и религиозных, армия стала рассматриваться «как единственный национальный организм, свободный от иностранного влияния и готовый к немедленному и эффективному действию» (История 1976: 202).

9 сентября 1881 г. в ответ на увольнение с поста военного министра Махмуда Сами аль-Баруди и на меры по «распылению» по стране ненадежных воинских частей, находившихся под влиянием националистов-ватанистов, 4 тыс. солдат во главе с 30 офицерами под началом Ораби-паши выстроились в каре перед Абдинским дворцом — резиденцией хедива в Каире и под угрозой обстрела дворца из пушек потребовали отставки премьер-министра Рийаз-паши и созыва Палаты нотаблей. Тауфик-паша, напуганный решительными действиями военных, которых поддерживали практически все оппозиционные силы, кроме группировки «Миср аль-Фатат», удовлетворил все их требования. Таким образом, благодаря решительным действиям армии к власти в стране пришло умеренное крыло гражданской оппозиции во главе с Шерифом-пашой. Руководители Национальной партии и лидеры умеренной оппозиции — Мухаммад Абдо, Мухаммад Султан-паша и их единомышленники были практически удовлетворены достигнутыми результатами (Ар-Рафии 1983: 119 и далее, араб.).

Разительным контрастом с ними выступали лидеры армейской оппозиции во главе с Ораби-пашой, клерикальные радикалы — дервишсы, группировка Абдаллаха Надима, требовавшие полного изгнания из страны европейцев. Сдерживающую роль играл Махмуд Сами аль-Баруди, препятствовавший Ораби и его сторонникам применить силу и разогнать правительство-оппортунистов. Острый кризис в отношениях между орабистами и правительством Шерифа разразился 2 января 1882 г. и был связан с предложенным правительством основным законом (Аль-Лайха аль-асасийя) и Законом о выборах, которые получили одобрение контролеров из Англии и Франции. Эти законы ущемляли права Палаты нотаблей, так как были приняты без ее согласия. Кризис разрешился отстранением от власти премьера Шарифа и назначением на этот пост бывшего военного министра, авторитетного армейского оппозиционера черкесского происхождения Махмуда Сами аль-Баруди. Пост военного министра за-

нял Ахмед Ораби-бей. Фактически власть перешла в армию (Ар-Рафии 1983: 179–199, араб.).

Лидеры гражданского крыла «Партии Отечества», держивавшие Шариф-пашу, отошли от активных политических действий. Начиная с февраля 1882 г., руководящая роль в антииностранном движении полностью перешла к армии. События застали англичан и французов врасплох. До того, когда 7 февраля 1882 г. Палата нотаблей фактически раздвинула систему двойного контроля, державы-контроля бездействовали. Первые успехи армии в немалой степени были связаны и объяснялись англо-французскими противоречиями.

Правительство аль-Баруди приступило к увольнению новиков-европейцев и замене их коренными египтянами. 1 марта 1882 г. Ахмеду Ораби и пяти его ближайшим соратникам был присвоен чин бригадных генералов и титул паши. 520 офицеров-ватанистов получили повышение, многие из них были назначены губернаторами провинций, вице-губернаторами, начальниками полицейских управлений и т.д.

В июне 1882 г. произошли антиевропейские и антихристианские выступления мусульман в Александрии, в результате которых с обеих сторон были большие потери. По официальным данным погибло 50 иностранцев и 150 египтян, по неофициальным сведениям общие потери достигли 1400 человек. Из Египта хлынул поток беженцев — евреев и христиан. К 18 июня Египет покинуло около 32 тысяч человек — европейцев, сирийцев, египетских христиан. Эти события прослужили поводом для вмешательства в египетские дела европейских держав. Причем Россия и Франция стремились нейтрализовать Англию, предотвратив оккупацию ею Египта. В середине 1882 г. под давлением генеральных консулов России, Германии, Австро-Венгрии и Италии Хедив Тауфик и Ораби-паша заключили компромиссное соглашение, договорившись о формировании единого законодательного правительства Египта. Его возглавил бывший лидер Национальной партии — Рагиб-паша. Пост военного министра сохранил за собой Ораби-паша. В это время стало известно о готовящемся вторжении Англии в Египет: на Мальте и в Индии формировались английские экспедиционные корпуса. Объединенная англо-французская военная эскадра подошла к александрийскому порту (Хусайн б.г., т.3: 1070–1080, араб.).

Египет, в свою очередь, начал готовиться к отражению отчаянного вторжения: были возобновлены работы по ремонту береговых укреплений в Александрии и заграждению канала. 10 июля 1882 г. адмирал Б. Сеймур, командовавший английским флотом, находившимся на рейде Александрии, предъявил явно провокационное ультимативное требование в течение 24 часов сдать англичанам египетские береговые укрепления. Получив ожидаемый им отказ, 11 июля начал бомбардировку города, которая продолжалась более 12 часов. Бомбардировкой Александрии Англия начала войну против Египта. Россия, участвовавшая в это время в Константинопольском конгрессе, выразила решительный протест против действий Великобритании и покинула конференцию, однако Англия, заручившись нейтралитетом Германии и Австро-Венгрии, перешла к прямой интервенции и 13 июля 1882 г. захватила Александрию (Лущкий 1965: 191–200; Хусейн б.г., т.3: 1090–1099, *араб.*; Кошелев 1992: 103–112).

Как стало известно позднее, и артиллерийский обстрел Александрии, и последовавший затем ее захват с помощью английского морского десанта были осуществлены по совету и по просьбе хедива Тауфик-паши, который находился в дружеских сношениях с англичанами и во имя спасения своего трона настоятельно рекомендовал им осуществить вторжение в Египет, обещая со своей стороны всемерную поддержку. Действительно, с первых дней оккупации хедив Тауфик перешел на сторону англичан, отдав приказ о прекращении военных действий и об отмене мобилизации. Ораби-паша, в свою очередь, отказался подчиняться этим приказам и объявлен хедива предателем (Хусейн б.г., т.3: 1085, *араб.*).

В результате этих действий позиции Ораби-паши оказались поколеблены. Ему явно не хватало авторитета и влияния того, чтобы возглавить вооруженную борьбу страны против англичан. Массовые аресты лиц, подозреваемых в симпатиях к хедиву и англичанам, к которым он прибег в отчаянии, скорее показали его растерянность, чем напугали лабеллюсионистов. Кроме того, Ораби допустил крупный стратегический просчет, отказавшись от предложения начальника штаба вывести из строя Суэцкий канал и закрыть преобладающий канал, снабжавший приканальные города и населенные пункты пресной водой, а также поверив заверениям Фердинанда де Лессепса о том, что тот не допустит силами охраны канала высадки в его зоне каких-либо войск. В итоге

англичанам удалось обмануть Ораби отвлекающими помыслами действиями в районе Александрии и нанести удар силами десантных группировок из районов Порт-Саида и Исмаилии — трех городов в зоне Суэцкого канала, которые, вопреки заверениям Лессепса, были захвачены англичанами практически без боя. Благодаря этому маэстро англичане вынудили египтян вести войну на два фронта, закрыв себе путь к Каиру с востока, где им противостояли худшие египетские части, основу которых составляли кочевые бедуинские племена, к тому же разложившиеся хедивской пропагандой и подкупленные англичанами.

13 сентября 1882 г. произошло генеральное сражение между английским корпусом генерала Уолси и 15-тысячной армией египтян во главе с Ораби-пашой под Тель-Кабиром. Бой продолжался всего 20 минут и закончился полным разгромом и бегством египетских войск. Ораби-паша, пытавшийся остановить бежавших солдат, был убит камнями и отправился на поезде в Каир, где обратившись за поддержкой к Палате пашей, но получил от ее главы рекомендацию сложить оружие и сдаться на милость английскому главнокомандующему, что он в конце концов и сделал. 15 сентября 1882 г. в Каир вступили английские войска во главе с генералом Уолси, которому знать Каира преподнесли инкрустированную золотом и драгоценными камнями саблю (Хусайн б.г. т.3: 1110 и далее, араб.).

Восстание Ораби-паши было подавлено. Вслед за арестом под Тель аль-Кабиром сложили оружие и другие верные Ораби войска в Абукире, Дамiette и других городах. Тысячи участников движения были арестованы, заключены в тюрьму или сосланы. Сам Ахмад Ораби был приговорен к смертной казни, по настоянию англичан замененной пожизненным тюремным заключением, которое он должен был отбывать на Цейлоне. Последним отголоском бурных событий начала 1880-х гг. стало создание в Каире в 1883 г. первой террористической организации «Общество отомщения» («Джамийа аль-интикам»), которую возглавил молдавский врач-алжирец Мухаммад Бен Саиди. Однако в результате предательства одного из его членов общество была разгромлена англичанами, успев лишь разослать письма-предупреждения хедиву, министрам и ряду высокопоставленных чиновников (Кошелев 1984: 30–31).

Противодействие держав, особенно Франции и России, ступавших против английской оккупации Египта, помогло Англии объявить Египет своей колонией: 32 года, вплоть до первой мировой войны, Англия не могла добиться международного признания своих прав на Египет, что не позволило англичанам установить в Египте колониальный режим и фактически включить страну в состав Британской империи. Хедив Тауфик, который пригласил английскую армию оккупировать собственную страну ради восстановления законной монархической власти, рассчитывал, что британские солдаты покинут Египет сразу же, как эта цель будет достигнута. В этом он ошибался: английское военное присутствие в Египте закончилось лишь в 1954 г., т.е. более чем через шестьдесят лет после смерти самого Тауфика, скончавшегося в 1892 г.

ЕГИПЕТ ПОД ВЛАСТЬЮ АНГЛИИ (1882–1922)

Важнейшим вопросом первых лет английской оккупации Египта был статус британских войск на его территории. Уже в сентябре 1882 г. премьер-министр Франции Дюклерк заявил Англию о ее намерениях в отношении Египта и получил от английского министра иностранных дел ответ, что оккупация носит временный характер и будет прекращена сразу же, как только порядок в Египте будет восстановлен. В дальнейшем подобные заверения со стороны Англии повторялись неоднократно. В частности, это подтвердил премьер-министр Англии Гладстон, заявив в 1884 г., что эвакуация английских войск из Египта является делом чести для Англии. Тогда же министр иностранных дел Англии дал обещание вывести английские войска из Египта в 1888 г., на чем настаивали Франция, Россия и Османская империя. Германия, Австро-Венгрия и Италия, напротив, поддерживали английскую оккупацию, что дало Англии возможность маневрировать. В апреле 1904 г. Англия и Франция заключили соглашение, которые положили начало Антанте, в соответствии с которыми Франция соглашалась предоставить свободу действий Англии в Египте взамен на свободу действий Франции в Марокко. Тогда же, в 1904 г., Англия присоединилась к Константинопольской конвенции 1888 г., под-

писанной Францией, Россией, Германией, Австро-Венгрией, Италией, Испанией, Голландией и Турцией, в соответствии с которой Суэцкий канал как в мирное, так и в военное время был открыт для для всех коммерческих и военных судов из всех стран. Урегулирование англо-французских противоречий в Египту, в том числе и по проблеме статуса Суэцкого канала, сняло с повестки дня вопрос об эвакуации английских войск из этой страны, отодвинув его во вторую половину XX в.

Вскоре после начала английской оккупации Египта та же самая группа после непродолжительного отсутствия вернулся сэр Ив Бэринг (в будущем лорд Кромер), который занял пост английского генерального консула и личного представителя Величества королевы Англии. Убежденный в неспособности египтян самостоятельно идти по пути реформ, он считал, что оккупация должна носить длительный характер, а колониальный режим — строиться на принципах жесткого централизма. И. Бэринг взял на вооружение доктрину Гренвилла, тогдашнего английского министра иностранных дел, суть которой состояла в том, что любое египетское должностное лицо обязано было под страхом немедленного увольнения беспрекословно выполнять распоряжения и указания британской колониальной администрации. Британские советники были внедрены во все министерства, а египетские министры и главы административных органов выступали в роли слабых генералов или, если пользоваться английской терминологией, были каучуковыми печатами в руках английских советников и консультантов. Эта система получила название «скрытого протектората», когда формально англичане не вмешивались в тень, но фактически контролировали положение в стране. Этот неопределенный международно-правовой статус «временной оккупации» сохранялся в Египте до начала первой мировой войны. В 1914 г., используя египетско-турецкое противоречие, Англия убедила тогдашнее египетское руководство дать согласие на официальное провозглашение Египта протекторатом Великобритании, объявив в стране военное положение и обещав, что после окончания войны статус Египта будет пересмотрен (Tignor 1956: 48–93; 375–387; Зиль-Фикар 1982: 107–111, *араб.*).

Ключевыми политическими фигурами первых лет английской оккупации Египта были хедив Тауфик и генеральный консул Великобритании в Египте И. Бэринг (лорд Кромер). Тауфик полностью подчинился воле Бэринга, который, оц...

рялся на английские оккупационные войска, стал безраздельным властелином Египта на период с 1883 по 1907 гг. Режим «скрытого протектората» можно с полным основанием назвать «режимом Кромера». И. Бэринг завершил полную оккупацию Египта, расположив английские гарнизоны во всех крупных египетских городах. Египетская национальная армия была распущена. Население было сломлено массовыми репрессиями в отношении тех, кто имел какое-либо касательство к национальному движению во главе с Орабиной. Репрессии затронули около 30 тыс. человек (История 1974: 214).

Представители египетской знати, которые прежде высказывали конституционные взгляды, в новых условиях поспешили заверить хедива и англичан в своей полной лояльности. Опасаясь потерять свое имущество или стать жертвами мести хедива за свое прежнее оппозиционное поведение, они обращались непосредственно к И. Бэрингу с просьбой о своей защите. Чаще всего они получали от Бэринга гарантии личной безопасности в обмен на согласие сотрудничать с английской оккупационной администрацией. Феллахи и сельские землевладельцы, которые примкнули к патриотическому движению в надежде на уменьшение налагаемых на них налоговых и долговых обязательств, столкнулись с ситуацией, когда наряду с прежними финансовыми обязанностями на них были наложены дополнительные выплаты в счет контрибуции за материальный ущерб, нанесенный христианам в Александрии во время беспорядков 1882 г. (9 млн фунтов стерлингов), а также расходы по содержанию английских войск в Египте.

Выплаты по государственному долгу Египта перед иностранными кредиторами контролировала администрация Классы хедивского долга, созданная в 1876 г. Наряду с англичанами ведущую роль в ней играли французы, которые, опасаясь быть оттесненными от принятия важнейших финансовых решений, блокировали английские проекты и инициативы по оздоровлению финансовой системы Египта до тех пор, пока не будет оплачен его государственный долг иностранным кредиторами.

Из сказанного выше ясно, что перед И. Бэрингом стояли две важнейшие задачи: во-первых, обеспечить колониальный порядок в Египте, взяв под контроль египетское национальное движение; во-вторых, несмотря на французское противодействие превратить Египет в рентабельную английскую ко-

лонию. В решении обеих этих задач И. Бэринг бесспорно преуспел, что было высоко оценено в Лондоне: по истечении десяти лет пребывания в Египте в скромной должности генерального консула Бэрингу был присвоен титул лорда, и стал именоваться лордом Кромером, войдя под этим именем в историю.

В течение десяти лет после английского вторжения египетское национальное движение не подавало признаков жизни. Сказались репрессии, а также то, что многие египтяне верили, что англичане обеспечат создание демократических институтов и сразу или вскоре после этого покинут страну в соответствии с английским планом упорядочения политической жизни Египта при хедиве. Формировалось правительство состоявшее из шести министров, а также система органов представительной власти. В соответствии с указом хедива 1883 г. в каждой провинции выбирались провинциальные Собрания (*араб.* маджлис) в качестве органов местного самоуправления. В столице учреждались два верховных представительных органа: Законодательно-консультативное собрание («Маджлис шура аль-каванин») и Генеральная ассамблея («Джамъийа умумийа»); кроме того, создавалось консультативное собрание при правительстве. Порядок формирования и обязанности этих органов были четко регламентированы, но всех их роднило полное бесправие перед лицом английской администрации, так как реальной власти они не имели и выполняли главным образом декоративные функции. Это полностью соответствовало принципам колониального управления Египтом лорда Кромера, который, основываясь на своем индийском опыте, утверждал, что египтяне готовы и не хотят самоуправления. Колониальная стратегия Кромера состояла, по его собственным словам, в том, что оставив основную массу египтян в покое, не вмешиваясь в повседневную жизнь, разрешить элите зарабатывать деньги, содействуя колониальному ограблению соотечественников. Пользуясь полной поддержкой хедива Тауфика, Бэринг хотел привлечь на свою сторону влиятельных деятелей национального движения, и прежде всего сподвижника Джамали ад-Дина аль-Афгани, видного религиозно-политического деятеля Мухаммада Абдо (1849–1905), который вернулся в 1889 г. из эмиграции, где он находился после разгрома движения Ораби-паши (биографию Мухаммада Абдо см.: Долинина 1968: 189–22). Вернувшись в Египет, Мухаммад

Абдо отказался от своих антииностранных взглядов, установил дружеские отношения с лордом Кромером, с его помощью в 1899 г. стал муфтием (главой мусульманской общины) Египта, сделав главный упор в своей деятельности на пропаганду идей мусульманской реформации и просветительства, хотя при этом на проанглийских позициях (Малюковский 1959).

Воссозданию египетского национального движения в первые два десятилетия английской оккупации в немалой степени способствовала литературная и политическая деятельность «египетского Мольера» Яакуба Санну (1839–1912), политического оратора и публициста Абдаллаха Надима (1845–1896), сирийского эмигранта Абд ар-Рахмана аль-Каввакиби (1849–1903). Однако наиболее выдающуюся роль в возрождающемся египетском национальном движении сыграл Мустафа Камиль (1874–1908).

В отличие от представителей старшего поколения во главе с Мухаммадом Абдо, которые сделали ставку на сотрудничество с англичанами, Мустафа Камиль был лидером молодых националистов, требовавших немедленного освобождения Египта от английского присутствия. Мустафа Камиль начал политическую борьбу против англичан в возрасте 18 лет, еще будучи студентом. Неожданную поддержку своим взглядам он нашел у нового хедива Аббаса II Хильми, сменившего умершего в 1892 г. хедива Тауфика. Аббас II был сверстником Мустафы Камилля и разделял его антианглийские настроения, полагая, что Англия не имеет права находиться в Египте, так как ее войска были приглашены в Египет по просьбе прежнего хедива, который уже умер. Поэтому новый хедив волен потребовать вывода английских войск из Египта и добиваться в этом вопросе поддержки европейских держав. С целью обратить общественное мнение европейцев на проблему вывода английских войск из Египта, хедив Аббас II снабдил Мустафу Камилля деньгами и направил его в Европу для организации газетной кампании против английской оккупации Египта. И хотя кампания в прессе не принесла хедиву большой пользы, она сделала имя Мустафы Камилля известным. Вскоре Камиль вернулся в Египет, приложив немало усилий к сближению Египта с Османской империей во главе с султаном Абдулхамидом II, в котором он видел союзника в борьбе против англичан. Не случайно в 1904 г. тридцатилетнему Мустафе Камиллю был пожалован султаном титул паши. Камиль внедрил своих сторонников в

студенческую среду, и они с энтузиазмом принялись организовывать забастовки и демонстрации против непопулярных мер правительства. Именно с этого времени демонстрации стали излюбленной формой политического протеста в Египте, сохраняющей свое значение и в настоящее время (о Мустафе Камиле (см.: Ар-Рафии 1985, *араб.*)).

Активизации египетского национального движения способствовали события, получившие в исторической литературе название «Деншавайского дела», суть которого заключался в следующем. 13 июня 1906 г. группа английских офицеров решила поохотиться на голубей близ деревни Деншавай около г. Танта в дельте Нила. Ее жители занимались разведением птиц на продажу и крайне болезненно отнеслись к идее англичан охотиться в этих местах. Между англичанами и местными жителями завязалась словесная перепалка, которая переросла в драку, во время которой несколько египтян были ранены, а один английский офицер, получив удар по голове, скончался то ли от сотрясения мозга, то ли от теплового удара. Все жители деревни были арестованы, против 52 из них было возбуждено уголовное дело. После тридцатиминутного судебного разбирательства им был вынесен приговор, в соответствии с которым трое из них были приговорены к смертной казни через повешение, шестеро — к пожизненному тюремному заключению, а остальные — к различному числу палочных ударов по пяткам. Необычайная жестокость приговора, которая вызвала протесты даже в палате общин английского парламента, всколыхнула весь Египет, породив начало невиданного прежде по своим масштабам массового национального движения. Под давлением протестов как в самом Египте, так и за границей, англичане вынуждены были пойти на уступки и амнистировать «деншавайцев». Более того лорд Кромер пригласил к себе на встречу Мустафу Камилу и предложил ему в обмен на примирение назначить любого названного им египтянина в состав кабинета министров. Мустафа Камилу назвал в качестве такого человека своего друга и единомышленника Саада Заглулы (1860–1927), участника движения Ораби-паши, юриста по образованию, который вскоре был назначен министром просвещения, затем вице-президентом Законодательного совета, а позднее в 1919 г. стал лидером политической партии «Вафд» (Ляшин 1975, *араб.*). Под влиянием деншавайских событий египетские националисты объединились в созданную

октября 1907 г. политическую организацию, названную в аналогии с партией Ораби-паши «Партией Отечества» или конституционной партией («Хизб аль-Ватан»). Первым председателем партии стал Мустафа Камиль, а после его смерти в 1908 г. партию возглавил Мухаммад Фарид-бей, который, и Мустафа Камиль, происходил из знатной мамлюкской семьи (подробнее см.: (Ар-Рафии, 1985, араб.; Кошелев 1984: и далее)). Лозунг «Египет для египтян» вновь стал официальным лозунгом возрожденной партии и всего антианглийского оппозиционного движения. Примерно в это же время были созданы еще несколько политических организаций: Партия нации («Хизб аль-умма») умеренно либерального толка, просманская Партия конституционной реформы («Хизб аль-ислах ад-дустури») и др.

«Деншавайское дело» положило конец политической карьере лорда Кромера: в апреле 1907 г. он ушел в отставку. Его место занял сэр Эдмон Горст, после смерти которого в 1911 г. пост главы английской колониальной администрации перешел к генералу Китченеру, завоевателю Судана (1898 г.), разгромившему движение махдистов (о них см.: (Tignor 1966: 291–318)). Все три английских «наместника» Египта приложили немало усилий к тому, чтобы Египет не только покорился Англии, но и стал приносить ощутимую материальную прибыль. Уже на рубеже веков лорд Кромер добился египетской платежеспособности, преобразовав египетское сельское хозяйство в монокультурное, производящее главным образом хлопок, который вывозился в Англию и питал английскую текстильную промышленность. Выращивание табака в Египте было запрещено, а пошлины на ввозимый из-за границы табак повышены, что также помогло сбалансировать египетский бюджет (Зу-ль-Фикар 1982: 151–155, араб.). Собственно египетская текстильная промышленность целенаправленно разрушалась, чтобы обеспечить бесперебойный вывоз хлопка в Англию. Однако со временем была создана сеть хлопкоочистительных заводов, где хлопок проходил первичную очистку и обработку. Англичане покровительственно относились к увеличению численности европейского населения в крупных египетских городах. Показательным примером этого была Александрия — морские ворота Египта. Из 480 тыс. ее жителей четверть — 120 тысяч, составляли европейцы, которые в порядке численности распо-

лагались следующим образом: греки, итальянцы, французы, англичане, австрийцы, немцы и русские (Нацвалов 1913: 61).

Приоритетными проектами, получавшими английскую поддержку, были ирригационные и мелиоративные проекты, обеспечивавшие производство хлопка. В 1902 г. для повышения урожайности хлопка в районе Асуана была построена плотина, прообраз высотной Асуанской плотины. Она должна была создать резерв воды и увеличить тем самым площади поливных земель. Плотина привела к подъему грунтовых вод и заболачиванию ранее пригодных для сельскохозяйственного производства земель. Этого можно было избежать, только строя весьма дорогостоящие дренажные системы. Проблема продолжает оставаться актуальной и сегодня после строительства высотной Асуанской плотины (Marsot 1994: 77–78).

В период правления лорда Кромера, особенно в последние годы его пребывания во главе английской колониальной администрации в Египте, возникло новое явление — массовый бандитизм в сельской местности. Феллахи были дезориентированы разрушением традиционного уклада жизни и заменой его новым, основанным не на производстве продуктов питания, а на производстве экспортной монокультуры хлопка. Товарное сельское хозяйство требовало наличия крестьян оборотного капитала, которого прежде они никогда не имели. Поэтому им приходилось брать деньги под залог земли, часто после этого теряя её за долги. Вытесненные таким образом из привычного сельскохозяйственного производства они не находили себе иного занятия, как бандитизм своим новым образом жизни как бы протестуя против вторжения государства в их устоявшийся быт. Примечательно, что Кромер пытался разобраться в причинах массового распространения преступных банд, но так и не смог этого сделать (Marsot 1994: 78).

В 1907 г. в Англии к власти пришло правительство либералов, при котором лорд Кромер уже не мог чувствовать себя как прежде вольготно и свободно. Этому мешало и омерзительное, сравнительно хорошо организованное националистическое движение, усилившееся в период деншавайских событий. По данным английского консула, в Египте в 1911 г. активно действовало 26 националистических организаций, большая часть из которых была связана с «Партией Отечества». Среди них выделялась нелегальная полудервишская организация террористической направленности «Общество

итской солидарности» (Кошелев 1984: 41–42). На прошедших в 1913 г. выборах в Законодательное собрание националистически настроенные кандидаты получили значительное количество мест, что сделало этот орган рупором открытого выражения националистических и антианглийских идей. В последние годы английская колониальная администрация усиленно наращивала давление на силы египетской оппозиции. Этому способствовал премьер-министр копт-христианин Бутрус Гали, сделавший карьеру на посту председателя денсавийского суда, а уже в 1907 г. выдвинутый англичанами на пост главы египетского кабинета министров. При нем в 1909 г. были приняты чрезвычайные законы, направленные против националистов, в первую очередь членов «Партии Отечества», которых власти могли ссылать по одному подозрению, без суда и следствия. Ответом на это был один из первых в истории Египта XX в. террористический акт — убийство 20 февраля 1910 г. Бутруса Гали мусульманином Мухаммедом Вардани — боевиком из «Общества братской солидарности», связанного с загнанной в подполье «Партией Отечества» (Кошелев 1984: 42). Британский генеральный консул Эдмон Горст использовал этот террористический акт для усиления репрессий против националистов и всех мусульман, придав делу характер межрелигиозной розни, что категорически отрицал сам Вардани. Преемник умершего в 1911 г. Э. Горста генерал Китченер в условиях обостряющейся международной ситуации накануне первой мировой войны отказался от конфронтационной политики своего предшественника в отношении националистической оппозиции и провел конституционную реформу, заменив двухпалатную парламентскую систему Египта однопалатным Законодательным собранием, проведя выборы подлежащей избранию части его членов.

Годы первой мировой войны принесли некоторую передышку в англо-египетский политический спор. Опасаясь проосманских настроений хедива Аббаса II Хильми, англичане отстранили его от власти во время поездки того в Лондон, назначив вместо него его дядю Хусейна Камиля (1914–1917 гг.), который получил титул султана, что должно было означать разрыв Египта с Османской империей, выступившей в годы первой мировой войны на стороне Германии и ее союзников. Тогда же, в 1914 г., султан Хусейн дал согласие на провозглашение Египта английским протекторатом.

Экономические трудности военного времени не обошли Египет, где рост цен и реквизиции продовольствия для ар-

мии поставили ряд районов страны на грань голода. Взяточничество и казнакрадство делали ассигнования на содержание английской армии в Египте неэффективными. Критика англичан и собственных египетских чиновников, сотрудничавших с ними, стала излюбленной темой политических речей оппозиции. Подогреваемые декларациями союзников, особенно после обнародования «14 пунктов» президента США Вильсона, египетские националисты уверовали в возможность мирного, конституционного завоевания независимости. Окрыленная этой идеей группа египетских политиков во главе с Саадом Заглюлем (1860–1927), самоопределивших себя как Вафд (араб. делегация), точнее «Аль-Вафд аль-Мысрий» («Египетская делегация»), в ноябре 1918 г. обратилась к английскому Верховному комиссару в Египте сэру Реджи нальду Уингейту с просьбой разрешить им в качестве египетских представителей отправиться в Лондон для переговоров с английским правительством, а в декабре того же года потребовали допустить их к участию в Парижской мирной конференции. При этом они не скрывали, что собираются в Париже поставить вопрос о предоставлении Египту полной независимости (араб. аль-истикляль ат-тамм) (Голдобин 1958: 22–29; Кошелев 1992: 183 и далее). Британское правительство официально ответило отказом на просьбу Вафда. Этот отказ возбудил общественное мнение как прогосударственных, так и оппозиционных кругов страны. К этому времени султаном стал принц Фуад (1917–1936 гг.), младший сын покойного хедива Исмаила. Постепенно требования оппозиции сконцентрировались на конкретном вопросе: о признании права Египта направить собственных представителей на Парижскую мирную конференцию. Саад Заглюль, друг лорда Кромера, вице-министр и вице-президент Законодательного собрания, был избран в качестве лидера Вафда.

Биография Саада Заглюля — характерный пример становления египетского политика-националиста. Прослушав курс в университете Аль-Азхар и получив образование мусульманского правоведа, Саад Заглюль стал одним из самых молодых участников политического кружка аль-Афгани. учеником и единомышленником Мухаммада Абдо. Свою мечту стать политиком он реализовал, женившись на дочери Мустафы Фахми-паши, который был одно время премьер-министром и являлся одним из богатейших людей Египта. Брак позволил Сааду Заглюлю, сохранив связи с национали-

стической оппозицией, войти в высший слой правящего класса страны. Выше говорилось, как по рекомендации Мустафы Камиля в 1906 г. он стал министром образования, в 1910 г. — министром юстиции. В 1913 г. Заглюль был избран депутатом Законодательного собрания, став его вице-председателем, что являлось высшим административным постом, который мог занимать египтянин в Египте. Спустя несколько месяцев после избрания, он уже возглавил антихедивскую, антианглийскую оппозицию в Законодательном собрании, укрепив свою репутацию умеренного националиста. Несмотря на роспуск парламента во время первой мировой войны, Заглюль сохранил влияние в среде националистически настроенной египетской политической элиты. Его ближайшими сподвижниками были Мухаммад Махмуд, Ахмад Лютфи ас-Сид и Абд аль-Азиз Фахми, составившие организационное ядро «Вафда». Особого внимания заслуживает личность Абд аль-Азиза Фахми, который возглавил «боевую организацию вафдистов» и по мнению ряда исследователей осуществлял практическое руководство антианглийскими выступлениями 1919 г. (Кошелев 1984: 67 и далее).

Первоначально термин «вафд» означал только «делегацию» в узком смысле, но уже в начале 1919 г. «вафдисты», т.е. сторонники Делегации во главе с Саадом Заглюлем, появились по всему Египту, и вафдистское движение оформилось в политическую партию, которая сохраняла главенствующее положение в египетском национальном движении до 1952 г. Вновь крылатая фраза «Египет для египтян», дополненная требованием полной независимости, обрела характер общенационального призыва (Ляшин 1975: 205 и далее, *араб.*; Голдобин 1958: 13-16).

Волнения, вызванные деятельностью Вафда, продолжались зимой и весной 1919 г., пока 8 марта Саад Заглюль не был арестован и выслан на Мальту, что привело к вооруженным выступлениям по всей стране. Автономистские и сепаратистские идеи охватывали целые районы, они провозглашали свою независимость. Опасность для англичан представляло расширение сети подпольных патриотических организаций, количество которых в 1919 г. достигло десяти. Наиболее известными среди них были следующие организации: «Черная рука», «Экстренный комитет», «Комитет национальной обороны», «Общество отмщения» и др. (Кошелев 1984: 57-94). В ряде мест независимость провозглашали да-

же отдельные деревни (Голдобин 1958: 58). Перерастание движения протеста в хроническое неповиновение английским властям, знакомое им по колониальному опыту в Индии, а также угрожающее единство действий египетских мусульман и христиан побудили англичан пойти на уступки: лидеры Вафда были амнистированы. Саад Заглуль получил разрешение выехать на Парижскую мирную конференцию и принять в ней участие, однако он не добился успеха: по Версальскому мирному договору Египет был признан английским протекторатом (Голдобин 1989: 140–142). Вафдисты, тем не менее, не смирились с этим решением, потребовав от англичан его пересмотра. Попытка англичан затянуть переговоры с вафдистами и нежелание обеих сторон идти на компромисс породили новую волну напряженности. Саад Заглуль был вторично арестован и сослан на Сейшельские острова (1922 г.). Волнения и беспорядки вспыхнули с новой силой. Они прекратились только после того, как прибывший в Каир еще 25 марта 1919 г. Верховный комиссар Великобритании в Египте и Судане генерал Аленби, который на собственном опыте убедился в неэффективности силовых методов в отношении египтян, добился от английского кабинета министров смягчения позиции по вопросу о статусе Египта и уступок требованиям националистов. 28 февраля 1922 г. Англия официально отменила военное положение и аннулировала протекторат над Египтом, который был объявлен суверенным королевством (Голдобин 1989: 166–170). Факт признания Египта независимым государством имел историческое значение для страны. Однако провозглашенная англичанами независимость была ограничена многочисленными условиями и оговорками, а также присутствием на египетской территории английских войск (Новейшая история 1967: 365–366).

Вскоре после провозглашения независимости Конституционный совет получил задание подготовить текст конституции страны. Она была утверждена королевским декретом 10 апреля 1923 г. В том же году прошли парламентские выборы, и во главе с вторично амнистированным англичанами Саадом Заглулем было образовано первое национальное правительство Египта, сформированное из победивших на выборах членов партии Вафд. Политические заключенные были выпущены на свободу, и для Египта начался новый исторический этап, получивший название «либерального эксперимента», который с известными оговорками и уточнениями продолжается по настоящее время. Сущность его может быть

выражена понятием «зависимая модернизация». Начиная с 1878 г., когда при хедиве Исмаиле были созданы первые министерства европейского типа, на смену немодернизированной, невестернизированной османской административной системе постепенно стала приходить министерская система европейского типа, которая в целом сформировалась к 1923 г. К этому времени в основном завершается переход египетской патриархальной османской государственности к авторитарно-бюрократической модели с элементами соревновательной олигархии.

Этот этап в истории египетской политической системы совпал с периодом английской оккупации, когда все преобразования шли под контролем старейшей европейской демократической державы и могли служить классическим примером зависимой модернизации в европоцентристском смысле этого понятия (The State 1995: 88 и далее). Лозунг «Египет для египтян» был на некоторое время отодвинут. Преобладала надежда, что сотрудничество с просвещенной демократической Англией даст возможность Египту развиваться в сильное независимое государство. Однако уже в середине 30-х гг. иллюзорность этих надежд стала очевидной, и излюбленный призыв египетских националистов вновь занял свое место на транспарантах антианглийских митингов и демонстраций, а процесс зависимой модернизации приобрел ярко выраженный антиколониальный, освободительный характер.

1. The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions and activities. It emphasizes that proper record-keeping is essential for transparency and accountability, particularly in financial matters. The text outlines various methods for organizing and storing data, including digital databases and physical filing systems.

2. The second section focuses on the role of technology in modern record management. It highlights how software solutions can streamline processes, reduce errors, and improve accessibility. Examples of specific tools and platforms are provided, along with a discussion on the security measures necessary to protect sensitive information from unauthorized access or loss.

3. The third part of the document addresses the challenges associated with long-term data retention and archiving. It explores the impact of technological obsolescence and the need for regular migration and backup strategies. The text also touches upon legal requirements and industry standards that govern the handling of records over time.

4. Finally, the document concludes by stressing the importance of training and education for staff involved in record management. It suggests that ongoing professional development is key to staying current with best practices and emerging technologies. The overall message is that a robust and well-maintained record system is fundamental to the success and integrity of any organization.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Почему Всевышний не посвящает нас хоть немного в
смысл этого трудного и окрашенного кровью пути,
который мы зовем жизнью?*

Нагиб Махфуз

Египет между двумя мировыми войнами оставался формально «независимым и суверенным государством», свободу которого, однако, гарантировали не национальные, а находившиеся на его территории английские оккупационные войска. Крупная египетская буржуазия все больше и больше тяготилась зависимостью от своих попечителей-англичан, но не решалась на разрыв с ними. Ярким примером этой неуверенности служит подписанный премьер-министром Мустафой Наххасом, лидером Вафда, партии, преобладавшей в это время на политической арене Египта, англо-египетский Договор о дружбе и союзе (1936 г.). Англичанам этот договор в изящной дипломатической форме позволял сохранять свое военнополитическое господство над Египтом и Суданом. Среди многих положительных для Египта последствий этого договора можно назвать принятую на международной конференции в Монтрё (май-апрель 1937 г.) отмену режима капитуляций, тяготеющих над страной на протяжении почти 400 лет.

Компромиссный характер договора сразу же сделал его объектом критики как правых сил, опасавшихся за свои привилегии, так и левых, боровшихся за радикальное их перераспределение. И те, и другие обвиняли Вафд в предательстве национальных интересов. Обострению ситуации способствовали конфликтные отношения Вафда с придворными кругами и новым королем Фаруком I (1936-1952 гг.), вступившим на престол в 1936 г. после смерти своего отца Фуада I. Под влиянием этих событий Вафд раскололся, что положило конец его монополии на доминирующую роль в политической жизни Египта. К этому времени в стране активизировали свои действия различные политические партии, общества и движения. Среди них заметную роль начинала играть исламская фундаменталистская организация — Ассоциация братьев-мусульман, основанная в г. Исмаилия в 1930 г. выдающимся религиозно-политическим деятелем Хасаном аль-Банной.

В годы второй мировой войны (1939–1945) Египет считался важнейшим военно-стратегическим плацдармом Великобритании на Ближнем Востоке. На основании договора 1936 г. территория страны, ее экономика, коммуникационные ресурсы и армия были поставлены под контроль английского военного командования, что в значительной мере обеспечило успех англичан в битве против германской и итальянской армии в октябре–ноябре 1942 г. под Аль-Амейном, а затем к маю 1943 г. — освобождение союзными армиями всей Северной Африки.

В послевоенные годы борьба за национальную независимость Египта достигла наивысшего подъема. Важнейшими причинами этого были, во-первых, появление в Египте после войны под влиянием быстрого развития промышленности и индустрии услуг по обслуживанию английской армии и influentialного слоя египетской национальной торгово-промышленной и финансовой буржуазии; во-вторых, изменившаяся международная обстановка, связанная с появлением геополитической расстановкой сил в мире, а именно, появлением двух конкурирующих блоков государств, которые возглавляли СССР и США. В результате этих изменений, также под влиянием национально-освободительной борьбы, Англия постепенно утрачивала свои колониальные владения. Особенно болезненным в этом отношении был конфликт англичан с покровительствуемым ими сионистским движением еврейских переселенцев в Палестину, которые в 1948 г. сформировали еврейское национальное государство — Израиль и потребовали вывода из него английских войск.

Поощряемый Англией Египет и другие арабские страны в мае 1948 г. начали войну с Израилем, которую они проиграли, породив длительный, непрекращающийся по настоящее время арабо-израильский конфликт. Поражение в первой арабо-израильской войне, в которой Англия не смогла оказать египтянам должной поддержки, активизировало антианглийские настроения. 15 октября 1951 г. египетский парламент единогласно утвердил законопроект о денонсации договора 1936 г. и двух соглашений 1899 г. с Англией о Суэцком канале: Судан был объявлен неотъемлемой частью Египта, а король получил титул «короля Египта и Судана». В ответ на это резко увеличилась численность оккупационных войск в зоне Суэцкого канала: к ноябрю 1951 г. она достигла 85–100 тыс. человек. Ответом египтян на эти меры англичан стало развертывание партизанских действий против английских войск.

ских войск в зоне канала, в которых принимали участие египетские добровольцы. Проанглийский кабинет Али Махира, пришедший к власти в январе 1952 г., ввел в стране военное положение, выдвинув на авансцену борьбы египетскую армию, в которой уже давно действовали националистические тайные организации, наиболее влиятельной из которых была организация «Свободные офицеры», руководимая Гамаль Абдель Насером.

В ночь с 22 на 23 июля 1952 г. «Свободные офицеры» силами бронетанковой бригады совершили военный переворот, свергнув режим короля Фарука. Так к власти в Египте пришла армия в лице преимущественно молодых офицеров-египтян из неаристократических разночинных семей. Во главе страны встал генерал Мухаммад Нагиб, а его заместителем стал в то время майор Гамаль Абдель Насер, которому фактически принадлежало лидерство. 17 июня 1953 г. генерал Нагиб объявил о свержении королевской династии Мухаммада Али, а 18 июля он был назначен первым президентом Египетской Республики.

Второй по значимости после армии политической силой в стране к этому времени становится Ассоциация братьев-мусульман, заявившая свои претензии на власть и даже совершившая попытку покушения на Насера (1954 г.). Расследование по этому делу обнаружило связи генерала Нагиба с Ассоциацией: 14 ноября 1954 г. его освободили от всех постов и взяли под домашний арест. Его место во главе страны занял Гамаль Насер, который установил режим личной диктатуры, используемый им для осуществления радикальных социальных преобразований.

Насер и его сподвижники мечтали о сильном процветающем независимом Египте и руководствовались этими чувствами в своей практической политике. Они провели аграрную реформу (1952–1954 гг.), добились эвакуации английских войск (1954–1956 гг.), национализировали Суэцкий канал и, опираясь на помощь СССР, отразили спровоцированную национализацией тройственную агрессию Англии, Франции и Израиля против Египта (1956 г.). В 1961 г. началось проведение так называемых «антикапиталистических реформ», которые внешне напоминали неоднократно проводившиеся в Египте преобразования по укреплению экономической власти государства. Крупные и средние предприятия были национализированы. В ходе индустриализации создавался мощный госсектор, охватывавший также финансовую

систему, транспорт, внешнюю торговлю. Вводились ограничения на размеры (максимальные) земельных владений, было принято социальное законодательство в интересах трудящихся. При содействии СССР строились десятки предприятий, в том числе была возведена Высотная Асуанская плотина на Ниле, которая почти на 50 лет обеспечила растущую потребность Египта в электроэнергии, реформировалась, перевооружалась армия. 60-е гг. нередко называются «переломом социалистических преобразований». Но египетская модель социализма существенно отличалась от своего советского прототипа тем, что частный сектор продолжал господствовать в сельском хозяйстве и в сфере услуг, не были полностью ликвидированы рыночные отношения, сохранился мелко-предпринимательский капитал и его владельцы. Инициатор и идеолог этого курса Насер стал признанным лидером арабского национально-освободительного движения, несмотря на ряд серьезных политических провалов: выход Сирии из Объединенной Арабской Республики (1962 г.), сокрушительное поражение в арабо-израильской войне, получившей за свою скоротечность название шестидневной (1967 г.), разгром иорданскими властями палестинского движения сопротивления в Иордании (1970 г.).

После скоропостижной смерти Насера 28 сентября 1970 г. к власти приходит Анвар Садат и с 1974 г. начинается переход к рыночной экономике и политической либерализации внутри страны, отходит от просоветского внешнеполитического курса в пользу установления мирных отношений с Израилем и сотрудничества с США и другими западными странами. Эти два взаимосвязанных направления во внутренней и внешней политике привели к тому, что частному сектору была предоставлена полная свобода рук, а в Египет был вновь допущен иностранный капитал. При этом Садат стремился не разрушать ни госсектор в экономике, ни созданную при Насере социальную систему, хотя объективно они ослаблялись. Значительно более грубыми методами повел Садат египетскую внешнюю политику, круто изменив вектор после смерти Насера. Трехсторонние египетско-израильско-американские мирные соглашения, получившие название кэмп-дэвидских (1978 г.), и сепаратный мирный договор с Израилем, подписанный в Вашингтоне в 1979 г. положили конец длительному египетско-израильскому противостоянию, кульминационной точкой которого стала третья арабо-израильская война 1973 г., закончившаяся, по

мнению военных историков, ничейным результатом. Однако демонстративное игнорирование царившего тогда в регионе общественного мнения и позиции почти всех арабских стран, осуждавших Египет за скоропалительный сепаратный мир с общим врагом, не принесли Садату лавров национального героя. Убийство Садата 6 октября 1981 г. во время военного парада в Каире исламскими фундаменталистами, примыкавшими к движению братьев-мусульман, повергло в шок всю страну. Однако память об А.Садате не ассоциируется в общественном сознании с образом героя-мученика. Примеров этому немало. Так, еще недавно на одном из каирских рынков находился бюст Анвара Садата, едва заметный среди плотно обступивших его со всех сторон прилавков и лотков. На вопрос: «Почему здесь установлен этот бюст?» торговец притворно ответил, что именно Садат позволил свободно торговать и зарабатывать на этом хорошие деньги. «Тогда почему Вы так непочтительно загородили его прилавками, повесили свой товар чуть ли ему не на голову?» — «Так его же больше нет», — рассмеялся торговец.

Пришедший к власти после убийства А.Садата в 1981 г. Хосни Мубарак сумел сделать выводы из ошибок и Насера, и Садата. Будучи политиком западного типа, ориентированным на общечеловеческие ценности, он, тем не менее, все свои политические шаги предпринимает с оглядкой на арабский мир, на мнение единоверцев и соотечественников. Он в целом продолжает социально-экономическую политику своего предшественника, но делает особый упор на развитие производства в частном секторе. В последнее десятилетие построены сотни небольших, но хорошо оборудованных частных предприятий, обеспечивающих египтян почти всеми необходимыми товарами повседневного потребления. Осуществляется постепенная приватизация госсектора. Вообще, отличительная черта египетских реформ — их поэтапность, учет социального фактора. Поэтому несмотря на отдельные проблемы, она проходит без социальных потрясений и шоковых методов. Плюрализм политических мнений выражается в наличии более десяти легальных оппозиционных властям политических партий различной ориентации, имеющих свои печатные органы, принимающих участие в выборах.

Более чем 60-миллионный Египет сегодня — бесспорно самое мощное и влиятельное государство в регионе. Тем не менее, президент Х. Мубарак не стремится непрерывно мелькать на авансцене политических событий. Его стиль —

взвешенные, осторожные, тщательно обдуманные шаги на смягчению напряженности в регионе. Весьма наглядный результат его политики в том, что Египет, возглавлявший борьбу с Израилем в трех ближневосточных войнах, преобразился, ко взаимной выгоде, в одного из основных торговых партнеров еврейского государства и претендует на роль восточного посредника в палестинско-израильском и сирийско-израильском конфликтах и всего комплекса ближневосточного урегулирования.

Нынешний Египет — очень непростое общество с весьма неоднородным социальным составом населения, где можно столкнуться с полярно несовпадающими политическими позициями и мировоззрением. Исламское фундаменталистское подполье, на счету которого сотни жертв политического террора, в том числе покушения на жизнь трех последних египетских президентов, насчитывает несколько десятков крупных организаций. В Каирском университете, крупнейшем учебном центре на Ближнем Востоке, где различные формы обучения проходят более 120 тыс. учащихся, нередко массовые студенческие демонстрации под самыми радикальными фундаменталистскими лозунгами. А буквально в двух-трех километрах — огромный комплекс частного Американского университета, где обучается богатая элита: — молодые люди, прекрасно владеющие английским языком, на котором и основном ведется преподавание, и видящие будущее Египта в тесном контакте с европейскими государствами и Соединенными Штатами.

Успешно руководить такой страной может только человек, стремящийся к компромиссам, избегающий крайностей, привыкший к спокойному взвешенному поведению. Именно такими качествами обладает Хосни Мубарак — выходец из египетского Севера, из нильской дельты, уже самим типом равнинного сознания резко отличающийся от обоих своих предшественников на президентском посту, грубовато-импульсивных радикалов-южан. В последние годы Египет отошедший от крайностей построения «египетского социализма» Насера и «рыночного капитализма» Садата, ищет свой путь в будущее, достойный великой истории этого государства в прошлом. Уникальные геополитические особенности Египта, его срединное положение в арабском мире, значительные людские ресурсы, сравнительно мощный экономический потенциал позволяют египтянам с оптимизмом смотреть в будущее.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Абд аль-Хакам 1985 — Ибн Абд ал-Хакам, Абд ар-Рахман. Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса. М., 1985.
- Абдуль Азиз 1976 — Абдуль Азиз, Халиль. Ежедневная печать Египта, 1960–1971. М., 1976.
- Адонц 1908 — Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана (Текст и разыскания по армяно-грузинской филологии). Кн. 11. СПб., 1908.
- Аль-Барави 1954 — Аль-Барави Рашид, Улейш Мухаммед Хамза. Экономическое развитие Египта. М., 1954.
- Аль-Джабарты 1962 — Аль-Джабарты, Абд ар-Рахман. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801). М., 1962.
- Аль-Джабарты 1963 — Ал-Джабарты, Абд ар-Рахман. Египет под властью Мухаммада Али (1806–1821). М., 1963.
- Аль-Джабарты 1978 — Ал-Джабарты, Абд ар-Рахман. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776–1798). М., 1978.
- Аль-Кирмани 1995 — Аль-Кирмани, Хамид ад-Дин. Успокоение разума. М., 1995.
- Аль-Фахри 1988 — Ал-Фахри, Али ибн Мухаммад. Китаб талхис ал-байан фи зикр фирак ахл ад-адийан. М., 1988.
- Аль-Холи 1962 — Аль-Холи А. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1962.
- Аль-Хусайни, 1980 — Ал-Хусайни, Садр ад-Дин Али. Ахбар ад-даулат ас-сельджукиййа. (Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулукас-сельджукиййа.) («Сообщения о сельджукском государстве». «Свитки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях»). М., 1980.
- Ар-Рафии 1954 — Ар-Рафии Абдаррахман. Восстание 1919 г. в Египте. М., 1954.
- Ацамба, Кириллина 1996 — Ацамба Ф. М., Кириллина С. А. Религия и власть: Ислам в Османском Египте (XVIII–первая четверть XIX в.). М., 1996.
- Вазили 1962 — Вазили К. М. Сирия и Палестина. М., 1962.
- Барро 1893 — Барро М. Ф. Лессепс, его жизнь и деятельность: Биографический очерк. СПб., 1893.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ЕДИНИЦЫ ПЛОЩАДИ, ДЛИНЫ, МАССЫ

- 1 феддан — колеблется между 1000 и 1333 м²
1 акр (англ. система мер) — 4046,86 м²
1 арбаб — 191,69 л
1 бахар — 11,8 кг
1 кила — 7,58 кг
1 оке — 1,36 кг
1 кантар — колеблется между 44,93 и 50,82 кг
1 касаба — 3 м

2. ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ

ПРАВЕДНЫЕ ХАЛИФЫ (11-40 / 632-661)

Абу Бакр	11-13 / 632-634
‘Омар ибн аль-Хаттаб	13-23 / 634-644
‘Усман ибн ‘Аффан	23-35 / 644-656
‘Али ибн Абу Талиб	35-40 / 656-661

ОМЕЙЯДСКИЕ ХАЛИФЫ (41-132 / 661-750)

Му‘авийа I ибн Абу Суфйан	41-60 / 661-680
Йазид I	60-64 / 680-683
Му‘авийа II	64-64 / 683-684
Марван I ибн аль-Хакам	64-65 / 684-685
‘Абд аль-Малик	65-86 / 685-705

аль-Валид I	86-96 / 705-715
Сулайман	96-99 / 715-717
'Умар ибн 'Абд аль-'Азиз	99-101 / 717-720
Йазид II	101-105 / 720-724
Хишам	105-125 / 724-743
аль-Валид II	125-126 / 743-744
Йазид III	126-126 / 744-744
Ибрахим	126-127 / 744-744
Марван II аль-Химар	127-132 / 744-750

АББАСИДСКИЕ ХАЛИФЫ (132-656 / 749-1258)

ас-Саффах	132-136 / 749-754
аль-Мансур	136-158 / 754-775
аль-Махди	158-169 / 775-785
аль-Хади	169-170 / 785-786
Харун ар-Рашид	170-193 / 786-809
аль-Амин	193-198 / 809-813
аль-Ма'мун	198-201 / 813-817
Ибрахим ибн аль-Махди	201-203 / 817-819
аль-Му'тасим	218-227 / 833-842
аль-Васик	227-232 / 842-847
аль-Мутаваккиль	232-247 / 847-861
аль-Мунтасир	247-248 / 861-862
аль-Муста'ин	248-252 / 862-866
аль-Му'тазз	252-255 / 866-869
аль-Мухтади	255-256 / 869-870
аль-Му'тамид	256-279 / 870-892
аль-Му'тадид	279-289 / 892-902
аль-Муктафи	289-295 / 902-908
аль-Муктадир	295-320 / 908-932
аль-Кахир	320-322 / 932-934
ар-Ради	322-329 / 934-940
аль-Муттаки	329-333 / 940-944
аль-Мустафиз	333-334 / 944-946
аль-Мути'	334-363 / 946-974
ат-Та'и'	363-381 / 974-991
аль-Кадир	381-422 / 991-1031
аль-Ка'им	422-467 / 1031-1075
аль-Муктади	467-487 / 1075-1094

аль-Мустазхир	487-512 / 1094-1118
аль-Мустаршид	512-529 / 1118-1135
ар-Рашид	529-530 / 1135-1136
аль-Муктафи	530-555 / 1136-1160
аль-Мустанджид	555-566 / 1160-1170
аль-Мустади'	566-575 / 1170-1180
ан-Насир	575-622 / 1180-1225
аз-Захир	622-623 / 1225-1226
аль-Мустансир	623-640 / 1226-1242
аль-Муста'сим	640-656 / 1242-1258

АББАСИДСКИЕ ХАЛИФЫ В КАИРЕ (659-923 / 1261-1517)

аль-Мустансир	659-660 / 1261-1261
аль-Хаким I	660-701 / 1261-1302
аль-Мустакфи I	701-740 / 1302-1340
аль-Васик I	740-741 / 1340-1341
аль-Хаким II	741-753 / 1341-1352
аль-Му'таид I	753-763 / 1352-1362
аль-Мутаваккиль I	763-779 / 1362-1377
аль-Му'тасим	779-779 / 1377-1377
аль-Мутавакким I (вторично)	779-785 / 1377-1383
аль-Васик II	785-788 / 1383-1386
аль-Му'тасим (вторично)	788-791 / 1386-1389
аль-Мутаваккиль I (третье правление)	791-808 / 1389-1406
аль-Муста'ин	808-816 / 1406-1414
аль-Му'таид II	816-845 / 1414-1441
аль-Мустакфи II	845-855 / 1441-1451
аль-Ка'им	855-859 / 1451-1455
аль-Мустанджид	859-884 / 1455-1479
аль-Мутаваккиль II	884-903 / 1479-1497
аль-Мустамсик	903-914 / 1497-1500
аль-Мутаваккиль III	914-922 / 1500-1517
аль-Мустамсик (вторично)	922-923 / 1516-1517
аль-Мутаваккиль III (вторично)	923 / 1517

АЙЮБИДЫ (АЙЙУБИДЫ)

564—конец IX в. / 1169—конец XV в.

Малик ан Насир I Салах ад-дин (Саладин)	564-589 / 1169-1193
Малик аль-'Азиз 'Имад ад-дин	589-595 / 1193-1198
Малик аль-Мансур Насир ад-дин	595-596 / 1198-1200
Малик аль-'Адил Исайф ад-дин	596-615 / 1200-1218
Малик аль-Камил I Насир ад-дин	615-635 / 1218-1238
Малик ад-'Адил II Сайф ад-дин	635-637 / 1238-1240
Малик ас-Салих Наджим ад-дин Аййуб	637-647 / 1240-1249
Малик аль-Му'аззам Тураншах	647-648 / 1249-1250
Малик аль-Ашраф II Музаффар ад-дин	648-650 / 1250-1252
Малик аль-Афдал Нур ад-дин 'Али	582-592 / 1186-1196
Малик аль-'Адил I Сайф ад-дин	592-615 / 1196-1218
Малик аль-Му'аззам Шараф ад-дин	615-624 / 1218-1227
Малик ан-Насир Салах ад-дин Дин'уд	624-626 / 1227-1229
Малик аль-Ашраф I Музаффар ад-дин	626-634 / 1229-1237
Малик ас-Салих 'Имад ад-дин	634-635 / 1237-1238
Малик аль-Камил I Насир ад-дин	635 / 1238

МАМЛЮКИ

(648-922 / 1250-1390)

Маджар ад-Дурр	648-648 / 1250
Му'изз 'Изз ад-дин Айбак	648-655 / 1250
Мансур Нур ад-дин 'Али	655-657 / 1257
Музаффар Сайф ад-дин Кутуз	657-658 / 1250
Захир Рукн ад-дин Байбарс I	658-676 / 1260
Бундукдари	
Сид Насир ад-дин Барака (или Берке)-хан	676-678 / 1275

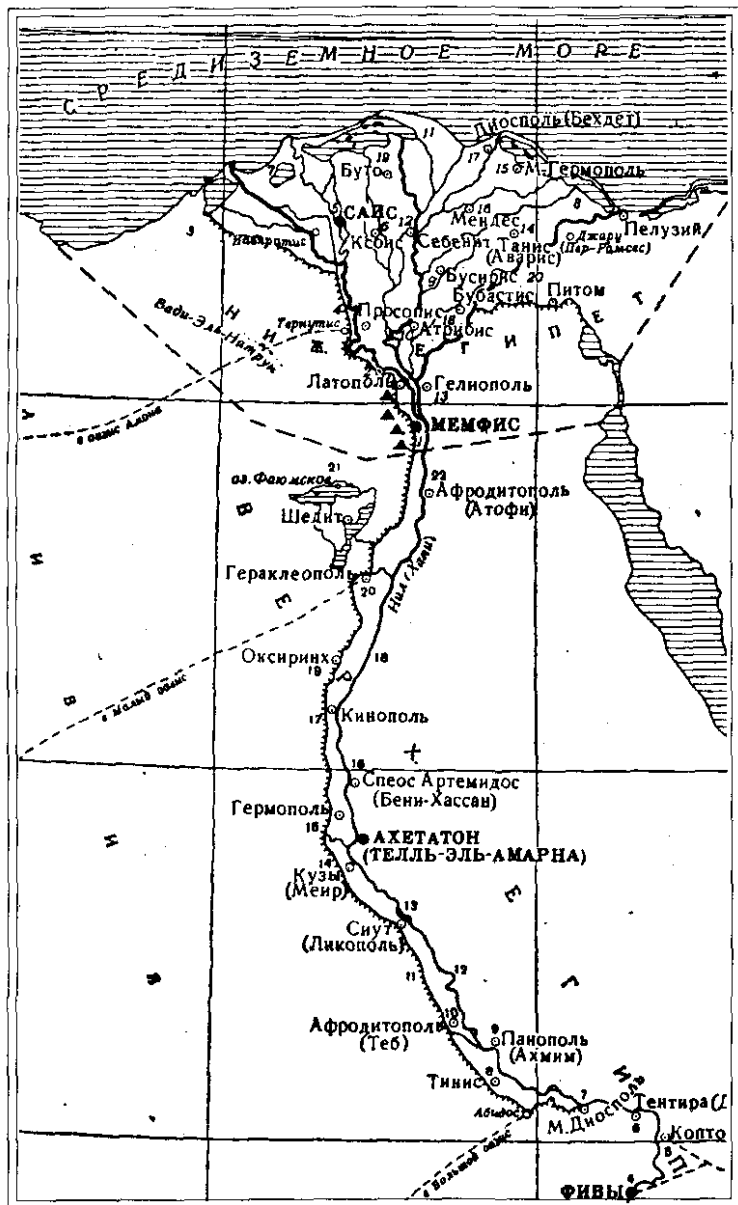
аль-'Адил Бадр ад-дин Саламиш	678-678 / 1280-1280
аль-Мансур Сайф д-дин Кала'ун	678-689 / 1280-1290
аль-Алфи	
аль-Ашраф Салах ад-дин Халил	689-693 / 1290-1294
ан-Насир Насир ад-дин Мухаммад	693-694 / 1294-1295
аль-'Адил Зайн ад-дин Китбуга	694-696 / 1295-1299
аль-Мансур Хусам ад-дин Ладжин	696-698 / 1297-1299
ан-Насир Насир ад-дин	698-708 / 1299-1309
Мухаммад (вторично)	
Аль-Музаффар Руки ад-дин	708-709 / 1309-1309
Байбарс II аль-Джахангир	
ан-Насир Насир ад-дин	709-741 / 1309-1340
Мухаммад (третье правление)	
аль-Мансур Сайф ад-дин Абу Бакр	741-742 / 1340-1341
аль-Ашраф 'Ала' ад-дин Куджук	742-743 / 1341-1342
ан-Насир Шихаб ад-дин Ахмад	743-743 / 1342-1342
ас-Салих 'Имад ад-дин Исма'ил	743-746 / 1342-1345
аль-Камил Сайф ад-дин Ша'бан I	746-747 / 1345-1346
аль-Музаффар Сайф ад-дин	747-748 / 1346-1347
Хаджжи I	
ан-Насир Насир ад-дин аль-Хасан	748-752 / 1347-1351
ас-Салих Салах ад-дин Салих	752-755 / 1351-1354
ан-Насир Насир ад-дин аль-Хасан	755-762 / 1354-1361
(вторично)	
аль-Мансур Салах ад-дин	762-764 / 1361-1363
Мухаммад	
аль-Ашраф Насир ад-дин Ша'бан II	764-778 / 1363-1376
аль-Мансур 'Ала' ад-дин 'Али	778-783 / 1376-1382
ас-Салих Салах ад-дин Хаджжи II	783-784 / 1382-1382
аз-Захир Сайф ад-дин Баркук	784-791 / 1382-1389
(Бурджи)	
Хаджжи II (вторично, с почетным	791 / 1389
титолом аль-Музаффар)	

БУРДЖИТЫ (784-922 / 1382-1517)

аз-Захир Сайф ад-дин Баркук	784-791 / 1382-1389
Хаджжи II (вторично, Бахрит)	791-792 / 1389-1390
аз-Захир Сайф ад-дин Баркук	792-801 / 1390-1399
(вторично)	

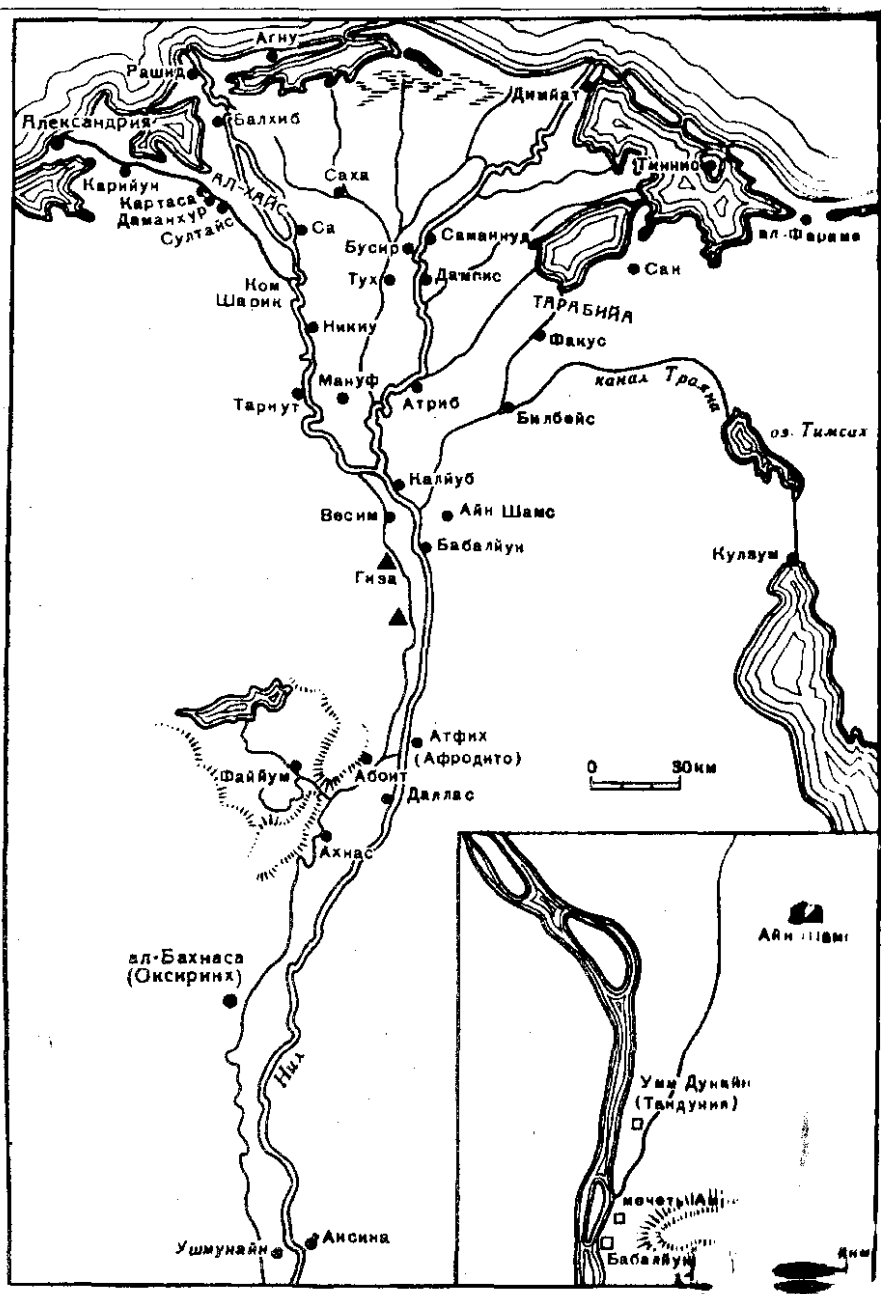
ан-Насир Насир ад-дин Фарадж	801-808 / 1399-1405
аль-Мансур 'Изз ад-дин 'Абд аль- 'Азиз	808-808 / 1405-1405
ан-Насир Насир ад-дин Фарадж (вторично)	808-815 / 1405-1412
аль-'Адил аль-Муста'ин (аббасид- ский халиф, провозглашен сул- таном)	815-815 / 1412-1412
аль Му'аййад Сайф ад-дин Шайх	815-824 / 1412-1421
аль-Музаффар Ахмад	824-824 / 1421-1421
аз-Захир Сайф ад-дин Татар	824-824 / 1421-1421
ас Салих Насир ад-дин Мухаммад	824-825 / 1421-1422
аль Ашраф Сайф ад-дин Барсбай	825-841 / 1422-1438
аль-'Азиз Джамал ад-дин Йусуф	841-842 / 1438-1438
аз-Захир Сайф ад-дин Джакмак	842-857 / 1438-1453
аль-Мансур Фахр ад-дин 'Усман	857-857 / 1453-1453
аль-Ашраф Сайф ад-дин Инал	857-865 / 1453-1461
аль-Му'аййад Шихаб ад-дин Ахмад	865-865 / 1461-1461
аз-Захир Сайф ад-дин Хушкадам	865-872 / 1461-1467
аз-Захир Сайф ад-дин Билбай	872-872 / 1467-1468
аз-Захир Тимур-буга	872-872 / 1468-1468
аль-Ашраф Сайф ад-дин Ка'ит-бай	872-901 / 1468-1496
ан-Насир Мухаммад	901-903 / 1496-1498
аз-Захир Кансух	903-905 / 1498-1500
аль-Ашраф Джанбалат	905-906 / 1500-1501
аль-'Адил Сайф ад-дин Туман-бай	906-906 / 1501-1501
аль-Ашраф Кансух аль-Гаури	906-922 / 1501-1517
аль-Ашраф Туман-бай	922 / 1517

3. КАРТЫ, ИЛЛЮСТРАЦИИ*

НОМЫ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА (15 в. до н.э.)

ллюстрации предоставлены Ю.Н.Прубщиковой.

ЕГИПЕТ В СЕРЕДИНЕ VII В.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пиотровский М. Б. О мусульманском Египте — серьезно и интересно</i>	3
Предисловие	5
Введение	7
Глава 1. Завоевание арабами Египта	17
Трудное решение	19
Состояние войны	25
Поход	32
Хозяева чужой страны	38
Глава 2. Египет в составе омейядского и аббасидского халифатов (661—969)	43
Египет и религиозно-политическая борьба первых десятилетий ислама	45
Египет при Омейядах (661—750)	49
Египет в составе государства Аббасидов (750—969)	56
Глава 3. Египет при Фатимидах (969—1171)	65
От национальной религии к универсальному вероучению	67
Доктрина	73
Триумф вероучения	77
Династия	86
Кода	95
Глава 4. Династия Аййубидов и крестоносцы (1171—1250)	101
Диктатор	103
Крестоносцы и конец династии Аййубидов	111
Цивилизационная дихотомия Восток—Запад	121
Глава 5. Египетская империя мамлюков (1250—1517)	125
Эпоха мамлюков	127
Мамлюки бахри (1250—1382)	132
Мамлюки бурджи (1382—1517)	143
О мамлюкском политическом режиме	158
Глава 6. Египет в составе Османской империи:	
От Селима Грозного до Наполеона Бонапарта (1517—1801)	167
Начало османизации (1517—1525)	169
От гражданского мира к гражданской войне (1525—1711)	178
Господство мамлюкских беев (1711—1760)	186
Али-бей аль-Кабир и его преемники (1760—1798)	194
Вторжение армии Наполеона Бонапарта в Египет (1798—1801)	201

Глава 7. Истоки египетской национальной государственности (1801–1854)	209
Основатель современного Египта	211
Вхождение во власть	218
Император-реформатор	221
Имперская государственность	235
Новый этап имперских войн	238
Глава 8. Утрата свободы (1854–1922)	251
Суэцкий канал: триумф и трагедия	253
Поражение национального движения	258
Египет под властью Англии (1882–1922)	276
Заключение	289
Литература и источники	297
Приложения	316
1. Единицы площади, длины, массы	—
2. Годы правления	—
3. Карты, иллюстрации	323

ОГЛАВЛЕНИЕ

в издании
1904 г. книга была переиздана
1901 г. издана
издана в 1901 г. в издании
1901 г. издана в издании
1901 г. издана в издании
1901 г. издана в издании
1901 г. издана в издании
1901 г. издана в издании

Научное издание

Евгений Ильич Зеленев

ЕГИПЕТ

Средние века и новое время

Зав. редакцией *Г. Чередниченко*
Редактор *Е. Парфенова*
Художественное оформление *Е. Соловьёвой*
Технический редактор *Е. Миллер*
Компьютерная верстка *С. Кузьминой*

Лицензия ЛР № 040050 от 15.08.96

Подписано в печать с оригинала-макета 30.12.98. Формат 60х84/16.

Печать офсетная. Усл.печ.л. 19,76. Уч.-изд.л. 20,83.

Тираж 1000 экз. Заказ № **134**.

Редакция оперативной подготовки учебно-методических и научных изданий

Издательства С.-Петербургского университета.

199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Типография Издательства СПбГУ.

199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Список замеченных опечаток

Строка	Написано	Следует читать
н 10 4-я строка снизу	начале 30-х годов VI в.	начале 30-х годов VII в.
н 25 4-я строка сверху	позволяют дать следующее обобщающее описание	позволяют дать следующее обобщающее описание
н 87 16-я строка сверху	началась в 670 г.	началась в 970 г.
н 121 1-я строка снизу	стоянное	стоянное вооруженное давление крестоносцев в первой половине XIII в. укрепило военный характер египетского политического режима, который в 1250 г. достаточно легко преобразовался в военную диктатуру мамлюков — воинов рабов, присягнувших
н 161 1-я строка сверху	му — гибель	режиму — гибель
н 323 1-я строка снизу	Иллюстрации представлены Ю.Н.Прубицкой.	Иллюстрации представлены Ю.Н.Прубицкой.
н 325 подпись:	ТЕРРИТОРИЯ ВЛАДЕНИЯ МУХАМЕДА АЛИ В 1840 Г.	ТЕРРИТОРИЯ ВЛАДЕНИЯ МУХАММАДА АЛИ В 1840 Г.